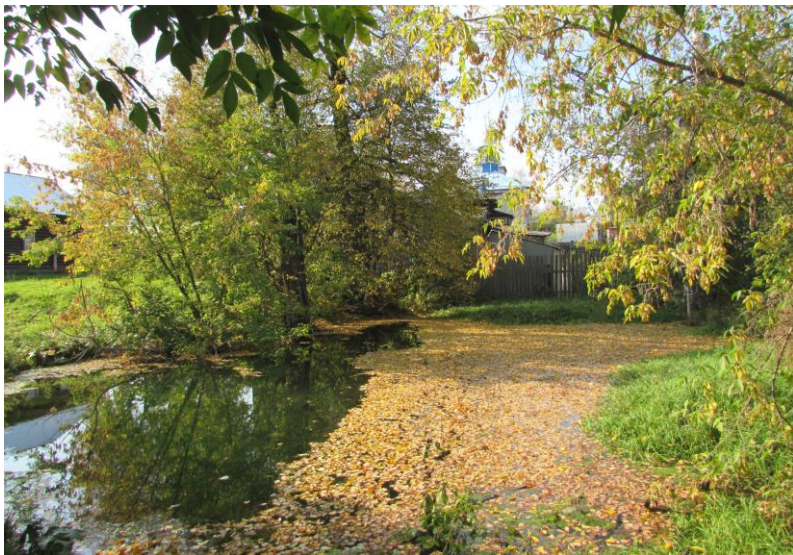

Верещагино

Тихая моя родина... (фото – **Елена Конева**, Верещагино)

Верещагино

Стальные рельсы-магистрал
Через наш город пролегли
И разбудили эхом дали
Седой нетронутой земли.

Здесь, посреди лесов казённых,
Когда-то строился вокзал,
Посёлок вырос станционный,
И в нём художник побывал...

Прекрасен город наш сегодня:
За этажом растёт этаж,
И молоко здесь производят,
И шьют отличный трикотаж.

Умеют здесь с душой трудиться,
Случайных милостей не ждать,
А после – петь и веселиться,
И в спорте гордо побеждать.

Идёт торговля для народа,
И ленты стелются дорог,

Так хорошеет год от года
Уральский милый городок...

(Автор – **Елена Конева**, Верещагино,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

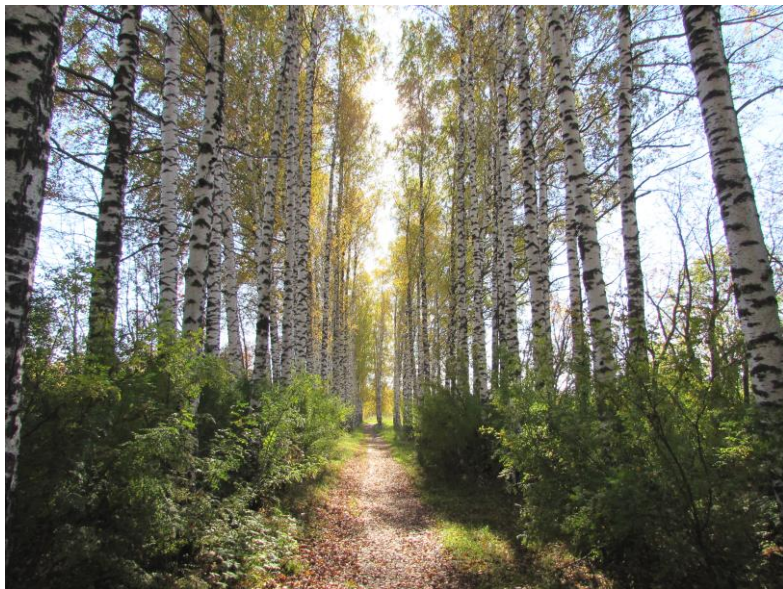
Божья обитель (фото – **Елена Конева**, Верещагино)

Зелёное море

Вдалеке от морских побережий
Я живу на Урале седом,
Но прекрасное море безбрежное
Окружает мой город, мой дом.
Это вечнозелёное море
Обожает и солнце, и дождь,
А нырнёшь в его волны, и вскоре
Ты под сень хвойных лап попадёшь.
Здесь поют птичьих стай менестрели,
Здесь лесной проживает народ,
И пушистые ёлочки, ели
Водят свой озорной хоровод.
Это дерево – чудо-аптека:
Витамины, смола, аромат!

И врачует оно человека
Уже много столетий подряд.
В жаркий день ели дарят прохладу,
От мороза спасают зимой...
Мне солёного моря не надо,
Ведь зелёное море – со мной!

(Автор – **Елена Конева**, Верещагино, номинация 4)

В стране берёзового ситца (фото – **Елена Конева**, Верещагино)

* * *

Тихие улочки милого города...
Пышная зелень, контуры крыш.
Всё здесь давно и знакомо, и дорого:
Пение птиц или лунная тишь.
Очарование русской провинции
Медленно льёт в эти улицы свет.
Город ты мой,
в мире ты не единственный,
Только роднее, прекраснее нет!

(Автор – **Елена Конева**, Верещагино, номинация 4)

В морозный день (фото – *Елена Конева*, Верещагино)

Место встреч и расставаний (фото – *Елена Конева*, Верещагино,

Баракы

Доживают своё бараки,
Стонут, охают по ночам,

Догорают свечой в полумраке,
Только ходики тихо стучат.
Были здесь и свадьбы, и драки,
И страдал, и пел человек...
Доживают своё бараки,
На дворе двадцать первый век.

(Автор – **Елена Конева**, Верещагино, номинация 4)

Смотрелись сосны в зеркало пруда (фото – **Елена Конева**, Верещагино)

Ностальгия

Светофор замигал равнодушно:
Снова в пробке бессрочно стоять.
В мегаполисе жарко и душно,
А закрою глаза, и опять...
Видю солнцем залитый наш садик,
Наш уютный, хоть маленький дом,
И знакомый резной палисадник,
И сиреневый куст под окном.
Город мой на железной дороге,
Мой маяк на тернистом пути.
Воспитал ты и вырастил многих,
Нам теперь от тебя не уйти.

В каждом новом лиловом рассвете
Где бы ни был, не жил, всё равно,
Огонёк этот ласково светит,
Словно мамы родное окно.

Лабиринты зелёные улиц
Меня в детство с собою ведут,
А в садах, что с весною проснулись,
Соловьи без умолку поют.
Аромат той душистой сирени
До сих пор мне струится в окно.
Город мой, навсегда я твой пленник,
Хоть уехал отсюда давно...

(Автор – **Елена Конева**, Верещагино, номинация 4)

Встречая зиму (фото – **Елена Конева**, Верещагино)

Танцплощадка

В старом парке танцплощадка
Загрустила снежным днём:
Нынче ей совсем несладко
С одиночеством вдвоём.

Вспоминает дни былые,
Каблучков весёлый стук,

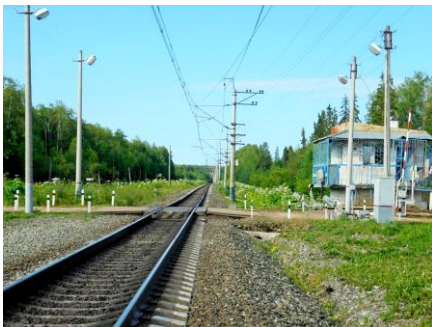
Песни, лица молодые
И задорный смех подруг...
(Автор – **Елена Конева**, Верещагино, номинация 4)

На запасном пути (фото – **Елена Конева**, Верещагино)

Кукетский – Зюкайка (6.07.2022)

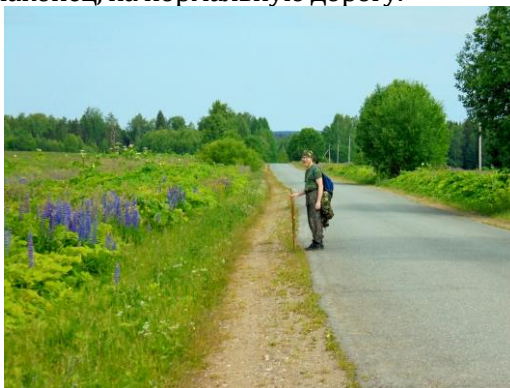
Мерный перестук колёс... Мчат колёса ранним утром электричку... на Балезино. Мы выходим на остановке Кукетский (что в двух остановках перед Верещагиным; Кукетский – довольно крупный посёлок, в котором проживает более 500 человек, есть магазин). Цель вылазки нашей группы-двойки – бывший посёлок городского типа (в 1943-98 гг.) Зюкайка (ну и окрестности; Кукетский – самое удобное и близкое место для этого, всего в 12 км).

И вот от ж/д переезда мы двинулись пешим ходом по автомобильной дороге; шли окраиной посёлка, который лежит слева от дороги, мимо останков кампанейской «борьбы» с борщевиком и полос мусора по обочинам,

...Не видишь, гусей пасу! (п. Кукетский)
и вышли, наконец, на нормальную дорогу.

Километра через четыре с лишним справа показались дома – вдоль протекающей здесь небольшой речки Игашор (правый приток р. Лысьвы, являющейся правым притоком Обвы) в урочище Андриюшата (очевидно, на месте бывшей деревни) расположился приют для отдыха «У Егорыча». Вскороги за ним дорога пересекает маленькую деревушку Сарачи (о нескольких домиках), здесь на речке небольшой прудок. Вот мы вновь видим что-то по правую руку – это широкая водная гладь немаленького уже пруда, на противоположной стороне которого расположилась небольшая деревня Кузьминка.

Ещё дальше двигаемся по дороге – и виднеется панорама строящегося объекта: как нам рассказали встреченные рабочие, здесь будет самая крупная в Пермском крае ферма,

современный вид которой уже виден воочию. Ещё совсем немного, ещё небольшой подъём – и вот впереди уже широко раскинулась Зюкайка, плавно спускающаяся к реке Лысьве, Дорога практически вся (кроме участка, разбитого тяжёлым транспортом при строительстве фермы) довольно хорошо асфальтирована, содержится в порядке.

Нынешняя Зюкайка по статусу – просто посёлок, хотя жителей имеет около 3,5 тысяч (и смело тянет на посад Зюкайск), да и обличьем своим выглядит прилично, много новостроек и доброт-

ных домов, в т.ч. и многоквартирных, современной городской застройки; посёлок чистый, ухоженный, оставляет хорошее впечатление, посёлок живёт, развивается, несмотря на гиблое время «закрываний» да уничтожения под видом оптимизаций.

Когда-то здесь был маслозавод, построенный в проклятой большевиками «царской России» (туда ещё была проложена железнодорожная ветка узкой колеи от ст. Зюкай, на аэрокосмическом снимке след её до сих пор виден весь, до самой Зюкайки), успешно разорённый гражданскими войнами (сейчас от той территории мало что осталось, небольшая церквушка да остатки старых домов), с 1909 г. на реке построена малая гидроэлектростанция (возможно, какие-то остатки её тоже сохранились), позже, уже в советское время здесь заложен Ремзавод – сейчас, по виду, он на

консервации, если не разорён окончательно.

В 1935 открыта Школа механизации сельского хозяйства в местном совхозе, преобразованная после 1945 в сельскохозяйственный техникум, а в 1970 – в знаменитый совхоз-техникум, обучавший специалистов сельского хозяйства, вероятно, не только для Пермской области. Позже он был реорганизован в аграрный техникум, имел филиал в с. Карагай, а в 2018 успешно ликвидирован и превращён в филиал Верещагинского многопрофильного техникума – считай, тоже угроблен (зачем бы торгашам-спекулянтам да предателям квалифицированные рабочие?!).

Шли по жаре, по открытым почти местам, притомились, однако... Отдохнули в парке, поколесили по центру, пообедали в столовой, продолжили движение в сторону реки, вышли на неё, берегом шли вверх по течению к автомобильному мосту, мимо центральной площади, мимо церкви, по мосту перешли на левый берег, посмотрели реку. Вот река не впечатлила, грязная, илистая, никто не купается (купаться, кому так уж охота, народ ездит на пруд в Кузьминке).

Сходили на странный объект – недостроенно-брошенную плотину, позабытую теперь мечту о большом Зюкайском пруде (на одной из карт я даже его увидел, но нет – реально

пруда нет, большая ложбина выросших деревьев, недоплотина-мост – и всё; а всё ж таки он здесь был).

Река Лысьва в Зюкайке

Крутанулись по Зюкайке (думаю, 5-6 км смело находили), посмотрели, конечно, не всё, но уж что есть... Нам пора к «последней электричке», домой. Где-то 8 км обратной дороги проделали пешком (а никто на поднятые призывы подвезти не реагирует, видимо, здесь это совсем не принято), под конец уже откровенно хромая и обезсилев. Наконец, подарком судьбы на оставшийся кусок пути нам был мотоблок с тележкой, водитель которого, Артур, возвращавшийся с работы, охотно подобрал нас. Так добрались до окраины Кукетского, приплелись через магазин на остановочный пункт, где с час поджидали электричку. Так закончилась эта поездка.

(Автор текста – **Ал. Тимшин**, Пермь; фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Краснокамск

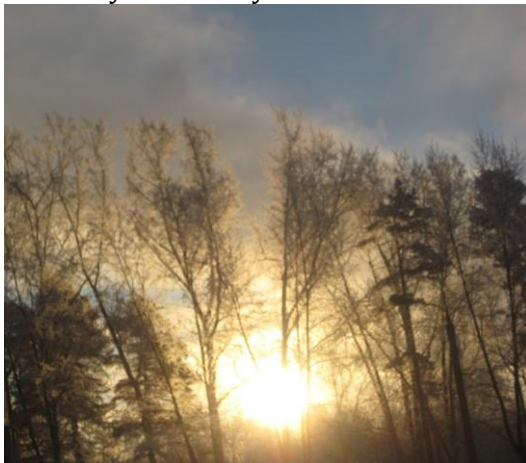
Мой Краснокамск

Краснокамск на просторах Камы,
Стал отныне любимым самым.
По масштабам совсем не большой,
Но зелёный, уютный, родной.
Возвышается храм величавый,
Средь мирской суеты, на холме.
Когда праздник наступит престольный
Слышен звон колокольный везде!
 Вековые берёзы и сосны
 В парках, скверах повсюду растут.
 Ветеранов Великой Победы,
 Уважают, и с гордостью чтут.
 Здесь спортшколы, катки, стадионы,
 Стар и мал, здесь со спортом на «ты»,
 Чемпионов рождает мой город,
 И сбываются детства мечты.
Здесь заводы, и здесь комбинаты,
Есть рабочие, есть мудрецы.
Есть художники, есть и поэты,
Музыканты, танцоры, певцы.
Город строится, город растёт,
И живёт здесь хороший народ.
Город ширится и расцветает,
Лучше города и не бывает.

* * *

А на дворе опять февраль завьюжил,
Закутывая землю, реки и дома.
Трещат деревья у околицы от стужи, –
Морозная, жуть снежная зима.
Метелицей шумит в полях и лесах,
Узоры дивные рисует на снегу.
А вьюга музыку затаит в песнях
И навевает скуку - на душе тоску.
Проснётся солнце утром, как обычно

Пытаясь разобраться, что к чему.
Но тут за тучку завернёт привычно,
И спрячется, оставив золота кайму.
Весна уже отнюдь - не за горами,
Мы все в душе устали от зимы.
Ждём с нетерпением - пригреет солнце.
И звонкую капель услышим мы.

Пока стихи на свете есть

* * *

Поэтов много, их не счесть,
Мысль, каждый выразить готов.
Пока стихи на свете есть,
Есть написание новых строф.
Пусть вдохновения не ждут
Поэты, строчки излагая.
И неожиданно придут,
Стихи поэту – с чашкой чая.
А на природе, в поздний час,
Возле костра или у моря,
Волна стихов обнимет вас,
Они доступней на просторе.
Пока стихи на свете есть, –
Читаем, слушаем, слагаем.
И для поэта – это честь.
Поэзию мы восхваляем.

По ромашковому небу,
Пробежаться не смогу.
На опушке, возле леса,
Я ромашек наберу.
Луг ромашками наполнен,
Так чудесно и светло.
Забываются невзгоды,
На душе от них тепло.
Я присяду на полянке,
Разговоры заведу,
И тихонько, в разговорах,
Я венок себе сплету.
Нет прекраснее и лучше,
Той земли, где отчий дом.
И ромашковые дали
Видно в небе голубом!

Подходит лето к осени

Коралловыми гроздьями,
Кивала мне рябинушка.
Берёзка белоствольная,
Махала мне листвою.
Я лёгкою походкою,
Спускалась к можжевельнику.
Где ручеёк с журчанием,
Встречается с рекой.
Над горизонтом издали,
Горел закат малиновый.
Край Солнца апельсиновый,
Ушёл за поворот.

(Автор – **Елена Ускова**, Краснокамск, участник Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Шагая лёгкой поступью,
Подходит лето к осени.
Малиновка в малиннике,
Уж больше не поёт.
Погодка шаловливая,
Грозит холодным инеем.
Туманы лёгкой дымкою,
Спускаются к реке.
Сюда осенним вечером,
Приду знакомой тропкою.
Шуршит листва опавшая,
Кружится в тишине.

В радости дня

А в Пермских лесах: во еловых, сосновых,
в берёзовых рощах с присутствием клёнов,
осинок, рябинок, задумчивых вязов –
отрада для сердца, услада для глаза.

И не наглядеться. А в шёпоте листьев
как лёгкие дышат да воздухом чистым,
тем воздухом Родины – милой, великой.
«Спасибо, родная!» – ей хочется крикнуть.

А в говоре реченек – смысл сокровенный,
вся тайна огромная нашей Вселенной.
И мне – в ней трудиться для радости ближних.
Сумею ли стать Человеком я в жизни?

Так, чтобы мгновенья мои – не напрасны.
Хоть мир многоликий суров, но и ласков.
Мне в радости дня черпать стойкость и силу
за данное мамою имя – Людмила.

За корни мои, родовое наследство –
всегда на него я могу опереться.
И лишним не будет, назад не потянет,
а просто поможет постичь мира тайны.

В сравненье, в сравнении всё познается.
И счастье пресветлое – то, что даётся.

Задумчивость вязов, берёзенок трепет,
надежда и ласковость новых рассветов...

(Автор – **Людмила Пенягина**, п. Майский, Краснокамск,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Пруд в п. Майский (фото – **Елена Ускова**, Краснокамск,
дипломант Конкурса в номинации 1 – Родные просторы)

Поэту и барду Руслану Чекменёву

Как добротою был богат!
Прощай, наш друг, прощай, наш брат!
Поэт и бард – душой от Бога,

Ушёл пресветлою дорогой...
А на Земле оставил след,
Как Человек и как Поэт.
Руслан, Руслан! Живи в потомках,
Живи поэзией негромкой,
В порывах ветра, в наших душах –
Не будет твой огонь потушен.
Земную жизнь прожил достойно.
Пока мы живы – будем помнить!

2021

В заоблачность...

Ушла в заоблачность свою,
Как в поле – маленький ребёнок.
А почему ветра поют?
И голос ветра нежно-звонок?
Прощайте, тучи! Тих рассвет.
Опасности рванусь навстречу.
В моих ладонях – отзвук бед,
Косноязычность чьей-то речи.
Недоумение в глазах
Прохожих явно отразится.
Я улетаю не "за страх",
А чтоб увидеть ваши лица,

Когда вернусь и улыбнусь
Всей ситуации нелепой.
«Вперёд! – шепчу себе. – Не трусь,
Рождённая с душой поэта.
Познай весь мир. Наполнись им –
И улетай за ветром шалым.
Что будет дальше – поглядим,
Но я вернуться обещала».
Ушла в заоблачность, пока
Со мной попутный ветер будет.
Прощально поднята рука –
«Не осудите меня, люди».

(Автор – **Людмила Пенягина**, п. Майский, Краснокамск, номинация 4)

Краснокамск

Наш город мне напоминает птицу –
летающего вдоль Камы журавля
(взглянув с высот порхающей синицы),
и Родина здесь малая моя!..
И потому, наверно, зори краше,
и память возвращает в детства дни...
И каждое мне деревце помашет
приветливо и, веточки склонив,
обнимет нежно, волосы погладит,
прошелестит листочками любя...
И жизнь дана мгновений этих ради:
тропинками протоптана стезя,
меж сосен красных погулять у Камы,
в прохладных водах ножки сполоснуть...
Родною любоваться панорамой,
река уносит жизненную муть...
Душевные излечивает раны,
течением неспешным исцелив...
Здесь свадьбами венчаются романы!..
И в унисон звучит сердец мотив...

* * *

Можжевельник под сосной, рядом вырос дом лесной...
Уникальны крепежи и всё выше этажи.

Работяги день-деньской носят хвою на пристрой...
Аккуратно муравьи добавляют метражи.
Шире круг: кипит работа, о потомстве всё забота...
Исторический процесс – сохранить здоровым лес!
(Автор – **Игорь Романенко**, Краснокамск,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Нет посёлка милей (п. Майский)

Есть у каждого в жизни заповедное место –
Нету места на свете родней.
Майский стал неизменно родительским домом,
Малой родиной многих людей.
Молодой и красивый, величавый и гордый –
Нет на свете посёлка милей.
Он стоит, возвышаясь над речною долиной,
В окруженье лесов и полей.
Трудовой и аграрный, кормит Родину мясом.
А талантов здесь хоть отбавляй!
Побратим с заграницей и делами своими
Славит там наш родной Пермский край!
Много песен пропето про деревни и сёла,
Про столицы и города.
Но споём мы про наш живописный посёлок,
Что стоит у большого пруда.
Наши годы, как птицы, улетают куда-то,
А нам Майский милей и милей.
Он стоит, возвышаясь над речною долиной,
В окруженье лесов и полей.

Чудо-городочек

Все мы знаем, что в России есть «Герои-города».
Есть «Шахтёры», есть «Музеи», есть и «Доблести труда».
Есть постарше, есть моложе, есть богаче, есть бедней,
Как две капельки похожи, на российских на людей
Люди любят и гордятся малой родиной своей!
Но сегодня речь заводим или, может, заведём
О младшем братишке края – доме, где мы все живём.
В дни великого застоя среди скошенных полей
Вырос чудо-городочек – гордость Родины моей!

Дом культуры. Школа. Баня. И огромный гастроном.
И, конечно, детский садик мирно уместились в нём.
Победителей не судят! – лозунги твердили нам,
Постоянно превышался пятилеточек Госплан.

Продовольственная тема, безопасность всей страны,
И, конечно же, культура с ветром чистой новизны.
Аплодировали стоя Куба, Франция, Вьетнам.

Ну, Германия, конечно, что вдвойне приятно нам.
Дым Отечества прекрасен, он стремится ровно вверх.
Верь, что ждёт посёлок Майский оглушительный успех!
Ведь не зря же ежедневно нам звонят колокола.
Значит, верим! Значит, любим! И душа у нас жива!!!

Майский, здравствуй!

Есть на Западном Урале, вдали от больших дорог
Интереснейший посёлок, заповедный уголок.
На холмах расположился среди скошенных полей,
От ветров огородился шевелюрой тополей.
Он глазами добрых окон в даль далёкую глядит.
И над поймою речною словно в воздухе парит.
Хлебосольный добрый малый, он гостям бескрайне рад,
А те, в гости приезжая, восхищённо говорят;
Здравствуй, Майский! Друг наш Западноуральский!
Здравствуй, Майский!
«Горная Швейцария» на земле Уральской – Майский!
Здравствуй, Майский, городок из детства,
уголочек райский – Майский!

Так бывает, уезжаем жить в большие города.
Только тот район из детства не забудешь никогда.
Там друзья и Дом, и Мама, и ротонда на пруду,
И закаты, и рассветы – те, что в сердце берегу.
Здравствуй, Майский! Городок из детства!
Уголочек райский – Майский!

Есть традиция в России – строить раз и на века.
Не случайно, заблестели над селеньем купола.
И свеченье у иконок неугаснувшей свечи.
И молебны о посёлке – неизменно горячи!
Верю, будет на нас с вами опускаться благодать.
Верю, будут наши дети жить, учиться и гулять.

Мир Земле, труду – спасибо! Процветания навек!
И другого не бывает, коли счастлив Человек!

Храм Екатерины (г. Краснокамск)

Там, где сосны шумят вековые
Т великой реки поворот,
Храм стоит Екатерины,
Храм стоит, значит, город живёт.
А река, набегая на берег,
Умывает его берега,
Унося за собой всё плохое,
Оставляя добро на века.

Храм стоит на открытом просторе,
Неподвластный годам и ветрам.
Каждым разом с восходами Солнца
Открывает объятия нам.

Ты зайди в этот храм, помолися
С бескорыстно-открытой душой,
И постой перед образом Святым,
И глаза на минуту закрой.

Пусть откроется дверь мироздания,
Пусть привидится счастья звезда.
Отправляйся по жизни с любовью,
Пусть она тебе светит всегда.
И свече, негасимой и светлой,
Перед образом этим стоять,
Чтоб спускалась над город на Каме
С Благодатных небес Благодать.

Кама – Краснокамск

Микрорайон Запальта, рядом речка Пальта,
Справа за мосточком расположен Храм.
Храм Екатерины, добрый и любимый,
Двери открывает каждым утром нам.

Заходите в гости, милости вас просим.
Мы свою молитву делим пополам.
Тот, кто в нашем Храме помощи попросит,
Будет понят сразу, будет понят нами.
Ценною бумагою, качественной краскою,
Нефтяной историей славен Краснокамск.

И металлосеткою, и ледовым комплексом,
Хоккеистам всей страны команда фору даст!
А ещё «дорогою», длинной и глубокою,
Среди болот несущую в море корабли.
Воду всем дающую, красаву вездесущую,
Вдаль с собой зовущую, хоть на край Земли.
Кама – наша вольница, всякой рыбой полнится,
Всякой дичью славится, важностью охот.
Клюквой и брусникою, и калиной дикою,
Клубникой, земляникою потчует народ.
А ещё расскажем вам про свою культуру:
Самобытный и весёлый, сказочный народ.
Песни сочиняет и картины пишет,
Хорошо танцует, весело поёт.
А название города связано с рекою,
Самой главной на Урале, что приятно нам.
Пусть над нею будет небо голубое
И не будет места штóрмам и ветрам.

8.09.2021

Деревня с названием Волегу́

Малиновые крыши над Майскою горой
Печным дыханьем дышат на утренний рассвет.
Деревня неприметная, как тысячи других,
Но нет на свете краше, родней деревни нет!
В черёмухах запряталась от бурной суеты,
Блестит глазами окон сквозь утренний туман,
И ты, как зачарованный от этой красоты,
От запахов дурманящих, стоишь, как будто, пьян...

Там, там, там у реки

Там, где-то там деревня Волегу́.

Вокруг шумит и пышет огромная страна,
А здесь обосновалась надёжно тишина.
За окнами с наличником и створками ворот
Живёт душа народа, история живёт.
Пройду лугами росными, в туманы упаду
И с соловьями первыми я песню затяну.
А по небу покатится счастливая звезда,
Как будто бы по травушке холодная роса.

Там, там, там у реки
Там, где-то там деревня Волегу.
Пройдут года-столетия, но так же, у реки
Деревня неприметная с названием Волегу.
В черёмухах запряталась, крапиву, зверобой,
С малиновыми крышами под майскою горой.

Там, там, там у реки
Там, где-то там деревня Волегу...

Куда поехать в отпуск?

Вновь лето наступило – июньская жара.
Куда поехать в отпуск? Расслабиться пора!
И пальцем ткнул я в карту, а палец показал:
Там, где хребет России, где наш седой Урал.
Поедем мы на Север, поедem мы туда,
Где реки и озёра, где чистая вода,
Где кедр стоит на круче, листая облака,
И где шумит в ущелье порогами река.
Там хариус огромный и щука, и таймень –
Всё это край наш гордый, всё это наша Пермь!
Где Вишера и Колва, и Чусовой разбег,
И где шагает гордо лишь смелый человек.
Катамаран швыряет, он бьётся об утёс –
И вещи улетели, и их поток унёс!
А комары кружатся, и вьётся мошкара,
А люди под гитару всё сушат у костра!
Романтика и смелость бок о бок ходят здесь.
И выручкой, и дружбой пропитан воздух весь!
Не нужен «берег дальний», Мальдивы, Анкара,
Когда стоит в Прикамье июньская жара!
*Куда поехать в отпуск? На Север иль на Юг?
Дорог на свете много, решать тебе, мой друг.*

Пиши, Поэт, пиши!

Людмиле Пенягиной

Семья уснула после дня бурлящего.
И муженёк давным-давно сопит.
А у тебя всё только начинается,
И чайник на плите отчаянно пыхтит.

Чаёк из трав, краюха хлеба с мёдом –
Вечерний ланч. Традициям привет!
Одна на кухне. Садись поудобнее
И выключаешь в доме лишний свет.

Припев: Лишь только свет настольной лампочки
И скрип пера в ночной тиши.
С тебе стучат в окно ночные бабочки.
Пиши, Поэт! Пиши! Пиши! Пиши!

Чаёк из трав струится ароматами –
В нём ширь полей и красота лугов.
Картинка эта из детства босоногого.
И за неё ты всё отдать готов!
Ты обрисуешь всё красивою строкою,
Уложишь мысли в торжественный сонет.
И годы те, что за твоей спиною,
Вновь оживут, увидев новый свет.

Припев:
Заря раскрасит туманы краской алою.
Пора будить семью и завтракать пора.
Кому-то – в школу, кому-то – на работу.
По расписанию – обычные дела.
Ну, а под вечер – кормилец-огородик,
Бой – сорнякам, а огурцам – воды!
Есть свойство женщины из русского селения –
Хранить семью от горя и нужды!

Припев:

Кунгурская гитара

Кунгурская гитара, железная струна,
Была по жизни первой и во дворе одна.
На деке переводка – из ГДР мадам,
И от жевачки фантик, согнутый пополам.
Лирическим мотивом по детству залегла,
Аккордами Высоцкого хрипела у костра.
Ты пела на привале, когда мы шли в поход,
С тобою, засидевшись, встречали мы восход.
Ты разбивалась в драке – такие вот дела –
И поутру по речке разбитая плыла.
И склеивалась снова и пела вновь и вновь

Весною на пасеках яблони цвет,
Там пчёлы с жужжаньем трудились.
В деревне в то время спецшкола была,
В ней пчеловодству учились.
Больница, пекарня, столовая, клуб –
Всё это было за линией, тут.
И тротуары из дерева были,
В дождь, грязь и слякоть
по ним мы ходили.
А наш паровоз, два вагона к нему,
Гудел и пыхтел на рассвете.
С утра собирал деревенский народ,
В нём ездили в школу и дети.
И в каждой избе была русская печь
С ухватом, шестком, чугуном.
В ней хлеб ароматный можно было испечь,
Она согревала теплом
В ней кашу варили, похлёбку томили,
Грибочки на листьях капустных сушили.
А кто заболел, к врачам не ходили, –
На печке теплом всех лечили.
Я помню: зароды возили зимой,
От сена душистого след оставался.
Метали его в сеновал всей семьёй...
И каждый мгновеньем таким наслаждался.
Зимою по тропкам в потёмках ходили,
Свечой в фонаре мы дорожку светили.
И сколько бы ни было всяческих бед –
Мы праздники знали и вкусный обед.
А в знойное лето по росам бродили,
В лугах земляничных покосы косили.
Берёзу на веник для бани ломали
И в здешних лесах грибы собирали.
Ночною порой с колотушкой ходили,
Дома и леса от пожара хранили.
Костры жгли под осень, печёнки пекли.
И до рассвета звучанье гитары заворожённо
мы слушать могли.

Ох, если б ты знала, деревня моя,
Как я благодарна тебе,
Когда возвращала ты к жизни меня
В моей неприметной судьбе.
Жила так деревня – с природой едина,
Растила своих сыновей.
Мы счастливы были и были любимы
В огромной стране своей.

Деревня Мошево – ранее относилась к Нытвенскому району, позже – в составе Майского сельского поселения г. Краснокамска
Линия – линия железной дороги, ветка от станции Чайковская в Нытву

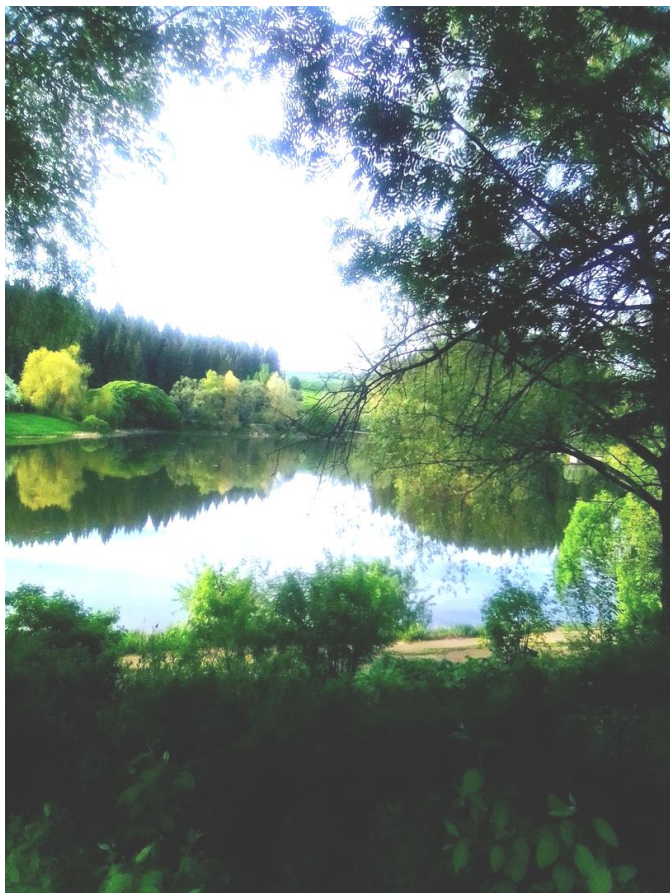
Свет юности

Подруге детства

Нине Николаевне Колпаковой (Пермь)

Здравствуй, милая подруга светлой юности моей!
Мы не видели друг друга много лет и много дней.
Ах, как хочется вернуться в ту безоблачную даль,
С головою окунуться, чтобы с сердца снять печаль.
Ветхий дом мой у дороги под берёзкою стоит.
Ну, а твой – через дорогу – сквозь черёмухи глядит.
И в хорошую погоду, и в ненастье под дождём
Мы к «Малаю» отмечаться обязательно идём.
Земляничные поляны, сенокосные луга!
Ах, деревня-деревенька, до чего ж ты хороша!
А зимою белым снегом все дороги заметёт.
Только веточки еловы вдоль дороги дед воткнёт.
Все дома стоят в сугробах, а над крышей – дым столбом.
И водица из колодца с мелко колотым ледком.
Ах, подруженька-подруга, благодарна я тебе,
Что со временем счастливым по моей прошла судьбе.
Сколько лет прошло с тех пор, но милуют в сердце взор
Эти старые ворота, что стоят там до сих пор.

«Малай» – «Малая электричка» в 70-е годы 20 века, поезд в 1-2 вагона на ветке Чайковская – Нытва, ходившая на небольшие расстояния
(Автор – **Ирина Торбина**, п. Майский, участник Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

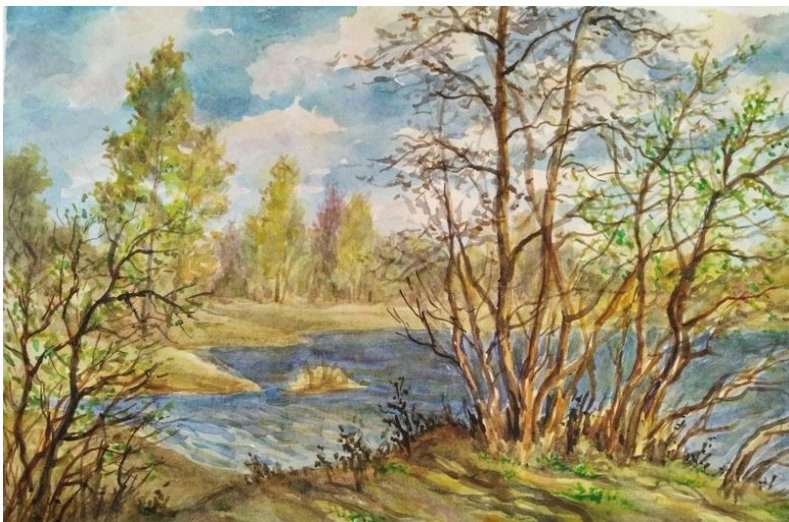
(Фото – **Елена Ускова**, Краснокамск)

Чудо-баня

Есть на Майском чудо-баня. Знают о ней всюду.
В ней уютно и красиво. Ну, не баня – просто диво!
Каждый в ней помыться рад. Сюда ходит стар и млад.
Здесь с улыбкой всех встречают,

с лёгким паром провожают.

Баня хворь всю выгоняет, настроенье повышает.
А чтоб жажду утолить – можно пива здесь попить.
И фруктовая вода продаётся здесь всегда.
А народ как благодарен – рад, что баня у нас есть.
Вам спасибо, дорогие, за оказанную честь!

Под сдержанным пермским небом 2
(Художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Наш Майский

Родился наш Майский в Пермских лесах
В советское время, в семидесятых годах.
Он гордо стоит на угоре крутом.
И издали светит в ночи маяком!
Зимой весь он в снежной стоит бахроме,
А летней порой утопает в листве.
Его красотой здесь каждый гордится.
Всем лично на благо пришлось потрудиться.
Известен посёлок до самой столицы,
И знают французы его за границей.
Здесь сложились судьбы, детей мы взрастили.
И в армию внуков уже проводили.
Талантами славится здешний народ –
Ансамбль за ансамблем он создаёт.
Всё крутится-вертится – годы летят!
И вот уж посёлку ...почти пятьдесят!
Живи, наш посёлок! И стань ещё краше!
В веках процветай и мечты окрыляй!
Пусть помнят потомки о тебе, обо мне,
Что создано было в Советской стране!

Поход на болото в деревне Мошево

Утром ранним по росе мы идём, вдыхая свежесть,
Через поле на болото по знакомой нам тропе.
Вот ручей, болотный, чёрный. Вброд проходим мы его.
Облепили комары, словно ждали нас они.
Ёлки старые, большие, ниже – папоротник, мох:
Называется «Согра». Темновато в ней всегда.
А на просеке – светлее, комары отстали чуть.
В мох зелёный тонут ноги. Продолжаем мы свой путь.
Слева – белые берёзы, как светло от них в лесу.
Над дорогою склонились – лист смыкается вверх.
И вонзились сосны в небо, разрезая синеву.
Если ты в болоте не был, – жаль, не видел ты красу.
Вот до озера дошли. По трясине мы прошли.
Чёрным зеркалом вода в нём видна издалека.
Здесь деревья ниже ростом. Видно, нечем их питать.
Ну, а клюковки – на кочках! Ах, какая благодать!
Пробирались по болоту. Солнце вышло высоко.
Сильно пахнет здесь багульник. Вглубь уходи далеко.
По канавам ходим смело, невзирая на змею.
Тут когда-то всё горело, был большой пожар в лесу.
Чтоб пожар остановить, через равный промежуток
Здесь пришлось канавы рыть, путь огню так перекрыть.
Это было так давно, что не помнит уж никто,
Что тогда произошло...
Ну, теперь уж заросло всё и багульником, и мхом.
Ягод всяческих болотныхросло полно кругом.
Мы в азарте собираем, разбегаются глаза.
Ягод – полные лукошки, и домой уже пора.
Вышли на дорожку, не спеша, идём.
В рот, срывая ягоды, по пути кладём.
А лукошки наши тянут всё сильнее.
Что ж, назад дороженька кажется длинней.
Наш поход закончился. Мы пришли домой.
Вытряхнули мусор из сапог лесной.
Выпили водички, сели на крыльцо.
Смотрим друг на друга – в ягодах лицо.
(Автор – **Ирина Торбина**, п. Майский, Краснокамск, номинации 4)

Душой нараспашку

Валентине Озорниной–Трясцыной

Уважаю тебя за стихи,
За твою бескорыстность на свете.
Встретить в жизни я рада таких –
С просветлённой душою поэта.
То на кухне на зиму компот
И другие ещё заготовки
Варишь ты. И забот полон рот.
Дом большой – не прожить без сноровки.
Вот опять испечёшь пирожки.
Муж накормлен и те, кто есть в доме.
- Так чего ж озабочена ты?
- Отвезти пирожков бы знакомой.
Ей уже многовато годков.
И ещё приболела, к тому же.
Для знакомой гостинец готов.
Едешь ты навестить, если нужно.
То одну попроведав, к другой –
Из Плеханово в город поедешь.
Навестишь, обогреешь душой.
Привезёшь всем гостинцы к обеду.
Ну, а дома – забот полон рот:
То приборка, то стирка, то кухня...
Всё равно искра Божья живёт,
В повседневности дел не затухнет.
А эмоции бьют через край:
Торопливо, взхлёб – на страницу.
Россыпь слов уловить поспевай,
Если вечером что-то не спится.
Утро снова приносит забот!
Но среди повседневности этой
Валентина в Кунгуре живёт
С просветлённой душою поэта.
И открыта для добрых людей
Всей душою своей нараспашку.
В круговерти мелькающих дней

Жить под Небушком Божиим

не страшно.

(Автор – **Людмила Пенягина**, п. Майский, Краснокамск, номинация 4)

На даче в Удалах

С исходом утренней росы
раскрылись вновь во всей красе
календулы оранжевой головки,
петунии нежно-алой лепестки.
Стремятся к свету, Солнцу чудесные цветы,
Пленяют ароматом вишнёвые кусты.
Зелёными ветвями кивает мне сосна.
И слышны недалёко лишь трели соловья!

(Автор – **Валентина Жолобова**, Пермь,
участник Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Краснокамский мамонт

В природоведческом отделе музея есть одна интересная задумка: воссоздать скелет краснокамского мамонта. Изображение мамонта посетитель видит на большом плотном листе. Поверх изображения накладываются кости вымершего животного, которые находят энтузиасты данного проекта в экспедициях. Фрагменты скелета мамонта (возможно, древнего слона) были найдены около деревни Стряпунята Краснокамского района в 1999 году. Через 14 лет состоялась повторная экспедиция. Глядя на изображение, я подумала, что нарисован не взрослый мамонт, а маленький мамонтёнок. Так родилась новая легенда.

Легенда о краснокамском мамонте

Маленькая мамонтиха не получила при рождении имени. Наверное, мама забыла назвать. Мама была молоденькой, неопытной. Мамонтиха-малышка – её первая дочка. Вот и не догадалась мама, что у дочери должно быть имя. И старые мамонты не подсказали. Тогда девочка назвала себя сама. Случилось это в очень страшный день.

Девочка-мамонтиха была чрезвычайно любопытной, часто совала свой тонкий хоботок туда, куда не следовало бы. Конечно, получала за это шлепки. И не только от мамы, но и от других мамонтих. Шлёпали не больно, а слегка. И девочка не обижалась. Других детей тоже воспитывали все мамы стада. Чаще всего малышку наказывали за то, что она незаметно уходит

ла по берегу реки от водопоя. Тогда у мамы начиналась паника. Её тревожный крик разносился по всей округе. В нём слышалось едва различимое особенное «ууу». Девочка сразу забывала о своём любопытстве и топала толстыми ножками к водопою.

Однажды, во время таких одиноких прогулок, произошла встреча, которая подтолкнула малышку назвать себя.

Стадо снова пришло на водопой. Заметив, что за ней никто не смотрит, маленькая мамонтиха юркнула в кусты и устремилась к далёкому огромному дереву, которое было старше всех: старше папы – самого сильного мамонта, старше других мамонтов в стаде, и уж, конечно, старше молоденькой мамы.

У гигантского дерева беглянка остановилась, отдышалась, огляделась и... удивилась, увидев на противоположном берегу чужое стадо мамонтов. Малышка притаилась за кустом, разглядывая чужаков. Вдруг от стада отделился мамонтёнок и зашлёпал через речку по мелководью к этому же дереву. Чужие мамонты мирно пили воду, молча наблюдая за мальчиком.

Успешно переправившись, малыш подбежал к дереву и стал трогать хоботком кору гиганта, весело урча при этом, а затем начал бодать дерево. Это было смешно. Упрямый лобик мамонтёнка упирался в толстую морщинистую кору, широко расставленные ножки вдавливались в землю, а хвостик и ушки одеревенели и задорно поднялись вверх.

Дерево тоже вступило в игру с малышом. Неожиданно оно могуче закрипело, затрещало и сбросило на землю множество мелких сухих веток. Оно как будто приподнялось над землёй, как будто кто-то выталкивал его. Но дети не обратили на это внимание.

Любопытство пересилило страх, и девочка-мамонтиха присоединилась к мальчику – вытянула свой хоботок и дотронулась до коры. Мамонтёнок отскочил и стал с изумлением разглядывать сквозь листву незнакомку.

- Ты кто? – тихо спросил он.

Малышка растерялась, но быстро нашлась:

- Я Ууу, моё стадо недалеко пьёт воду.

- Я Хохо, – ответил мамонтёнок.

Поговорить они не успели. Раздался рассерженный крик мамы, а затем грозный призыв отца. Ууу со все ног кинулась к водопою. На бегу она оглянулась: мамонтёнок Хохо снова бодался с деревом.

Внезапно воздух наполнился тревогой, породившей необъяснимый ужас! Оба стада мамонтов трубно закричали на разных берегах реки на разные голоса. Шумный грохот сзади тут же поглотил их панические крики. Мощно дрогнула ожившая земля, выгнулась горбом и побежала змеистыми трещинами. Маленькая Ууу упала на колени, но моментально вскочила и со всех ног бросилась вперед. Неведомый страх подстёгивал её. Никогда она не бегала так быстро. Девочка не слышала тоненького, болезненного, коротенького вскрика и жалобного стоны Хохо, придавленного деревом.

И вдруг – тишина. Молниеносно начавшееся землетрясение так же молниеносно закончилось. Мамонтёнок Хохо, не двигаясь, лежал под стволом великана-дерева, его шёлковая шёрстка слегка шевелилась. С веток устоявших деревьев продолжала медленно сыпаться листва.

(Автор – **Татьяна Пермякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Чёрное Озеро

13 июня 2021 г. Очередная поездка с выходом на разные объекты (один мы так и прозвали: Объект – по причине полного молчания по существу дела). Итак, начнём помалу. На местной электричке Верещагинской со своей Комсомольской укатили в уже известный нам Увал, что в селе Чёрная (Река) Краснокамского

района, и, поднявшись к школе на Центральную улицу, мимо старого кладбища двинулись в сторону п. Шабуничи, сразу же свернув вправо – где-то тут, по данным карт, по-за кладбищем на рубеже 19-20 вв. стоял хутор: люди жили, как оно было везде, жили, не тужили,

иль, наоборот, тужили: жизнь – она ж всякая...

Пришли на место – точно, было жильё: хоть и нет ничего от строений и запашки, но есть, очевидно, остатки огорода, растёт земляника садовая, кою мы клубникою зовём повсеместно (клубника, она немного другая, однако, сходная), рябина с черёмухой растут, опять же, крапива – точно, жильём пахнуло из бы-

лого... походили вокруг, на поле за оврагом поднялись, чуток подкрепились, да тем же путём и назад к развилке возвратились.

И начался эпизод второй – вот он, Объект, уже скоро появится. Идёт старая дорога, свалка показалась, около неё развалины строений кирпичных, что-то военное, всё разгромлено почти. Недалеко от этого места оборудовано стрель-

бище с бункером и окопами с валами, использовалось относительно недавно ещё, видать, охотниками по назначению – стрельба по тарелочкам, пыжи, пластмассовые гильзы... Ну и вокруг по дорожкам прошлись. Вернулись к начальной точке почти, ибо цель – она же всегда впереди.

А пока впереди речка Чёрная (а по внешнему виду и не скажешь, обычная речка, с водой глинистой, ничего тёмного не углядели – может, где в других местах)... Слева от приличной асфальтовой дороги пошла деревня Малые Шабуничи, а вскоре за ней – и посёлок Шабуничи, коий по дороге прошлёпали до станции. Определились со временем возврата

и пошли дальше, в сторону Нижней Брагиной, а затем ушли на железную дорогу и, углядев тропу, нырнули влево по на-

правлению к озеру Чёрному (в народе прозываемому просто Бездонкой). Метров двести тропы – и вот оно, Озеро.

Красотища! Ветер почти как с моря, вода тёмная, почти чёрная, образовано на месте бывшего большого котлована по добыче торфа (кругом же крупный Пальтинский торфяник идёт с огромным запасом сырья, ныне мало кому-либо нужного. Добывают крохи, по сравнению с прошлыми временами – и вовсе ничего). Интересный ландшафт, странная растительность, вид, как на Севере, местами – заболочено. Берег низкий, справа, за протокою, ещё одно озеро, поменьше (местные жители, вскоре появившиеся, поведали, что в тех местах ходить и то опасно –

змей много, в т.ч. и в озере, и по берегу; мы и не пошли туда, нафига нам змеюки, пусть спокойно живут, мы же не спецы-серпентологи, да и глазеть на них не хочется – совсем).

В большом озере вода тёплая, хотя глубокое, говорят, и коварное, много утопленников бывало, нырнут – и с концами. Но вода очень мягкая, лечебная, отлично кожу промывает и лечит, одним словом – полное озеро воды мёртвой, заживляющей. А вот на фото вода весьма странно "проявлялась", в т.ч. и с духами, видать.

*

Вообще, живая природа, в любом её виде, духов проявляет, знай, разглядывай, если глаза открыть, конечно. Нам в "советскую" (да не было никакой советской власти, видимость впереди однопартийной системы токмо, вместо ширмы; у понимающих и отношение к этому правильное, у других, так сказать, по другую сторону занавеса – другая точка зрения, которую легко толпе подавать) "эпоху" (тоже мне эпоха – чуть побольше тысячелетнего рейха, конечно, но тупо-тупиково...) впаривали (или выпаривали) весьма узкий взгляд на мир, вот, сколько времени зря упущено, впустую годы прошли, начинаешь – и барахтаешься... Впрочем, всегда так. Пообедали, отдохнули, в обратный путь к станции подались – и тютелька в тютельку к «Ласточке» подноровились (она на нашей остановке не останавливается, быстро ходит, пришлось чуть раньше выходить – ноги же есть, да и палки-лошадки с собой).

(Автор текста и фото, отмеченные * – **Ал. Тимшин**, Пермь;
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Пермь

Футуристическая сторона Пермского драмтеатра
(фото – *Альбина Печёнкина*, д. Ярино, Карагай,
номинант Конкурса в номинации 1 – Родные просторы)

Отрывок из поэмы «Изгнанник»

Пора в Загарье! На природу!	Закончена вещей укладка,
Во двор, где Ильины живут,	Несутся крики: «Осади!
С утра въезжают две подводы,	Сдай вправо!
Идёт погрузка полным ходом,	Не порушь оградку!»
Сиденья мягкие кладут.	Гремят колеса по брусчатке,

Затихли... город позади.
 Лесные милые просёлки,
 Обилье света и теней,
 Где верба пышные метёлки
 Сквозь березняк
 и вереск колкий
 Всё тянет к мордам лошадей!
 Дорога становилась уже,
 Навесив хвои кисею.
 Повозки боком, неуклюже
 Надолго застревали в лужах,
 Проваливаясь в колею.
 Лес отзывался птичьим криком,
 Дремоту стряхивал, вздыхал.
 Натужным
 лошадиным хрипом
 И жалобным
 колёсным скрипом
 Своих гостей встречал Урал.
 Шепча слова
 молитвы древней:
 Спаси, помилуй, сбереги, –
 Рассвет
 в заботах каждодневных
 Встречают жители деревни,
 Затерянной среди тайги.
 Простые бабы в сарафанах
 Выходят с вёдрами во двор.
 И кружат голову дурманом
 Прибрежные луга, поляны
 И земляничный косогор.

В тени под берегом высоким
 С утра бродить бы да бродить!
 И родниковых вод истоки
 В кустах, меж зарослей осоки,
 Как дар волшебный, находить.
 Иль налегке сбежать с обрыва
 В речной прохладный окоём,
 Раздвинуть жгучую крапиву
 И, сидя под плакучей ивой,
 Следить за вёртким поплавком.
 Струятся воды
 светлой змейкой.
 Живёт в том царстве водяном
 Плотвичек дружная семейка,
 Щурёнок, юркие уклеи
 Да старый одинокий сом.
 Варнак в лесу за Егошихой
 Хоронится от глаз людских.
 На цыпочках, незримо, тихо
 Крадётся по болотам лихо
 В обличье леших и шутих.
 Ах, встретить бы
 на тех дорожках
 (Авось, кому-то повезёт)
 Избушку на куриных ножках!
 Но полон лес других хлопот:
 Обабки, рыжики, морошка...
 А кто быстрее наберёт
 Малины полное лукошко? –
 И перепачканы ладошки,
 И соком перепачкан рот.

(Автор – **Татьяна Косырева**, Пермь,
 Победитель Конкурса в номинации 4 (Поэзия) 3 место)

Органный зал

Наш город украшает, кроме театров,
 Органный зал, и можем мы сказать:
 Орган – король всех инструментов –
 Пленит к искусству всякий раз.

Все звуки музыки Вселенной

Услышать позовёт он нас.

Торжественно он ритм выводит,

Как будто весь оркестр звучит.

То нежный звук от флейты слышен,

То бас аккорды говорит.

Так древний инструмент народов

Стал совершенным и родным.

И он – король всех инструментов,

Концертный зал открыт для всех.

(Автор – **Ольга Целищева**, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Пермь сейчас – любимый город...

В детстве мы росли в деревне, –	А народу – тучи, тучи,
Всё в диковинку для нас:	Все спуют, спешат, летят,
И подснежник самый первый,	И одеты много лучше,
И у ёлки перепляс.	На меня и не глядят.
И купание в речушке,	А машин – не считаешь,
И простор лесных полей.	Всяких, всяких, как в кино,
Сказки бабушки в избушке	Ты билетик покупаешь
Про диковинных зверей.	И глядишь себе в окно.
Городов мы не видали,	Хочешь, в парк на карусели, –
Моды не было такой:	Прямо сказка, чудеса –
Нам путёвок не давали,	Там мороженое ели,
Чтоб увидеть град большой.	Поднимались в небеса.
Но вот мне везло, на милость,	Лимонада – сколько надо
Увозили в Пермь – гостить.	Пей: и с газами, и без,
Видеть столько приходилось,	Пирожки – тебе улада,
Что за день не изложить.	И пирожное тут есть.
Я в Перми обогащалась	А театр! Ну, слов не хватит!
И духовно насыщалась.	Люстры сказочно горят.
Впечатления копились,	Всюду царские палаты
Мысли в голове роились.	Красотой ласкают взгляд.
После нашей глухомани,	А когда поют на сцене,
Где все в домике сидят, –	Замирает всё вокруг.
Там дома, как великаны,	От костюмов и от пения
В небо синее глядят.	Аж захватывает дух.

Во дворах играли дружно:
И скалки, и мячи.
И заботиться не нужно,
Что вдруг мама закричит.
Мне так нравилась свобода
И ходьба за молоком.
Я гуляла на природе,
Представляла: здесь мой дом.
Изменилась и в одежде,
Говор – чисто городской.
Я уже не та, как прежде,
Щеголяю новизной.
Город действует на нервы,
Изменяет и свежит.
А в деревне стал ты первый,
Всяк с расспросами спешит.
А я сверстников учила
Песни петь и танцевать.

По ночам стихи строчила,
Всё старалась записать.
Пермь меня, друзья, сразила,
Стала я умней в сто крат.
Научила, просветила,
Подарила ценный клад.
Пермь сейчас – любимый город,
Он расцвёл и возмужал.
Он красив, душою молод,
Новым светом засиял.
Так цветы же Пермь, родная,
Окружай своим теплом!
Ты – столица золотая,
Ты для нас, как милый дом!
Ты, как солнышко весною,
Излучаешь добрый свет.
Сердце наше лишь с тобою, –
И дороже тебя нет!

(Автор – **Галина Морозова**, с. Гремяча, Оса,
дипломант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Гимн Перми

Город на Каме,
Город Урала
Хранит вековую
Историю цифр.
История города –
Важная сила,
Грядущему будущему
Честь и хвала
От революции
Через войну и тыл
Город традиции
Свято хранит.

Всем поколениям
Будущей вечности
Помнить, беречь
Дух Российской земли.
Город на Каме –
Пермь многоликая.
Труд, как почёт,
Как награда, велик.
Пермь многоликая,
Сила народная.
Слава, почёт
Сей земли на века.

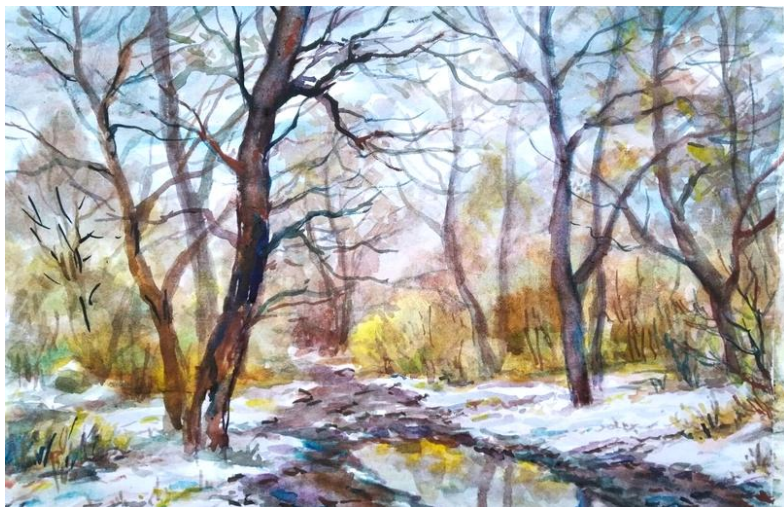
(Автор – **Ольга Целищева**, Пермь, номинация 4)

За горизонтом

Куда сегодня ветер позовет?
Поля раскинулись бескрайним полотном...

И, может быть, за горизонтом ждёт,
Потерянный в мечтах и сердце дом...
А может быть, его там вовсе нет,
А может, он с тобой, в твоей душе,
Кто ищет, обязательно найдёт,
Кто счастлив – тот нашёл его уже...
Куда сегодня ветер позовёт,
Куда тебя дороги приведут?
Пусть твоё сердце чувствует полёт,
Но знает место, где с любовью ждут...

22.07.2022 (Автор – **Диана Дубова**, Пермь,
Победитель Конкурса в номинации 4 (Поэзия) – 2 место)

Под сдержанным пермским небом 3
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Конструктор Соколовская (очерк-воспоминание)

Моя мама, Софья Григорьевна Соколовская, была инженером-конструктором и всю жизнь проработала в учреждении, которое называлась сначала *Облпроект*, потом *Гражданпроект*, а сейчас называется *Институт Гражданпроект*. Начала она там работать ещё до войны, и проработала до пенсии. Вся её трудовая биография прошла в стенах этого учреждения. Долгое время мама была главным конструктором «Первой мастерской». Была ещё «Вторая мастерская». Обе эти части проект-

ного института обслуживали и Пермь, и Пермский край.

Конструктор «Первой мастерской» С.Г. Соколовская. 1960-е гг.

Мама была хорошим конструктором, поэтому ей поручали рассчитывать конструкции перестройки уже существовавших зданий, которые предстояло изменить или переделать. Об этих зданиях, которые в переделанном виде существуют до сих пор, я и хочу рассказать.

Таким, например, стал старый корпус областной больницы, тот, возле которого до сих пор стоят два льва. Сначала о львах. Как рассказывала мама, это не просто львы, а львы-копилки. Здание главной пермской больницы (именно такой считалась эта больница до революции) строили «всем миром», на народные деньги. В каждой скульптуре были щели, куда каждый пермяк мог положить деньги. Так собрали определённую сумму и начали строительство. Но, то ли денег собрали недостаточно, то ли часть денег была разворована... Поэтому, когда по поручению мамы обследовали стены этого корпуса, оказалось, что между двумя тонкими слоями кирпичей засунута сплошная труха, щебень и тряпки. А ведь предстояло надстроить ещё несколько этажей двухэтажного здания. Мама говорила, что это счастье, что до начала проектирования она догадалась, что надо посмотреть, что там, внутри стен. Если бы этого не сделали, то проект она бы рассчитала неправильно, и надстроенное здание бы развалилось. В итоге, всё закончилось хорошо.

Другая проблема, которая возникла в тот раз, – само сохранение этих львов. Дело в том, что как раз в это время шла борьба с архитектурными излишествами. Считалось, что все постройки в советских городах должны были быть одинаковыми и простыми, без излишних украшений. Львы посчитали такими «архитектурными излишествами» и приказали убрать. Конечно, борьба с архитектурными излишествами не была чьей-то прихотью. Объяснялось всё просто. Недавно закончилась война, в Перми катастрофически не хватало жилья. Поэтому было не до излишеств. Экономить приходилось на всём. Вот и решили убрать «лишних» львов. Но маме было их жалко. Она считала, что они – часть истории города, что в столицах Москве и Ленинграде много львов, и их не трогают, берегут. Мама спорила, доказывала, – и победила. Львов оставили.

Львы у входа в корпус краевой клинической больницы

А вот при перестройке другого здания – Гастронома № 1, что на улице Сибирской, маму постигла неудача. Она работала над проектом надстройки этажей первоначально двухэтажного здания Первого Гастронома. Это здание было построено в духе архитектуры к. 19 в., с разными каменными украшениями, завитками, закруглениями и т.п. В этом стиле она предлагала построить и верхние этажи. Тоже спорила, но начальство на этот раз оказалось непреклонно. Так и получилось, что Первый Гастроном состоит как бы из двух стилистически разных частей – основной и надстроенной. Как наглядный архитектурный памятник той эпохе борьбы за экономию. Мама всегда считала эту работу своей неудачей.

Здание Гастронома № 1 на Сибирской

А лучшей своей «перестройкой» мама считала здание Кукольного театра, что на улице Сибирской. Она была руководителем проекта этой реконструкции. Всё дело в том, что раньше, в 19 в. и в н. 20 в., в этом здании была... тюрьма. Начальство решило сэкономить, не строить новое здание для кукольного театра, а переделать его из бывшего тюремного корпуса. Создание проекта поручили маме. Она взялась за дело с энтузиазмом. К сожалению, деталей я не знаю, т.к. не обладаю инженерными знаниями. Но могу себе представить, что переделать тюрьму в театр было очень непросто. Конечно, в этой работе участвовало много людей – и архитекторы, и расчётчики, и другие специалисты. Но сейчас, входя в кукольный театр, никому и в голову не может прийти, что когда-то в этих стенах шли допросы и жили заключённые. Что и является наглядным свидетельством маминой победы. Для мамы эта её работа, видимо, была особой, знаковой. Поэтому, когда по окончании строительства (реконструкции) кукольного театра состоялось торжественное заседание, на котором собрались инженеры, производственники и городское начальство, мама взяла меня с собой на это заседание. Я помню, что она тогда, вместе с другими инженерами и производственниками сидела в президиуме, и им хлопали, хвалили и поздравляли с успехом.

Из фотоархива Толкачева Леонида

Здание кукольного театра

Конечно, мама за всю свою трудовую жизнь участвовала в строительстве многих зданий в Перми. Особый период её биографии, например, – это годы войны, когда она и все остальные работники "Облпроекта" немыслимыми темпами строили здания для эвакуированных в Пермь промышленных предприятий. Но, поскольку я родилась уже после войны, об этой её работе я, к сожалению, не знаю. Знаю только одну забавную историю тех времен. Известно, что во время войны опоздание на работу приравнивалось к преступлению, за опоздание не увольняли, а сразу заводили уголовное дело и отправляли в лагерь. И, конечно, все страшно боялись опоздать. Так и случилось, что однажды мама утром появилось на работе... без юбки. Как уж она тогда выкрутилась из этой ситуации, я не знаю. Но историю эту она рассказывала со смехом много раз.

И ещё она рассказывала, как эвакуировали в Пермь велосипедный завод. Он, конечно, только назывался велосипедным. Там создавали продукцию для фронта. Так вот. Привезли рабочих. Вырубили лес на окраине города. На поляне установили станки. Люди начали на них работать. А в это время инженеры спешно создавали чертежи здания для завода. И начали его строительство. То есть, люди работали, а строители возводили вокруг них стены и крышу.

После войны Облпроект работал, в основном, над проектиро-

ванием зданий в городах и сёлах Пермской области. И здания, о которых я рассказала, – немногие из тех, к которым причастна инженер-конструктор Софья Григорьевна Соколовская. И сейчас, гуляя по Перми, проходя мимо Краевой больницы, Первого Гастронома или Кукольного театра, я всегда вспоминаю, что в них – частица труда и души моей мамы, и от этого Пермь становится для меня ещё теплее и родней.

(Автор – **Екатерина Соколовская**, Пермь, дипломант Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

*Вот облака – игривые лошадки, над ними купол неба – синева.
И видим мы картину мироздания, где облака рисуют нам пейзаж.*

Облака (фото – **Ольга Целищева**, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 1 – Родные просторы)

Не грусти, моя милая Пермь

Не грусти моя милая Пермь,
Я утру твои слёзы ладошкой,
Ты похожа на яркий альбом,
С исцарапанной жизнью обложкой...
 Так измучена, хоть молода,
 Серым дымом – заводов дыхание...
 Протекают неспешно года,
 Доставляя печаль и страдания...

Не грусти, моя милая Пермь,
Отчего облака потемнели?
Вот зима тебе стелет постель,
Будешь спать до весны в колыбели...
Мы с тобой постоим под дождём,
Расскажи мне, о чём горько плачешь?
Сколько лет мы с тобой проживём?
Как же много для многих ты значишь...
Каждый день начинаешь отсчёт,
Ты считаешь за нами поступки,
Уважение тебе и почёт,
Ты умеешь идти на уступки...
Ты прощаешь нам слабость и лень,
Ты прощаешь нам трусость и подлость,
Терпишь всю эту грязь каждый день,
И давно позабыла про гордость...
А глубокая Кама-река
Обнимает тебя берегами,
Укрывают тебя облака,
И лесные просторы с лугами...
Ты прекрасна – любимая Пермь,
Но твоя красота помутнела,
Человек – не природа, не зверь,
Искалечил прекрасное тело...
По артериям – водопровод,
А дороги – опухшие вены...
Ядовитая масса течёт,
Разъедая опоры и стены...
Как спасти тебя, милая Пермь?
...Залечить все глубокие раны?
Разогнать бы от выхлопов тень,
Пусть ни ливень, ни снег, ни туманы,
Не тревожат спокойного сна,
Пока сердце твоё отдыхает,
Вот наступит красotka-весна,
И любимый наш город оттаёт...
Не грусти, моя милая Пермь,
Всё наладится – я обещаю!

Заходи ко мне, хоть каждый день,
 Я налью тебе тёплого чаю...
 Вот увидишь, наступит пора,
 И очистятся мутные очи,
 Засыпай, моя Пермь, до утра,
 Сладких снов, и спокойнейшей ночи...

8.11.2010 (Автор – **Диана Дубова**, Пермь, номинация 4)

Под сдержанным пермским небом 4
 (художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Уютная зимняя ночь

Сегодня ночью падал снег,
 Ложился мягко на дорогу.
 Мой самый близкий человек,
 Ты значишь для меня
 так много...

И фонаря усталый свет,
 Снежинки так
 на нём искрились,
 Тебя дороже в жизни нет...
 Такие чувства
 только снились...

Я танцевала в темноте,
 Пока меня никто не видит.

Всё люди разные – не те...
 Тот, кто не дорог – не обидит.
 И что-то важное внутри,
 Уютно, тихо, так спокойно...
 Так нежно светят фонари...
 И на душе уже не больно...
 Я тихо шла к себе домой,
 А снег ложился мне на плечи...
 Как хорошо, что ты со мной.
 С тобой теплее, лучше, легче...
 18.01.2018

Дождливое

Дождливой пасмурной слезой,
 Мой город по асфальту плачет.

Я так хотела быть с тобой,
Но это ничего не значит...
И капли на сыром стекле,
Стремятся вниз –
 упасть, разбиться...
Душа нуждается в тепле,
Она не может долго злиться
А небо – тусклое, седое,
Все краски вымыло дождём.
Разлуки – дело молодое...
Покажет время, подождём...
Я продолжаю жить, стараться,
Но каждый раз, взглянув назад,
Мне в прошлом
 хочется остаться,
Там, – где ты
 и робкий взгляд...
Там, где любовь,
 мечты и сказки,
Переплетаются с тоской,
Там, где в потоках
 нежной ласки,
До счастья –
 протянуть рукой...
Как быстро пролетает время,
Уходят годы в пустоту...
Я вновь и вновь теряю стремя,
Ломаю хрупкую мечту...
И снова осень, снова дождик...
Скатилась капля по щеке...
Желтеет
 летний подорожник...
Любовь не удержать в руке...
Но время не остановилось,
Пусть мне больно – я жива!
А может, – это мне приснилось?
И сны приобрели слова...
 24.10.2011

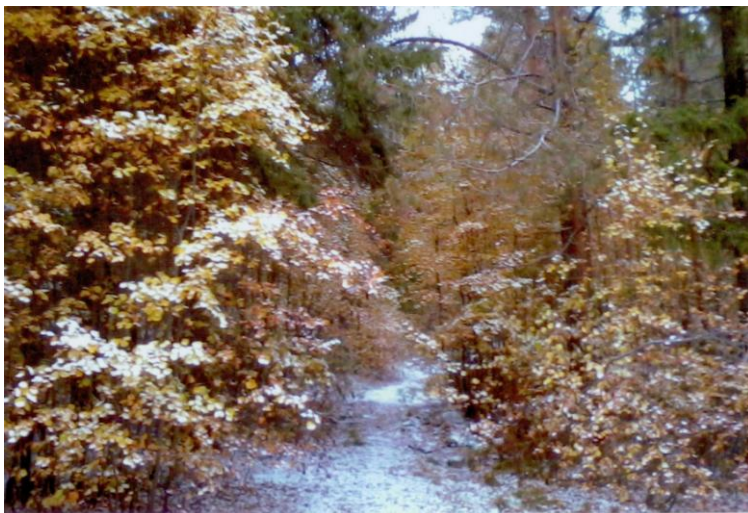
Молитва

Помоги мне собраться...
Помоги не грустить...
Помоги не сдаваться,
Помоги всех простить...
Помоги всё осмыслить,
Помоги всё принять,
Помоги всё осилить...
И себя не терять...
Помоги быть сильнее...
Просчитать каждый шаг,
Научи быть мудрее,
Если что-то не так.
Научи меня слушать,
Научи понимать...
Научи видеть души,
И свою – не терять.
Научи быть добрее,
Чтобы зла не держать.
Научи быть храбрее,
Научи убеждать!
Покажи мне ошибки,
Чтобы их исправлять,
Дай мне повод улыбки,
Дай свободу, мечтать...
Научи быть сильнее,
Чтобы всё пережить,
Сделай ближних вернее...
Чтоб любить и дружить...
Покажи мне ответы,
Заглуши мою боль,
Для чего мне всё это?
Какова моя роль?!
 28.08.2018
 * * *
Научи меня молиться,
Научи меня любить,
Покажи к чему стремиться,
Дай понять, о чём забыть.

Научи меня терпению,
Научи меня прощать,
Научи меня смирению,
Делать, а не обещать.
Научи меня стараться,
Доводить всё до конца.

Дай мне повод улыбаться,
Дай мне мужа и отца.
Полететь, и не разбиться,
Дорогое – сохранить,
Солнцем по земле разлиться,
Всех согреть и вдохновить.

14.12.2018 (автор – **Диана Дубова**, Пермь, номинация 4)

Удивительное рядом окружает нас всегда.
Просто классно же увидеть эти дивные места.
Как-то нужно быть поближе к мирозданию красоты.
Это важно бы для сердца, а ценнее для души.

Мгновенье (фото – **Ольга Целищева**, Пермь)

Горького – 15

Этот адрес из памяти не уходит: Пермь, ул. Горького – 15, госпиталь инвалидов войны. Он был долгие годы моим вторым родным домом. Дело в том, что там было хирургическое детское ортопедическое отделение – на втором этаже, рядом со взрослым. Я обожала свою палату № 7 на шесть человек для девочек-подростков, в которую перешла из соседней, на 20 человек для младших детей. Сколько лет я наблюдала из окна за счастливой жизнью другого мира: трамвайное кольцо окружало госпиталь с конечной, а для многих пересадочной остановкой из Балатово в Мотовилиху, а во дворе дома напро-

тив постоянно играли нормальные дети без костылей и инвалидных колясок. А по иронии судьбы с другой стороны на улице раньше Коммунистической находились знаменитое Пермское хореографическое училище.

У нас было своё братство ущемлённых жизнью мальчиков и девочек – в основном, из детского интерната для инвалидов, от которого я категорически отказывалась, видя интеллектуальный уровень его воспитанников, понимая, какое там примитивное обучение, а я уже с детства мечтала о высшем образовании, заявив маме, что если она меня туда сдаст, то покончу с жизнью, и мама смирилась. Я всегда мечтала быть, как все нормальные дети, но, увы, жизнь распорядилась по-другому.

А госпиталь – это лучшее, что было у меня, несмотря на запредельную боль после многочисленных операций. На нашем этаже был современный небольшой кинозал, где каждый день показывали фильмы, хорошая сцена, где однажды, когда в хореографическом училище случилась какая-то авария, занимались дети, для нас – госпитальных уродцев, небожители. Видела девочкой свою ровесницу Надю Павлову – будущую балетную знаменитость. А ещё в госпитале была настоящая библиотека, которую я обожала, как и моя знакомая Фая Сычёва, безумно любившая стихи, как и другие интернатские девочки, переписывая их в тетради, удивляясь моему к ним равнодушию.

Прошли годы, я работала в аптеке, когда случайно увидела в зале своего уже очень пожилого хирурга Мархеля Евгения Петровича, прошедшего войну, зав. хирургическим отделением. Он меня, конечно, не узнал, сколько перед его глазами прошло таких детей. С трудом всё же вспомнил, как он сказал, красивую девочку с заваленной учебниками тумбочкой, а он на обходе всегда требовал, чтобы был идеальный порядок. Я изучала всё самостоятельно, панически боясь отстать от одноклассников, месяцами находясь в госпитале. Первый его вопрос при нашей встрече был, замужем ли я? Получив, понятно, отрицательный ответ, грустно покачал головой, будто бы он был в этом виноват. Лишь сказал, что мои ноги были для него загадкой. Обычно все его экспериментальные операции полностью удавались, а со мной как коса нашла на камень, все восемь операций ничего не дали.

Немного о нашем общении с инвалидами войны. Люди были разные, многие очень любили нас. Помню одного детского писателя, собиравшего нас ежедневно и читавшего свои очень интересные повести. Жаль, что не узнала его фамилию. А про войну они рассказывали неохотно. На праздники мы читали стихи, пели песни лежащим инвалидам. Со стороны это, наверное, выглядело трагично: дети и взрослые – тяжёлые инвалиды.

Я давно не живу в Перми, там много изменений, и не знаю, что теперь в доме по ул. Горького – 15.

(Автор – *Лариса Лебедикова*, п. Лунино Пензенской обл., лауреат Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

Мой миллионный город Пермь

Мой миллионный город – Пермь!
Тебя прекрасней нет на свете!
Чудесных много городов, поверь!
Но для меня ты – лучший на планете!
Ты строен в улицах, широк в дорогах.
Ты в зелени своей велик!!!
Тебя наполнили речные стоки,
Ты парками, лесами божественно красив!
Мой миллионный город – Пермь!
Ты город тружеников тыла.
В тебя всегда открыта дверь,
Твоя душа всех приютила.
В годы войны творил, производил ты,
Ковал победу ты своим трудом.
Людей с любовью уносил в мечты,
Чтоб жили с мыслями в «потом».
Мой миллионный город – Пермь!
Могуч, силен ты в производстве.
Заводы наши и теперь
На помощи у продовольствия.
Качаешь нефть, работаешь с сырьём,
Моторы радуют весь мир доселе.
С тобой, уверена, не пропадём –
Шагать не будем еле-еле!

Мой миллионный город, Пермь!
Ты наше всё во всех истоках!
Со всех сторон люблюсь и не лень!
Ты столько дал нам, пермякам, уроков!
Ты дал примеры, на кого равняться,
К чему стремиться и какими быть,
И от каких пороков нужно избавляться,
А что ценить, и помнить, и любить!
Мой город Пермь, мой миллионный город!
С тобою всё мне по плечу.
Не нужен даже день особый, повод,
Я о любви к тебе кричать хочу!!!

Пермь – город мастеров

Пермь – город мастеров,
И кто бы сомневался,
В нём столько рук прекрасных и умов живёт,
Гордись, Россия-матушка, и славься,
Что самый лучший у тебя народ!
Край Пермский – кузница великолепных кадров,
И тех, кто приготовит кадров взвод,
Они на благо обучают всех исправно,
Чтоб с гордостью рабочих всегда встречал завод.
Заводов тьма и все на положении,
Россию украшают производством,
Дай Бог всем мастерам для дела вдохновения,
Чтоб продолжать творить всегда лишь с пользой!

Песня о Перми

Родился город на земле сотни лет назад,
Событий много утекло, как киноленты ряд.
Пармою был назван, как Молотов звучал.
Гордимся, что он есть у нас: Татищев основал.
Припев: Ты – часть нашей державы, поддержка и опора,
Ты – разноликий, мощный, в искусстве ты в призе́рах.
Балет наш в тройке лучших балетов на земле.
Пермь, тебя мы славим, всё это – о тебе.
Пермь. Это всё Пермь.
Город большой с открытой душой.

Пермь. Это всё Пермь.
С природой-красой да Камой-рекой.
Завод медеплавильный начало положил,
К промышленным успехам дорогу он открыл.
Моторы к самолётам известны на весь мир,
И радио Попов наш планете подарил.
Множество прекрасных творческих людей
Прославило наш город рождением идей:
Поэты и писатели, спортсмены, музыканты –
В каждом направлении известные таланты.

Привет:

(Автор – **Мария Каменева**, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Под сдержанным пермским небом 5
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Пермские автобусы

Я люблю пермские автобусы. Да-да, не смейтесь. Каждый волен любить или не любить что-то или кого-то. Лично я люблю – пермские автобусы. Когда утром, ещё не до конца проснувшись, не успев поесть, кое-как одевшись, ты бежишь привычной дорогой на остановку (прикидывая в уме – на сколько ты, примерно, опаздываешь на работу) – а он, красивый, заиндевевший на де-

кабрьском морозе, пуская пар, подсвечиваемый фарами, скользя на залежах, медленно подваливает к остановочному комплексу... О! Ты в этот момент не думаешь ни о смысле жизни, ни о девушке, которая отказала тебе в романтические 17, ни даже о невыплаченных кредитах – ты не думаешь... Ты думаешь только о том, что сегодня тебе повезло – надо успеть заскочить в последнюю дверь – и – всё! Вот оно – счастье! А внутри – тепло. Семь месяцев из двенадцати – в Перми зима. Пусть об ощущениях счастливых владельцев личных автомобилей пишет кто-нибудь другой. У меня автомобиля нет, поэтому и ощущений тоже нет. А вот автобусы... Это совсем другое дело!

Рабочий посёлок. 22:15. Декабрь. Мне и Катьке надо на Карпинку. Легендарный 77-й (в доперестроечные времена маршрут № 22) – идущий через весь город с Лёвшино на Ироничную Компанию ходит до половины 12-того. Это так в графиках написано. А как он ходит на самом деле – знает только Господь Бог. Но главное, что он – ходит! И мы его терпеливо ждём. Сначала мы обсуждаем косметику, потом новую Катькину шубу, потом мужчин и мальчиков (не путать эти два разных понятия!), потом радостную новость – Иришка родила дочку (рост 53 см, вес 3,5 кг). Потом выясняется, что у Кати тонкая кофта под новой шубой, а я забыла одеть носки потеплее, а прогноз передавал – минус 22... Потом мы приходим к выводу, что явно холоднее, чем минус 22, всяко 24 – не меньше. Потом мы прогуливаемся по остановке с интеллигентным видом, подпрыгивая и топая ногами. Потом я уговариваю Катю сходить погреться в ближайший магазин, а она не соглашается – автобус пропустим! Потом, после небольшого совещания, Катя отправляется к наиболее представительному мужчине на остановке, чтобы уточнить – до сколько, всё-таки, ходит 77-й, и давно ли он был? Есть ещё народные средства приманивания автобусов – закурить (мы не курим), поскоблить пальцем по фонарному столбу и посвистеть (Катя в новой шубе, скоблящая фонарный столб и призывно посвистывающая, будет выглядеть явно двусмысленно). Можно плюнуть на всё и уехать на трамвае – а там пересечь. Тогда – зачем столько ждали? Обстановка накаляется, ноги отмерзают. И когда всё поворачивается ребром – ты что, со мной на Карпинку вообще не поедешь? – это я тебе говорила – надо до Дружбы

доехать, а ты не послушала! – а я тебе предлагала на Восстания пересесть!.. И крепким дружеским отношениям начинает угрожать гибель, так же, как начинает угрожать простуда нежным женским ножкам и ручкам... И тогда, когда уже... Уже совсем... Совсем уже... Нет, это просто невыносимо! Дак сколько можно! Это уже... Уже эт-тт-то... Появляется замечательный, великолепный, самый лучший 77-й. О-о-о! Ну как не любить его? Мы забираемся на сидения поближе к радиатору, подставляем замёрзшие ноги под струи тёплого воздуха, заковчневшими пальцами выскребаем деньги на билет, приговаривая – щас, щас! – чтоб кондуктор вдруг не обиделась, что мы долго возимся... И вот для нас воскресли вновь – и жизнь, и слёзы, и любовь!

41-й. Комплекс Политеха – Октябрьская площадь. Когда ещё не было маршруток – году эдак в 88-м – к первой паре (для тех – кто не был студентом: к началу занятий) в Политехе выезжал почти весь Комплекс. Студенты вместе с преподавателями штурмом брали одновременно все многочисленные двери в жёлтых Икарусах-гармошках. Главное было – залезть на первую ступеньку, дальше внесут. Мудрые шофёры для упорядочивания пассажиропотока тогда ввели интересное правило – открывать только переднюю дверь – и иногда, в случае исключения – заднюю. Те златые времена, когда водитель сам и билеты продавал, и пассажиров запускал, я вспоминать не буду... Я была тогда молода, хороша собой и однажды ехала из политеховской общаги ранним утром до Попова. Автобус был набит битком – под завязку. Где то на Сосновом Бору в него влезли старик и старуха, старик протиснулся в последнюю дверь, старуха – в первую. Старику интеллигентные студенты уступили место, но он – как истинный джентльмен – решил его предложить своей спутнице: «- Маша! Иди сюда, мне тут место уступили – сесть можно!» А старуха, влезшая в первую дверь, держала в руках полную авоську со свежими деревенскими куриными яйцами. Чтобы не раздавить яйца, она протиснула руку с авоськой в кабину водителя. «- Вася, – крикнула она через весь заполненный студентами 41-й, – я не могу к тебе прийти! Я тут в кабине у водителя яйца держу!» Водитель, переждав взрыв хохота, не спеша включил микрофон: «- Не верьте ей, товарищи студенты, это не мои! Это куриные!...». Если б я сама

не была свидетелем этой истории – то была бы уверена, что этот диалог – чистой воды фольклорное произведение. Ан, нет! Всё слышала и видела своими собственными...

Каждый приличный Пермский градоначальник начинает свою карьеру с постройки в городе мостов. Рим был построен на семи холмах, а Пермь – на десяти логах. Низины, собирающие в трубы забытые пермские речки, требуют мостиков и дамб, чтобы соединить спальные районы автомобильными дорогами. Любой пермяк ещё до появления дамбы Стаханова-Старцева знал, что можно пройти через лог из Балатово на Крохалевку за 15 минут, или на автобусе через весь город – за 45... Появление дамб принесло выигрыш во времени и рождение большого количества новых автобусных маршрутов. Особенно мне нравится 59-й – в городе его уже прозвали летучим голландцем. Он идёт по кругу, по кольцу – из центра на Бахаревку и Ипподром и дальше – снова в центр... Но как? В какой последовательности он проходит ключевые точки? В какую сторону надо точно сесть – вправо или влево, чтобы быстрее оказаться, например, на Карпинке – вам не скажет никто. Два конца, два кольца, посередке – город!

Город! На территории Пермской области уместается несколько стран. На территории Перми – несколько районов. Каждый из них – свой собственный Париж... Как отличается Прованс от Шампани – так, и более того – отличается Балатово от Крохалей, Гайва от Зелёнки, Гарцы от Закамска... Волею судьбы город вытянут на сотни километров вдоль Камы и каждое жилое место имеет свою историю, свои легенды, свой характер, своё время появления. Далеко не всегда официальное название района или микрорайона совпадает с историческим или фольклорным. Посёлки, деревни, сросшиеся в единую плоть города, дополняемые новостройками, разделяются логами и соединяются вечными и великими пермскими автобусами. В нашем городе есть рейсовые автобусные маршруты, время в пути которых в одну сторону занимает несколько часов. Что быстрее – добраться на рейсовых автобусах от Гайвы до клуба Кирова в Закамске, или на междугороднем от Перми до Кунгура, например? Вы ведь не будете жить в Кунгуре – и работать в Перми – и ездить каждый день к 9 на работу и в 18 – с работы домой? А жить на Гайве – и ездить на работу в Закамск – в лёгкую! Ура пермским автобусам!

В центре города автобусы словно блёкнут, словно теряются, так теряется хозяин прерий – бизон, случайно занесённый в саванну, среди многочисленных зебр и антилоп... Жёлто-оранжевые круглобокие маршрутки, похожие на домашних пони; длинноногие олени – троллейбусы; стремительные, изящные, стелющиеся по ветру лани – трамваи, с тонкими рогульками антенн и острыми звончками сигналок... Но автобусы быстро проскакивают эту кутерьму и мельтешение, где-нибудь в районе Рынка или ЦУМа, и снова уходят в далёкие бескрайние просторы – куда не дотянутся нити троллейбусов и трамваев, и редкая лихая маршрутка заскочит в погоне за случайным пассажиром...

Пермские автобусы – это островок жизни, место, где можно согреться, пообщаться, позвонить по телефону, повисеть в аське или в контакте... Где можно уснуть, выспаться и, проснувшись, спросить у соседа на сидении: - А где это мы едем? – и получить полный территориально грамотный ответ. Это место, где встречаются не видевшие друг друга с окончания школы бывшие одноклассники. Где на одном сидении рядышком располагаются держатель акций Лукойла и скромный библиотечкарь из «Фонда духовного просвещения», объединенные одной целью – добраться от Ипподрома до Дружбы. Где узнают последние новости: тот, кто успел послушать радио, посмотреть телевизор или заглянуть в инет – совершенно спокойно абсолютно постороннему, незнакомому человеку расскажет, что с сегодняшнего дня подняли цены на... А вы разве не знали? Спросить же – куда и как проехать – это лучший и единственный способ обзавестись на ближайшие 10-30 минут целой командой друзей, попутчиков и соучастников в твоей судьбе. Тебе будет рассказывать – куда и как ехать – весь автобус, начнёт кондуктор, продолжат пенсионеры, а завершат – молодёжь и студенты. Они все равно знают лучше других новые маршруты и самые короткие пути. Возможно, и водитель подключится к обсуждению – причём прямо в микрофон – и на весь автобус... Но, и покинув автобус, уже когда вы выйдете на нужной вам остановке, вас не оставят – кто-нибудь из соучастников ещё раз покажет вам рукой – куда и как нужно двигаться дальше, и обязательно спросит: - Вы поняли? Доедете – может, вас проводить?..

Закамск... Для жителей, например, Амстердама, поездку зимой в

мороз на 80-м или 20-м можно было бы спокойно подать как культурно-социальный проект. И так – экскурсия для иностранцев в качестве обычных пассажиров рейсового автобуса: сосновый и еловый лес за окном на протяжении всего маршрута (они столько живых ёлок за всю свою жизнь не видели!), женщины-пассажирки в натуральных мехах – норковых шубах с песцовыми воротниками (европейцы бы обалдели, там подержанная легковушка стоит дешевле одной такой шубы раза в два...), солнечные блики играют на белоснежных сугробах в метр высотой, километровые мосты и дамбы, потрясающий вид на серебряный город с дымами из заводских труб, река Кама в полыньях и льдинах, в автобус заходит замёрзший рыбак в полном обмундировании и связкой мокрой свежей рыбы... А если бы им ещё в конце программы чаю с водкой из термоса контролёры налили бы... Море ощущений! Белые ночи – отдыхают!

Но приходит лето... Автобусы оттаивают, отмываются, согреваются – и наполняются летней пермской публикой. Сарафаны и прозрачные платья. Белые шорты и топики. Борцов Революции... Город едет на пляж, на дачи, на природу. Рюкзаки с садово-дачным инвентарём, собачки в намордниках, кошки в переносках, рассада в ящиках... «- Мужчина! Это ваш козлёнок? Вы на него билет взяли?!», - Это не козлёнок! Это собака!, «- Какая разница? Билет берите! И на рога намордник оденьте!», - Ой, милая, так это мой козлёнок, а билет я взяла – двойной, как положено – вот... А намордник-то ему зачем?, «- Она и так в наморднике! Сколько вам за билет надо?» ...Притиснутые друг к другу эрдельтерьер и козлёнок заключают вечное перемирие. Инстинкт охоты на Пермские автобусы не распространяется...

О чём говорят в Пермских автобусах? Однажды я прослушала потрясающую лекцию по творчеству Паоло Коэльо... Полный сценарный план последней постановки Мильграма в Театр-театре... Консультацию по кредитованию физических лиц с подробным списком справок... Впрочем, житейские разговоры – о том, как правильно выписать пьющего мужа из квартиры – тоже не редкость. Мне ещё всегда нравится, как общаются водитель и кондуктор: «- Вася, тут мужик без билета, его высаживать надо!» Водитель на полном ходу резко ударяет по тормозам – битком набитый народ моментально уминается назад.

Открывается дверь – и возмущённые пассажиры сами вытаскивают безбилетника. С полуслова понимаем друг друга!

Как-то в начале осени в районе Савино в одном автобусе столкнулись русский южанин, только что вышедший из самолёта, прибывшего откуда-то из плодородного чернозёма, и пермская пенсионерка, ехавшая со своей дачи с полным ведёрком свежесобранной смородины. «- А що это за ягода? – поинтересовался черноземец, – У нас такое не растёт!», - Это смородина, – удивилась пенсионерка, – вы разве не знаете? Хотите попробовать? Да не стесняйтесь! Вот я вам сейчас отсыплю... «Молодой человек, – обратилась она к мужчине, читавшему газету у окна, – вы нам кусочек газетки не оторвете, кулёк сделать для ягод?» Удивлённый мужчина молча отодрал полгазеты и с вниманием прислушался. «- Ой, що вы, не надо, я так просто спросил...», - Пробуйте-пробуйте, – настаивала пенсионерка, насыпая ягоды в кулёк. «...- М-м-м... Так они кислые. Ягоды-то ведь сладкие должны быть!», - А в варенье – знаете как хорошо! Надо их вскипятить, сахару три к одному...», «- Да что вы рассказываете! Их протирать надо с сахаром! – вмешалась кондуктор. – На мясорубочке прокрутили...», - Ой, – вступила пышная дама с первого сидения, – ягода от мясорубки кислеет! Не слушайте вы! Надо ступкой деревянной растолочь... Ошалевшего южанина благополучно высадили на Центральном Рынке, снабдив тремя подробными письменными рецептами варенья из смородины – которая в его краях не растёт. ...В этом мире есть столько всего, что нас разъединяет. И не так много того, что даёт нам шанс быть вместе. Приезжай. 72-й ещё ходит...

Декабрь 2012. – январь 2013 г. (Автор – Галина Гусева, Пермь, лауреат Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

А я сидела на рулоне сена...

А я сидела на рулоне сена,
А над конюшней полная луна,
Уже к концу моя подходит смена,
Все разошлись, в конюшне я одна...
И это всё уже когда то было..
И точно повториться много раз,
Жуют овёс холёные кобылы,
В соседнем доме свет давно погас...

Листаю жизни пыльные страницы,
 Быть может, всё давно предрешено?!
 Предрешено мне всадницей родиться,
 А быть «обычной смертной» не дано...
 Год лошади.., и лошадь – как стиль жизни,
 Как главный смысл, дарованная роль.
 На лошадях летят мечты и мысли,
 За лошадей – улыбки, смех и боль,
 Без лошадей меня как будто нет,
 Я не умею по-другому жить,
 Росой на гривах светится рассвет...
 Ах! как охота с ветром покружить!..
 Уходят люди, кони остаются,
 Уходят кони, остаются сны.
 Как хочется мне к сказке прикоснуться,
 Где мчатся по просторам скакуны...
 Пусть сильный ветер мне растреплет косы,
 Я не боюсь разбиться и упасть,
 И разнотравьем зацветут покосы,
 Где кони – там судьба моя и страсть...
 Я всё сидела на рулоне сена,
 Фонарь светил на сонный «конный двор».
 И шла к концу очередная смена,
 Очередной нелепый разговор...
 2010 (автор – **Диана Дубова**, Пермь, номинация 4)

Вербное воскресенье
Храму на Висиме

Впереди, предо мной –	Райский сад перед храмом.
Небосвод голубой,	Обрамлён он
Белокаменный храм,	ажурной решёткой.
Купола золотые.	Водопад серебристый
К Богу люди идут.	у кудрявых раakit.
В руках вербу несут,	Зеленеют лужайки,
Освящения ждут.	Чистотой удивляют дорожки.
Сохраняя надежду	И ротонда белеет...
На вечную жизнь неземную.	Я проникла сегодня
	в далёкий
	и сказочный век...

2012 (Автор – **Валентина Жолобова**,
 номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Идолы Балатовского леса

1

Страж леса, молчаливый идол –
Топорно вырезан твой лик,
И обгоревший твой язык
Не знал общения, не видел.
А там, за гущею древесной,
Шумит Балатовский район –
И даже сквозь полночный сон
Слышны моторов злые песни.
Лишь редкий, искренний скиталец,
Томимый зовом тишины,
Шагами будоража сны,
Шепнёт: "Ты всё один, страдалец?"
Прося у леса вдохновенья,
Присядет рядом, возле ног,
И кто-то мига краткий срок
Разложит с часа на мгновенья.
Он, дикий твой язык природный
Читая сердцем и умом,
В пространственно-седой разлом
Нырнёт к стихии первородной.
И тишина рукой поэта
Потомкам кинет в строках клич:
"Для душ безликий город – бич!
В тиши лесов ищите света!"

2

Идол деревянный, страж лесной тиши,
Ты лесную сказку сердцу расскажи –
Что стоишь в лесу ты день и ночь без сна,
Что скрипит, как плачет, на ветру сосна,
Что ковры из листьев ткут себе древа,
Что о жизни леса шепчется трава...
Слышал ли ты, идол, скорбный волчий вой?
Холодно ли соснам лютою зимой?
Сколько в хоре птичьем утром голосов?
Сколько снов укрылось в сумраке лесов?
Правда ли, что леший в зарослях лесных
Вас обходит ночью, словно часовых?

Золотом осенним за лесной покой
Пусть тебе заплатит щедрый царь лесной.
09.2004

* * *

Пермь далёкая,	По лесам – скиты,
Пермь великая,	Древь звенящая.
Синеокая,	По-уральски ты
Белоликая,	Работящая.
Церквоносная,	Мяжки речь, слова,
Ветроудуйная,	Племя – молодо.
Верболозная,	Вдаль течёт Кам-ва
Водоструйная.	К Волге-Вологе.
	7.01.2022

Пермь

Кто жил в Перми – тот город не забудет:
Медведя, рынки, церкви, Камский мост,
Вокзалы, цирк, "парк Горького", Компрос...
С утра трамваев перезвоны будят,
И фонари ночами в Каме удят,
Ловя лучами свет небесных звёзд.
31.01.2016 (автор – **Олег Карелин**, г. Северодвинск Архангельской обл.,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Белки в Балатовском парке

(Фото – **Евгения Девяткова**, Пермь,
п. Керчевский, Чердынь,
номинант Конкурса в номинации 1 –
Родные просторы)

Июль особого назначения

*(Рассказ основан на реальных событиях,
все имена вымышлены и любые совпадения случайны)*

*

Неспешно разгонялся очередной осенний триместр. Было тепло, но уже чувствовались терпкие осенние запахи. Занятий в этот день по расписанию у меня не было. По административной части тоже ничего срочного не намечалось. Так что спешить некуда. Дойду до офиса, а там – рутина понесёт в нужном направлении.

Шагнула в вестибюль недавно построенного корпуса.

Оторопела.

На мраморном полу – окровавленные тела.

Стоны. Гул мобильных телефонов.

В луже крови застыла пожилая женщина.

Рот открыт.

Красной сумочкой она прижимала к своей груди голову мальчика.

Его ноги в жёлтых кроссовках подергивались.

Чей-то небольшой рюкзак – возле гардероба. В нём – огромная дыра, через которую были видны новые тетради и бутылка воды.

- Бегите! – приказали из-за турникета. Стремительно выскочила на улицу. Ничего не понимаю.

У фонтана лежали, не двигаясь, несколько человек, когда я заходила на территорию кампуса, не заметила их.

Со второго этажа выпрыгивали студенты, падали на газон и

вскрикивали от боли. Казалось из всех окон – один стон, на разные голоса: «Помогите, спасите!»

Страшно, сон или явь, горло сдавлено, руки повисли.

К зданию бежали полностью экипированные омоновцы. Ужас.

- В чём дело? – кинулась я к омоновцу.

- Стреляют у вас, – отчеканил на ходу.

Телефон в кармане звонил и звонил. Это мама.

- Ты живая?

- Да, – ответила. – У нас стреляют. Я на улице. Перезвоню.

«Неужели всё кончено?» – мелькнула мысль.

*

Ещё летом начала ощущать нечто гнетущее, ужасное, то, что надвигалось откуда-то – то ли изнутри, то ли из будущего. Эту тягостную атмосферу окрестила для себя «июль особого назначения». И вот, теперь, «июль» стал, как никогда, ясен, я понимала, что это было предчувствие трагедии, произошедшей в университете в сентябре.

А начиналось всё именно тогда. Закончился учебный год. Университет – в радостной усталости. Отпускные получены. Все пересдачи – на осень. Преподавательское – на потом. Административная должность не вдохновляет, хотя и не напрягает. Рабочее место обустроено. Планировала лето расслабленно переждать в управлении.

Начальник и ещё один сотрудник ушли в отпуск. В офисе мы должны были остаться вдвоём с Марго. В понедельник всё и началось. В 8:30 я уже была в университете.

Выпила кофе. Открыла все окна и двери,пустила утренний зной. Разложила свои тетради с записями, собиралась подумать. Вошла Марго, уткнувшись в телефон. Она слегка задыхалась от быстрого подъёма по лестнице – пыталась выполнить дневную норму по количеству шагов.

- Ты чего такая? Всё норм? – я устала на Маргариту. Она взглянула на меня, подбирая нужные слова.

- Не-а. Прилетело от Мадам. Срочно. Хорошо, что ты на месте. Сейчас обсудим.

- Да, я и не сомневалась. Мы не ищем лёгких путей. Так что делать-то?

- Организовать по полной собрание... Совещание... Июль... А

кто на месте? Нас двоих не хватит!

- Ну, ладно, кто-нибудь поможет. Главное, знать, что просить, – заметила я. Новое начальство безудержно спускало к нам директивы, не задумываясь о том, что сейчас – сезон отпусков.

- Июль. Терпеть не могу просить. Справимся, – Марго замешкалась, уткнулась в телефон. Там то и дело звякали сообщения.

«Как всё же хорошо, что я не руководитель, а всего лишь исполнитель, – подумалось. – Нужно только определиться, выкладывать по полной, или выполнять то, что скажут, особо не вникая».

Посмотрела университетскую новостную ленту. Жарко. «Выбираю для себя второе – просто выполнять распоряжения. Лето на дворе, как бы успеть съездить искупаться», – решила я.

- Что нам нужно, так это составить разблюдовку – что за чем. Может, разными шрифтами напечатать, чтобы понятнее было? – вслух рассуждала Марго, включая компьютер.

В голове всплыла фраза из какого-то фильма: “Когда тебе стукнет сорок, ты будешь вслух говорить всё, что ты делаешь”. А мы давно уже перешагнули этот порог.

- И разными оттенками, если картриджи не закончились, – браво откликнулась я. Цветной принтер был только у Маргариты.

*

Получив задание, Светлана Николаевна испытала раздражение. Её планы рушились, опять вмешалась чужая суета, чужие амбиции.

«Ну, да ладно! Разберёмся», – она старалась не показывать своих эмоций и вслух ничего не комментировать. Становилось всё жарче. Постоянно влажное лицо. Одежда прилипала к телу. Светлана Николаевна взяла веер и начала обмахиваться. Полегче. Попила воды. Хотелось выйти на улицу и подышать.

Через полчаса она смогла отправиться в университетский ботанический сад. Это место было особенным. Высокие голубые ели выстроились вдоль аллеи напротив фонтана, который называли “одуванчиком”. Струи воды растекались, словно по невидимому шару. Вокруг было сыро и свежо.

На скамейках плотно сидели девочки из бухгалтерии. Все полурасдетые, в закатанных до линии приличия юбках. Они наслаждались брызгами и игриво подставляли лучам свои лица и плечи, чтобы ухватить полуденный загар. Солнце прибли-

жалось к зениту, становясь всё более гнетущим и жёстким.

Светлана привычно направилась вглубь, к китайской беседке. Наконец-то прохлада. Вроде бы, всё было, как обычно, но нарушался рабочий ритм, а вместе с ним, и ритм её жизни. И это заставляло её тревожиться.

Откуда-то надвинулись тёмные тучи. Ботанический сад зашелестел кустами роз. Зашевелились голубые ели. Только столетняя пальма в оранжерее жадно поглощала воду из шланга. Ей не было страшно, но и она словно замерла в ожидании чего-то непонятного и неизвестного.

*

«Университет никогда больше не будет прежним. Вот она, точка перемены, – я чувствовала это. – Для распоряженцев открылся столь желанный портал».

Незадолго до этого мой любимый ВУЗ наводнили бывшие чиновники. Они сразу же получили самые высокие должности в администрации. Громоздкие бумаги, бессмысленные приказы. Распоряженцы считали себя хозяевами положения. Легко хамили подчинённым, профессионально подлизывались к начальству. Говорили негнущимся канцелярским языком.

Утешала мысль, что они явно не останутся здесь надолго.

“Как же быть? Кропотливо и молча сохранять себя. И ждать”, – полагала я.

Ветер усиливался. Приближалась гроза. Ливень будет стремительным.

Я замерла возле чёрной рыхлой грядки. Что-то уже отцвело, растения выкопали, земле надо отдохнуть. Табличка с названием на латыни лежала рядом. Вскоре здесь появятся поздние цветы, стойкие к заморозкам и холодным дождям.

Я снова вернулась к мыслям о распоряженцах. Они планомерно создавали в университете атмосферу «особого назначения». Но их усилия, в конце концов, будут напрасны. Всё это разрушится – точно так же, как недавно разрушился привычный университетский уклад. И тогда мы снова обретём силу.

*

Крупные капли забили по красной жестяной крыше беседки, и Светлана быстро зашагала к своему корпусу. Спина прямая, шаги

широкие, голова чуть опущена. У фонтана уже никого не было.

Новое задание: обсудить организацию работы секции математического программирования в рамках научного форума. Светлана отправилась в старое крыло, где её ждали давние знакомые, профессора Аркадий Иванович и Игорь Олегович. Они ей нравились: рассеянные, увлечённые, и она всегда улыбалась, когда их видела. А те – любые процессы описывали математическими формулами. И всё время балагурили. Чудаки, одним словом.

Светлана спускалась к ним в лабораторию по сырым скрипучим лестницам здания бывшей, ещё дореволюционной, ночлежки. Неуютно: тяжелый спёртый воздух, гниль старых стен с ободранной штукатуркой... В коридоре – темно. Отворилась дверь.

- Светлана Николаевна, проходите, мы Вас ждём! – радостно приветствовал её Аркадий Иванович. Она вошла в комнату. Игорь Олегович сразу же встал со стула и слегка склонил голову. «Господа офицеры, – подумала Светлана. – Теперь мало таких, кто встаёт при появлении женщины... Приятно».

Свет сюда проникал через небольшие окошечки под потолком. На столах – разобранные компьютеры и детали в порядке, понятном только хозяевам лаборатории.

- Здравствуйте, присаживайтесь, Светлана Николаевна, – Игорь Олегович пододвинул к ней чёрный венский стул. – Стакан чаю не желаете? Мы ваш любимый заварили.

- Добрый день, затворники! Спасибо, с удовольствием.

- Что, опять срочно модельку нарисовать надо? Агрегатистики-суррогатистики на фоне повышенной тревожности? – предположил Аркадий Иванович. Он снова говорил на каком-то своём, особом, метафорическом языке.

- Скорее, модель вечного двигателя, чтобы всё запустить с одного клика. Распоряженцы очередной мониторинг затеяли, – усмехнулась Светлана Николаевна.

- Да что вы? Неужели? Уж сколько их упало в эту бездну, – нараспев сказал Игорь Олегович и ткнул пальцем в пол.

- Даже не знаю, что и ответить, – потрогал аккуратную бородку Аркадий Иванович и манерно поправил очки. – Эволюция административного дела не знает границ, можем подумать о каком-то коротком периоде без определённого целеполагания. Что пер-

вично, что вторично. Как вы думаете, Игорь Олегович?

- Начальство полагает, что наша новая цель – убрать мох. Тот, что растёт. Со стен, с тротуаров. Не знаю, ещё откуда. А заодно и поднять статус университета с помощью административных инструментов внутреннего управления и внешнего взаимодействия. Цитата, – чётко ответила Светлана Николаевна.

- О! Забавненько. Опять университету помогать, или денег заплатят? – полюбопытствовал Игорь Олегович.

- Это не ко мне, дорогие. А что это за брошюрочка у вас? – Светлана Николаевна показала на стопку новеньких методичек.

- Да это Игорь Олегович намерен свои лекции в типографии напечатать. Примечательно, что и эскизики-капризики недавние вставил, – съехидничал Аркадий Иванович.

- Да, а что? Вы что-то имеете против искусства, коллега? – насутился Игорь Олегович.

- Ребята, не ссорьтесь. Всё будет хо-ро-шо. Мне надо идти, пишите, звоните. Спасибо за прекрасный чай.

- Будем рады Вас видеть, Светлана Николаевна, – Оба встали и слегка поклонились. – Вас проводить? – спросил Аркадий Иванович.

- Нет, благодарю, всё ОК.

Светлана Николаевна вышла из лаборатории. Ливень закончился. В лужах отражалось солнце. С карнизов звонко падали крупные прозрачные капли. После тёмной лаборатории кампус казался курортом: здесь было ярко и много воздуха, а над газонами растекался запах цветов и свежей травы. Светлана решила прогуляться и заглянуть на факультет.

*

Проснулся кафедральный мессенджер, звякнуло сообщение. «У нас каникулы, или как, – буркнула она про себя. – Снова поздравления или какой-нибудь спам. Ах, да, четырнадцатое июля, День Взятия Бастилии». Светлана открыла чат.

Ангелина Васильевна: - Уважаемые коллеги! Всем хорошего отдыха! Вера Игнатьевна и Каролина Андреевна заканчивают субботник на кафедре. *Мари:* - Субботник?!!

Татьяна Ивановна: - Субботник?!!

На экране друг за другом появилась дюжина сообщений с таким же вопросом.

Ангелина Васильевна: - Кто может, подойдите, пожалуйста, сегодня или завтра. Надо собрать и сдать в макулатуру ненужные сборники, методички и пр. UPD: Это распоряжение ректората. Елена Петровна, разошлите всем по почте, пожалуйста.

Ольга Коряжкина: - Но мы же в отпуске и не обязаны вроде как. LOL

Ангелина Васильевна: - Я тоже в отпуске и не в городе). Декану написали, что обязательно к исполнению((. Найдите возможность поддержать честь кафедры. Пожалуйста!

Каролина Андреевна: - Финансисты и бухгалтеры уже сегодня всё сделали.

Фруктовый Мохито: - А я тоже не в городе).

Вера Игнатьевна: - Кибернетики народ собирают.

Ангелина Васильевна: - Александр Сергеевич, я обращаюсь к тем, кто может.

Надин: - Я смогу.

Ангелина Васильевна: - Спасибо, Надежда Герасимовна.

Рудакова Т.И. - Я тоже смогу.

Ангелина Васильевна: - Коллеги, спасибо! Всем хорошего отдыха!

И быстрый каскад сообщений: «До свидания, до свидания, до свидания, всем хорошо отдохнуть...»

Вера Игнатьевна: - Сообщите, пожалуйста, кто и когда планирует подойти.

Светлана Николаевна закрыла страницу с сообщениями.

«Летом наши распоряженцы не дремлют», – усмехнулась. – “Запустили тест-драйв лояльности кафедр и факультетов. Макулатура во время отпуска?»

*

Я возвращалась в свой корпус, хотелось выпить кофе.

Марго разговаривала по телефону и одновременно стучала по клавиатуре.

- Готовься, тебя скоро пригласят к самой, – быстро произнесла она, зажав трубку рукой.

- Всегда готова, – я достала туфли на высоком каблуке.

Вскоре я была у Мадам. Мне предложили кофе. Я вежливо отказалась. Красиво и достойно.

- Ну и славно, а то с кофеваркой возиться не хочется, – стараясь улыбаться, ответила начальница. Эта крупная и яркая женщина заполняла собой весь кабинет. Тихо работал кон-

диционер, на журнальном столе журчал небольшой фонтанчик и постукивали шарики маятника Ньютона. – Я хотела с вами встретиться, чтобы вы рассказали о себе. Мне надо понять, что вам можно было бы предложить.

Это был фарс. Я знала, что Мадам наводила справки о сотрудниках. Коротко и неторопливо рассказала и об учёбе в Московском университете, и об аспирантуре. О защите кандидатской диссертации, о научных публикациях в России и за рубежом, о работе на кафедре и о руководстве университетскими международными связями. И о том, что сейчас вынуждена служить в администрации.

Мадам положила в рот большую шоколадную конфету.

- Да, очень внушительно, – она старалась чётче выговаривать слова, но у неё плохо получалось. Прищурила большие тёмные глаза, пристально взглянула на меня. – А где вы себя видите? У меня есть вакансия в планово-финансовом отделе. Я усмехнулась.

- Это не моё. Спасибо.

Мадам быстро откинула назад свои блестящие, как воронье крыло, чёрные волосы. Вытащила из ящика и протянула мне приготовленную пачку бумаг.

- Тогда я попрошу вас заняться этим. Надо сделать завтра к обеду, – и погрузилась в свои записи.

- Простите, но мне надо будет обсудить это с коллегами из других отделов, – заметила я.

- Светлана Николаевна, а что там обсуждать? Я для вас главная коллега.

Мадам, взяла в руки телефон и посмотрела в окно. Там опять надвигались тучи.

- Хорошо. Можно идти? – я встала. – Сделаю, и сообщу вам.

- Уж будьте любезны. Что-то ещё?

- Нет, всё.

Я спокойно покинула её кабинет. Мне хотелось умыться и выпить кофе.

*

После мрака сентябрьской трагедии университет опустел. Занятий в аудиториях не было. С оружием наперевес, бойцы Росгвардии пропускали всех на работу по спискам, которые

составлялись ежедневно.

- Фамилия.
- Пропуск.
- Проходим.

Через две недели всё уже было по-прежнему. Распоряженцы строчили задания, составляли регламенты, проекты приказов, писали докладные записки. Из кабинетов постоянно слышался звон мессенджеров. В коридорах эхом отдавались быстрые шаги. В живых очередях к начальству разговаривали мало и без удовольствия.

- Как дела?
 - Суета, не знаешь, что прилетит и куда бежать.
 - А вы давно ждёте?
 - Я уже в третий раз, опять что-то новое придумали.
 - А Вы почему без очереди? Пожалуйста, встаньте в конец!
- По очереди проносится безгласно булгаковское «В очередь, сукины дети!»
- А вы не знаете, чей это?
 - Да вы что, это же новый то ли помощник, то ли советник. Из чьих не знаю, кто-то привёл.
 - В следующем кабинете скажите, пожалуйста, что я за Вами.
 - Коллеги, а чем закончилась история у Владимира Сорокина про очередь?
 - По-моему, кто-то куда-то тихо ушёл...

В конце концов, рабочие часы стали наслаиваться друг на друга, каждый сотрудник жил в своём ритме и времени. Университет словно бы распадался на понятные фрагменты непонятного целого. Временами эти фрагменты совпадали, и это казалось чудом.

Раньше Светлана Николаевна планировала свою работу, интересовалась университетской жизнью. Её ежедневник был переполнен записями о встречах и звонках, дела так и сыпались: срочно – не срочно, важно – не важно, можно перенести...

И вот – множество полупустых страниц, с обведёнными фиолетовым маркером кружочками: время расписания занятий, домашние дела...

Работа теперь велась спонтанно, спланировать ничего было

нельзя. Очередной приказ, подчёркнуто уважительный тон и медлительность речи распорядителей только высвечивали абсурд происходящего. Всё чаще на совещаниях звучало: “Вот, сейчас напряжёмся, это задание скинем, а потом – размеренно за дело”. И никто не знал, зачем эти скорости, зачем стремительный бег по коридорам, все только пристально смотрели вперёд, и ничего там не видели.

«Мы стали заложниками бюрократии, – Светлана пыталась утешить саму себя. – Только бы не поддаться стокгольмскому синдрому и не пожалеть этих несчастных, укушенных вампирами из главной канцелярии. Как бы я ни любила работать в коллективе, но теперь каждый сам за себя», – от этих мыслей ей становилось тошно. Но приходилось вставать и идти на работу, а там – просто выполнять всё новые и новые директивы.

*

Прошло два месяца. Накануне ночью выпал первый снег. Кусты, на которых ещё кое-где виднелись тёмные листья, согнулись под его тяжестью. Слабые солнечные лучи не могли пробиться через крупные снежинки.

Светлана получила очередное задание и спешила вовремя отдать подготовленные бумаги. Сгорбившись, она быстро шла через белёсую площадь перед фонтаном, укрытым чёрной фанерой. До старого крыла шла по узкой тропке, каблуки то и дело проваливались в снежное полотно, оставляя на нём тёмные дыры. Вдохнула, вспомнив: Игоря Олеговича похоронили на прошлой неделе, сердце. А Марго вчера увезли на скорой, давление.

Стремительно на тёмную скамейку приземлилась чёрная с фиолетовыми и тёмно-зелёными перьями птица, в клюве – кусок белого хлеба. Это было царство ворон, постоянное карканье уже никого раздражало, на них не обращали внимание. Птица важно подняла голову и вдруг спросила:

- Что, задубела от прошлогоднего снега? – Светлана даже и не поняла, что это ворона спрашивает. Вроде бы, надо сильно удивиться, но Светлане вдруг почудилось, что это сон.

- Почему прошлогоднего? Он же сегодня ночью выпал.

- Дуй за мной! К крематорию ненужных вещей, – ворона взмахнула крыльями.

- А это где? – поражённая, Светлана продолжала нелепую бе-

седу с говорящей вороной.

- Да кочегарка, за хозяйственным корпусом. Там ловцы времени обитают. Никак июль поймать не могут. Может, подмогнёшь, – прокаркала ворона.

Всё еще не понимая, что происходит, Светлана поспешила на задний двор кампуса. «Опять июль, почему июль, зачем июль?» – ей казалось, она заболевает: голова кружилась, всё вокруг было словно бы ненастоящим.

Из кочегарки выбежали упитанные крысы и направились к университетской помойке. Дверь была приоткрыта, оттуда шёл жар.

- Светлана Николаевна, заходите, пожалуйста. Давно не виделись, – на маленькой табуреточке спиной ко входу сидела женщина. Широкая шуба, грубые руки. Женщина то и дело вынимала бумаги из чёрного мешка и кидала их в печь. Это были распоряжения, приказы и согласования.

- Марина Александровна? Вы же умерли? – Светлана узнала уборщицу из экономического корпуса.

- Кто сказал?

- Да никто. Сто лет вас не видела. Вот и подумала.

- Брось, пустое это. Здесь у нас работа идёт. Время превращаем в вечность. Ты же знаешь, что время – это опаздывающая вечность?

- А навсегда – это вечность? – почему-то спросила уборщицу Светлана.

- Иногда одна секунда. Только мы никак июль сжечь не можем, нет его в мешках. Может, ты чего знаешь?

- Нет, не знаю. У меня сейчас доступ к информации крайне ограничен. Но раз нет июля, то он и в вечность не превратится, – выдохнула Светлана. – Это хорошие новости. Можно тогда и с сегодняшними бумагами не торопиться.

- Не торопись, – кивнула Марина Александровна.

- Но почему тогда люди погибли? – вдруг вспомнила Светлана.

- Всегда вот так. Ступай. У нас тут работа идёт, – и уборщица снова отвернулась к печке.

Светлана вышла. Оторопела: это она уже видела. Из хозяйственного корпуса выбегали люди, они были легко одеты. Поступило сообщение о минировании корпуса, четвёртое за последний месяц. «Точно ложная тревога», – сразу же успокоилась. Весь кампус ревел

пожарными сиренами. Сверкая мигалками, спецмашины привычно неслись вдоль ботанического сада по уже грязному снегу. «Надо девочек из хозяйственного управления забрать и пойти к нам в офис чай пить. Холодно».

(Автор – **Анна Маричева**, Пермь,
номинант Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

* * *

Егошиха, Молотов, Пермь...
Это всё наш город один.
Вехи дат, судьбы карусель...
Свою жизнь проживаем с ним.
Город наш у Камы реки,
С ним знакома я с самого детства,
Здесь живут мои земляки...
Город самый в мире чудесный.
Город мой любимый, родной...
Мы с ним вместе встречаем рассветы...
И закаты над чудо-рекой.
Это счастье, как пишут поэты.

(Автор – **Елена Журова**, Горнозаводск,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Под сдержанным пермским небом 6
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

* * *

Мой старый двор. И два родных окошка,
Что в души мне пронзительно глядят.
Вернутся бы в былое на немножко,
Где старые качели так скрипят...
И там, шурша обёрткой шоколада,
Сходить бы снова с Лёхой в кино...
Мой старый двор, тебя я видеть рада.
Хоть в городе другом живу давно.

* * *

Давай начнём экскурсию по городу,
Ты только подскажи, с чего начать?
Приехал ты ко мне. И это здорово.
А осень дождиком сотрёт следов печать.
Мне так тебя, мой милый, не хватало,
Но ты приехал, и сбылись мечты!
Давай начнем экскурсию с вокзала.
Хочу, чтоб в город мой влюбился ты!

* * *

*	И в хорошее всё еще верю...
Иду я с ним по Разгуляю,	Город мой, как мой оберег.
Счастливая, как никогда.	*
Через неделю уезжаю.	Пермская земля,
И день отбытия – среда.	ты так красива...
Зайдём в кафешку	Повторяют это звуки рек.
на Компросе.	У Перми особенная сила,
Пирожное, горячий чай...	Город мой
Я жду, когда же он попросит:	встречает новый век.
«Пожалуйста, не уезжай!»	Ты не старый,
*	но уже немолод.
Пермяки – солёные уши...	Но зато прекрасен,
Не обидно это совсем.	как всегда...
Город Пермь –	Парма, Пермь –
для нас самый лучший...	любимый с детства город...
Хоть и ждём, как Цой перемен.	Кама – и небес голубизна.
Я люблю твои парки и скверы...	
С ними я сроднилась навек.	

*

Город Юрятин на Каме...
Писал Пастернак о нём...
Столица Пермского края...
В дождь мы гуляем вдвоём.
Счастье не за горами,
Знает каждый Пермьяк.
Но строим судьбу свою сами....
Дождь – это тоже знак.

(Автор – **Елена Журова**, Горнозаводск, Лауреат Конкурса
в номинации 4 – Поэзия)

*

Пермь Вторая...
Суета вокзальная.
Сегодня прощаюсь
я с тобой.
Предстоит тебе
дорога дальняя...
Ссора показалась чепухой.

Под сдержанным пермским небом 7
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

* * *

Милая моя родина,
Город Пермь, в котором я живу.
Сколько вёрст уже пройдено
Мною не во сне, а наяву.
Сколько лет скитался я по свету,
Покидая вновь родимый край...
И считал тогда: там, где нас нету –
В этом месте настоящий рай,

И в стране чужой и незнакомой.
Снилась Кама, русские берёзы...
С нетерпением писем ждал из дома,
Их читал я, не скрывая слёзы.
Не зовите в край чужой напрасно,
Для себя открыл недавно я –
Самый, самый на земле прекрасный
Город тот, где родина моя.

* * *

В Пермь пришла весна настоящая.
И снег почернел от злости.
Одна на двоих путёвка «горящая»
И тоненький, хрупкий мостик...
Мне тающий снег жалко немного...
Не таять нельзя ему.
Одна на двоих сегодня дорога...
Сама не пойму, почему...

(Автор – **Елена Журова**, Горнозаводск, номинация 4)

(Художник – **Анна Час**, Пермь, друг Конкурса)

Под сдержанным пермским небом 8
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Пермяк – солёны уши

Здравствуй, Пермь!
Великий град Урала!
Здесь новостройки
с прошлым временем живут.
От Разгулял до большого вала
Картины жизни
той старинной оживут.
Речной вокзал. По Каме пароходы
Плывут степенно, лопасти стучат.
Высокий берег омывают воды,
С кулями полными грузчики кричат.
И тянут баржи с драгоценной солью
В низовья Камы летом бурлаки.
Как ломит кости нестерпимой болью!
Но всё ж идут толпою пермяки.
Мой Пермский край!
Простор воды и суши!

Здесь помнят прошлое
и будущим живут.
Гордятся пермяки, «солёны уши»,
Что так в народе их по-прежнему зовут.
(Автор – **Валентина Некрасова**, Березники,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Из детства (отрывок из рассказа «Мама Настюня»)

Спину ломило. Настасья пыталась растереть предплечья и поясицу. Виски сдавливало, дыхание стало перехватывать. «Видно, скоро уж придёт за мной та, с косой... Недолго ждать». Превозмогла себя, оделась и вышла во двор. Во всю ширину неба на деревню напоззала туча.

- Да вить гроза! И что это я разохалась? Вон она – моя болесть, – ещё раз взглянув на небо, решила Настасья. – Погожу умирать, поживу ещё.

Деревья и травы замерли перед этой, взявшейся ниоткуда, тучей. Края разрывов были изжелта-серыми, и, казалось, вот-вот оттуда хлынет дождь. Но начавшийся ветерок погнал тучу куда-то вбок, за реку, она почернела, взъерошилась, изрыгая рычание, рассекая небо огненными, дрожащими ломаными линиями, режущими глаза. Своим левым краем, словно птичьим крылом, задела крышу Алевтининой избы, стоящей на окраине, проплыла над её двором, снова угрожая пролиться, но ветер всё крепчал и погнал тучу дальше, в те леса, куда в прежние времена молодые мужики ходили промышлять боровую дичь.

Старшая сестра Настасьи Алевтина Прохорова жила на краю деревни, а теперь получилось, что совсем на отшибе. Навещали друг друга часто, пока Алевтину не стали подводить ноги, а Настасью не стали донимать головокружения. Сейчас, увидев дымок над Алевтининой крышей, Настасья успокоилась. Она знала, что Алевтина с утра подтапливает в избе. Изба сестре досталась от мужниных родителей, и даже в жаркие дни в комнате стоял полумрак, и было зябко. «Жива моя сестрица! Уж почитай, одни мы с ней тутова остались».

Травостой и разросшиеся кустарники захватили ближние усадьбы, повалили заборы и подобрались под самые окна заброшенных домов. Занесённая ветром в расщелины досок на

крышах начала прорастать трава, чередуясь с островками мхов. Сами дома чернели одинокими странниками, некогда забредшими сюда, не зная за какой надобностью, да так и оставшиеся в этих лесных краях.

Дома, стоящие ближе к реке, были перекуплены и отремонтированы дачниками. Эти новые люди казались Настасье людьми из другого мира. Съезжались по пятницам, ближе к обеду. Сначала из-за острова появлялся чуть слышимый звук. Звук вырастал, становился громче, и вот из-за ближнего мыска вырывалась на речной простор одна моторка, за ней – вторая. Моторы изрыгали рев, извещая привыкшую к тишине местность о своём прибытии. У Настасьи от грохота закладывало уши, перехватывало дух, и она старалась побыстрее уйти в избу. Лодки гнали к берегу волну, и со всего размаха вклинивались в песчаное речное дно настолько глубоко, что пассажиры выскакивали на берег, не замочив ног. Уезжали в город они по выходным, далеко за полночь. Иногда прихватывали и понедельники.

"Как на работе-то их держат? Ведь в мои годы у председателя и на полчаса отпроситься было немыслимо: Евсей Ильич – председатель-то наш, только по пьянке и снисходил к нашим нуждам".

С дачниками Настасья знакомиться не пыталась, они сами пришли однажды к ней во двор: им понадобился колун. Вернули ей колун на следующей неделе, не извинились, но предложили наколоть дров. Нерасколотые крупные чурки лежали у Настасьи около сарая уже второй год, и Настасья не знала, как ей с ними быть: нанять было некого. А тут эти парни играючи все дрова раскололи да и уложили под навес. Также было и с лестницей: у дачников начала протекать крыша. Снова пошли к Настасье. А потом залезли и на её крышу, приколотили пару новых досок, там, где у неё во время сильного ливня сочилась вода. Пока один из дачников лазил к Настасье на крышу, двое других быстренько натаскали воды, заполнив пустующие бочки.

Дачники, переговариваясь между собой, называли Настасью тёткой, но постепенно она из тётки превратилась в старуху, хотя вначале и не поняла, что это они про неё так говорят, а поняв, почувствовала обиду:

"Что уж имя-то моё им невдомек спросить? – Но после, подумав немного, решила, что, наверное, со стороны виднее, время

пришло. – «Да и что скрывать? Стара стала».

И постепенно саму себя стала звать не иначе как старуха, но, быть может, чуточку ласковее.

«Ну, старушка, пора вставать, Манька заждалась, поди» – говорила она себе по утрам.

Манькой звали белую козу. Раньше Настасья держала корову, которую тоже звали Манькой, но корову перекупили у неё жители соседнего села: одинокой старой женщине корова была в тягость. От прежней животины осталась только кличка, которую смиренно носила теперь её преемница – белая коза.

Когда-то большая деревня, в которой жила семья Настасьи, тянулась по берегу реки не на один километр, прерываясь овражками. В те годы в овражках было полно рыжиков и груздей, и кадки деревенских жителей всегда были полны к зиме солёных грибов. До чего же хороши были солёненькие рыжики и грузди с варёной рассыпчатой картошкой! А кто не знает, что такое деревенское застолье? На столе появлялись бутылки самогона, пироги и шаньги, и начиналось песенное русское раздолье, тут и старинные напевы, и современные песни из чёрного репродуктора, непременно висящего в каждой избе, да и балалаечка подмурлыкивала всему этому разноголосью в заскорузлых мужицких руках.

Не забыв про утреннее недомогание, Настасья зашла в чулан. Там у неё хранилась бутылка водки. В лучшие времена, конечно, припасы были не нужны. В деревне был свой магазин, и когда копали огороды, запастись бутылкой не составляло труда. Огороды копали с Алевтиной по очереди, всё-таки – вдвоём сподручнее: одна копает картошку, другая собирает. После копки на столе зеленела бутылка водки, а если им подсоблял сосед Трофим, – то и не одна.

В чулане был полумрак. Окошечко, которое когда-то прорезал Артемий, всего-то в небольшую часть венца, света пропускало немного, но Настасье этого было достаточно. Она могла бы и наощупь достать то, что ей понадобилось. Это в те времена, когда чулан служил тёмной комнатой, куда складывался ненужный в хозяйстве хлам и прятались вещи, подальше от посторонних глаз, и там затевалась уборка, то

включался верхний свет. С божницы вытиралась пыль, менялась салфеточка под Николаем Угодником. Зажигалась лампадка. Из дальнего угла доставался портрет царя Николая. Его красивые большие глаза с грустью и безысходностью, как казалось Настасье, озирали чулан и угол, где ему довелось ютиться уже не один десяток лет...

(Автор – *Татьяна Косырева*, Пермь, номинация 3)

* * *

В новое чудо не верю теперь,
Мимо пройдёт – не заметишь.
В город со странным названием Пермь
Ты никогда не приедешь.
Долгие дни ожидания – не в счёт,
Слёзы я спрячу упрямо.
Ты не увидишь, как плавно течёт
Старая добрая Кама.
Трону ладонью нахмуренный лоб,
Но об обидах ни слова,
Мы целоваться не будем взахлёб
Около дома Мешкова.
Воздух морозный в конце декабря
Башней соборной расколот.
Пусть даже если не будет тебя, –
Мне остаётся мой город.

Улицы Перми

Архиерейская, Ямская...
Прислушайся, и оживёт
История родного края,
А время быстрое не в счёт.
Мы безнадёжно позабыли,
Как много-много лет назад
Все по Торговой проходили
Купцы с хитринкою в глазах.
Снежинки жгучие кружили,
Чтобы растаять у щёки,
С мороза в чайную входили
Герои песен – ямщики.

А ссыльных

снова по Сибирской
Везли, везли со всех сторон,
И доносился с Монастырской
Унылый колокольный звон.
А с Вознесенской возносились
Святые души в небеса...
О, эти улицы России,
Услышу ль ваши голоса?!

* * *

Я гуляю по Компросу –
Комсомольскому проспекту,

без особой цели, просто,	Только помнится иное –
прямо мой направлен вектор.	поцелуи в старом парке.
Под большими фонарями	Страсть –
по щербатой скользкой плитке...	и вместе с нею робость,
Я гуляю. Уверяли,	в небе ветки – тонкой вязью.
что промочит дождь до нитки.	...Разбежавшийся автобус
Но гуляет он со мною –	всю меня обрызгал грязью!
повелитель курток ярких.	

(Автор – **Ольга Ярома**, Пермь, Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Моему городу

Средь улиц стерильных и крыш черепичных,
 Средь вечнозелёных кустов непривычных
 Ходила, смотрела, чему-то дивилась,
 Во что-то влюблялась, кого-то дичилась.
 О чём-то жалела и плакала даже,
 Гуляя по выставкам и распродажам.
 Соборов старинных взирала величье,
 Меж Камой и Рейном искала отличья.
 Домов островерхих и «пряничных» в чём-то,
 Каналов и мостиков видя без счёта,
 Забыть не могла, что вдали на востоке
 Мой город грустит обо мне, одинокий.
 Ревниво читает мои сообщения,
 Что писаны мною в пылу восхищенья.
 Не чищен асфальт от налипшего снега.
 Попробуй-ка тут, как по Кёльну, побегать!
 И грязи хватает, и лоска нехватка,
 И от властей не дождёшься порядка...
 Но – друг мне и всё обо мне понимает.
 Коль надо, утешит, а нет – поругает.
 Моим настроением проникнется сразу,
 В стихах перепишет неловкую фразу...
 И будь ты красивей в сто раз, заграница,
 Тебе не равняться с ним и не сравниться.

Вечерний город

В закат уводят фонари меня надолго.
 Багрово-дымчатой зари опущен полог.

Вечерний город распускает хвост павлиний
Весь из мерцающих огней и ярких линий.
Спешит влюбить, очаровать, назначить встречу.
Кому-то – друг, кому-то вдруг – любви предтеча.
Манит теплом чужих квартир, рождая вздохи
У тех, кто, одинок и сир, собирает крохи.
А где-то – танцы до утра, игра в рулетку.
А где-то: «Вот и спать пора. Пойдём-ка, детка».
Вечерний долог разговор – простой, неспешный:
«Дружочек, я ведь не в укор. Да все мы грешны».
И вот уже уходит в сон. Устал, измучен...
Будь новый день твой, город мой, благополучен.
(Автор – Ирина Зарницына, Пермь, лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Так на пригорке у дороги красивый куст шиповника стоит
И манит нежным запахом бутона, и очарует красотой своей.
А капельки росы, как бриллианты блестят на нежных лепестках цветка.

Шиповник (фото – *Ольга Целищева*, Пермь)

Бумми (сказка)

На лесной полянке, в берлоге, жил маленький медвежонок
Бумми со своей Мамой Медведицей.
Однажды утром Медведица ушла в лес, чтоб найти вкусных
корней и ягод к завтраку, а Бумми остался один. Он вылез из
берлоги и пошёл гулять по лесу. Вдруг на пенёчке он увидел

маленькую Ящерицу.

- Ящерица! – сказал Бумми. – Давай поиграем!

Но Ящерица спряталась в траву, потому что боялась острых когтей медвежонка. Бумми стал её уговаривать:

- Не бойся, я буду играть с тобой очень осторожно.

Ящерица вернулась. Они вместе весело принялись играть в пятнашки. Ящерица бегала по стволу высокой сосны, а Бумми старался поймать её лапкой, и вдруг! ...Медвежонок случайно задел Ящерицу за хвостик, и хвостик отпал!

Бумми испугался и стал просить прощения:

- Ящерка, прости меня, я не хотел тебя обидеть.

- Не расстраивайся, Бумми, – ответила Ящерица, – у нас, у ящериц, новые хвосты отрастают очень быстро. Беги дальше и ни о чём не беспокойся. А если сможешь, приходи поиграть со мной снова.

Бумми попрощался и пошёл дальше. Вдруг он услышал под кустом чьё-то пыхтение.

Медвежонок заглянул под куст и увидел Ёжика, который тащил из земли большой гриб.

- Ёжик! – зашептал ему Бумми, – хочешь, я помогу тебе?

- Помоги, буду рад, – улыбнулся Ёжик.

Вдвоём они легко вытянули гриб на дорожку. И Ёжик снова запыхтел:

- Ого! Куда мне так много. Возьми себе половину гриба, медвежонок!

Бумми очень обрадовался, он честно разделил с Ёжиком гриб на две части. Попрощавшись, он снова побежал по дорожке.

Вдруг медвежонок увидел Белочку, которая собирала в корзинку орехи с куста.

- Эй, Белочка! – закричал Бумми. – Тебе помочь?

- Помоги, – улыбнулась Белочка.

Медвежонок изо всех сил потряхнул куст, и орехи с него посыпались в траву.

-Ой, как много! – удивилась Белочка. – Куда мне столько! Медвежонок, возьми себе половину!

Бумми поблагодарил Белочку и, завернув орехи в лист лопуха, побежал дальше.

На берегу реки он встретил Бобра, который ловил рыбу.

- Здравствуй, Бобр! Помочь тебе? – предложил Бумми.

Бобр кивнул. Медвежонок стал громко шлёпать лапами по воде, подгоняя рыбу к удочке бобра. Когда ведёрко на берегу уже полно было рыбы, довольный Бобр сказал медвежонку:

- Бери половину, ты мне очень помог!

Бумми собрал рыбу на прутик, попрощался с бобром и, пыхтя, потащил свою добычу домой в берлогу.

Когда Мама Медведица вернулась домой, она была очень расстроена. Ей не удалось найти кореньев и вкусных ягод. И она очень удивилась, увидев, что дома её ждал вкусный обед.

- Какой ты у меня помощник! – обрадовалась Медведица.

После обеда, Бумми рассказал Маме, как играл в лесу с Ящерицей. Как помог Ёжу, Белочке, Бобру. Мама Медведица обрадовалась, что у её медвежонка теперь много друзей в лесу. Потом Мама прилегла отдохнуть, а Бумми свернулся калачиком рядом с ней и быстро уснул. Потому что очень устал.

(Автор – **Наталья Какурина**, Пермь,
номинант Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

Вечер. Небрежные рифмы

Вечер почти ненастный. Прохладно – мурашки по коже.

Иду по любимой улице – единственная прохожая.

А, нет, вон навстречу парочка. Целуются. Эх, завидно!

И я бы вот так не прочь бы. Да в годы мои... Где ж видано?

Собака бежит бездомная, а вид – деловой до крайности.

К подружке спешит, наверно,

«за жизнь» поскулить без зависти.

Идёт забулдыга, мокрый и грязный. Валялся в луже?

Под нос себе что-то бормочет. И никому-то не нужен.

И всё. Кусты да поляны впадают в оцепенение.

Им просыпаться рано под звонкое птичье пение.

Вдруг опереньем розовым и даже, пожалуй, сиреневым,

Закат сквозь тучи прорезался. День будет завтра ветреный.

Гайва

Здесь светло от берёз, и такие красивые ели!

Нашей юности парк опустел, измельчал под мостом ручеёк.

Ни барakov, ни школы, где детские годы летели,

Всё другое теперь: и дома, и лесок,

и шоссе обернувшийся лог.

Я по улицам шла, с замиранием сердца искала:
Что ж осталось с тех очень далёких, но памятных дней?
А внизу, под откосом, заманчиво Кама плескалась,
И мальчишка отчаянно спорил о чём-то с девчонкой своей.
Что-то звонко-дразняще, убегая, она прокричала.
(Я не слышала, жаль). Он счастливо и гордо
смеялся ей вслед.

Это юности давней мне вдруг улыбнулось начало.
Это юной любви я узрела манящий,

слепающе-сияющий свет.
(Автор – Ирина Зарницына, Пермь, номинация 4)

Под сдержанным пермским небом 9
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Городку фестиваля *Белые ночи* в Перми

Бил ветер в стены-паруса под шум прибоя.
Вокруг творились чудеса для нас с тобою.
Бежали в разные концы дорожки-реки.
Ковали счастье кузнецы для всех навеки.
Фонтан на площади сверкал в избытке страсти,
И музыки девятый вал нас рвал на части.
В улыбках городок тонул. Все были братья.
Он никого не обманул, раскрыв объятья.

Он говорил: живите так – в ладу и счастье,
И вас не одолеет враг, уйдут напасти.
ЧТО Землю, бедную, делить? Она едина.
Нельзя любить иль не любить наполовину.
Друг друга просто понимать душой открытой,
И отношения поверять добра орбитой.
Тугие стены-паруса под ветром бились,
И наши звонче голоса здесь становились.
И каждый в сердце уносил частичку света.
А городок всё плыл и плыл на фоне лета.

2013

Умер дом

Умер дом, и могилу сровняли с землёй.
Растащили останки его на дрова.
Долго плакало небо над грустной судьбой,
И хозяина-правнука никла глава.
Верой-правдой служил, помогал, горевал.
Материнскую боль утешал он, как мог.
Не вернувшихся с войн в тишине поминал,
Счастлив был топотаньем младенческих ног.
Оживал, новых жизней явление приняв,
Поджидал терпеливо гостей дорогих.
Наконец, одинокой судьбинушке вняв,
От ненужности горькой потерянно сник.
Всё старел и дряхлел без любви и тепла.
Крыша рухнула, стены его повело.
Подогнали бульдозер и... все-то дела.
Что-то важное с домом из жизни ушло.

(Автор – Ирина Зарницyna, Пермь, номинация 4)

Закамск

Сторона моя закамская,	Кировский пороховой.
Бор сосновый да река.	Побывать в Крыму захочешь –
Улица есть Капитанская,	Вот он здесь, давай, иди,
Храм святой у родника.	Только пальмы здесь
Корабли возводит славные	в горшочках,
Наш судозавод родной,	Да и моря не найти.
Но, конечно, самый главный –	Но зато затон на Каме,

Где зимуют корабли,
И услышите вы сами,
Как весной гудят они.
Открывая навигацию,
Вся флотилия гудит,
И под бурные овации
Знаменитый марш звучит!
(Автор – **Светлана Феоктисова**, Пермь, номинация 4, вне номинации)

Красная зона

Понятие «лето» всегда сочетается с отдыхом. Пока всё было спокойно, этим летом я тоже решила отправиться в путешествие на теплоходе. Ну, надо же испытать кайф и на этом виде транспорта. От многих слышала, что очень интересно. А через неделю объявили вторую волну коронавируса. Я пыталась сдать путёвку, даже сказала, что заболела. Мне ровным и металлическим голосом ответили в турагентстве: «Сдавайте путёвку и приложите справку о заболевании». Я вздохнула разочарованно: ничего из этого обмана не вышло. Всё бы хорошо, если бы не эта зараза, корона... И назвали-то так оригинально, главное, точно. Получается, что это венец здоровья и красоты. Второй год эта эпидемия, в полном смысле, будоражит всех. Надо же этим недочеловекам так всё спланировать, чтобы болели люди всей планеты и всех возрастов. Кажется, и болезнь-то пустяковая. Но она такая непредсказуемая и такая коварная... Нам ведь всем кажется, что нас не коснётся, нас уж точно обойдёт стороной эта беда, потому что мы хотим жить. В последние дни тема коронавирусной инфекции является самой обсуждаемой. Пожалуй, не найти человека, который бы не слышал словосочетания «красная зона». Что это? Это инфекционное отделение или целый корпус, в котором проходит лечение заболевших ковидом. Вот и я угодила в эту «Красную зону».

Заболела я ещё на теплоходе, хотя отдых был прекрасный, балдёжный и познавательный одновременно. Мы посетили несколько городов. С нами за столом сидела женщина из Алапаевска, милая, общительная, интересная. Она иногда так слегка кашляла, но этому никто не придавал значения. Потом у неё потерялось обоняние. Мы и тут никак не отреагировали. Она ещё и на палубе присядет поговорить. А через некоторое время я почувствовала слабость, болело горло, никакого аппетита, небольшая температура. И если бы не консультации дочери, не знаю, чем бы всё могло кончиться. «Мама, пей противовирусные препараты, я тебе их положила, – сердито сказала она. – Ты разве забыла, что я тебе говорила? Когда общаешься с кем-то, отводи голову в сторону. Ты же сама видела на видео, какой пучок брызг слюны вылетает при разговоре!» Но всё забыто начисто. Домой я еле доехала. На другой день взяли мазки, и приехала врач: «Да у Вас уже хрипы в лёгких. Завтра поедете на КТ». Но разве хочется куда-то ехать, если ты только вернулась домой и безумно счастлива? Но Вера Петровна оказалась категоричной: «Без всяких разговоров поедете. В этой больнице хорошо лечат». А вечером заехала моя дочь на «Скорой», повезла женщину с ковидом в Пермь, хотя она сделала прививку. Долго ждали своей очереди. Меня приняли в эту больницу, потому что поражение лёгких было небольшое, 15 процентов. А у этой женщины – 75 процентов поражения лёгких. Надо её класть в реанимацию, но нет ни одного места. Это в девятиэтажном-то здании Пермской областной больницы! В целом корпусе! Её возили до одиннадцати вечера по больницам города. Все реанимации переполнены, и только в одной её приняли.

И вот мой «родной» пятый этаж. Шаг, шаг – я вхожу в «Красную зону». Сидела и ждала, в какую палату меня определят. Больница будто вымерла. На космическом корабле звенящая тишина. Люди потерпели поражение и борются теперь за свою жизнь. В коридоре только спуют «инопланетяне» или «космонавты» в белых костюмах, медперсонал. Наконец, моё пристанище, пятьсот пятая палата. Секция состоит из двух палат. Здесь есть свой туалет, душ. Моя соседка – миловидная женщина лет шестидесяти. Галина Серафимовна всей семьёй слетала в Крым, там и подхватила эту заразу. Она уже пять дней лежала с кислородной

маской. Совсем беспомощная, с 70-ю процентами поражения лёгких. Ей запретили вставать, у неё не хватало сил даже на то, чтобы вилку проводки вставить в розетку. Она с трудом говорила. Из соседней палаты (там лежали муж с женой) всё время доносился не кашель, а просто лай женщины. Она была без сознания долгое время. После пяти дней моего лечения – а это несколько капельниц в день, уколы, таблетки – КТ показало, что у меня ухудшение, уже 36 процентов поражения. Но я всё равно верила, что выкарабкаюсь. Мне изменили лечение.

Врачи и весь медицинский персонал достоин восхищения. Они работали круглосуточно и без выходных, в четыре смены, по шесть часов. И четыре раза был обход: мерили давление, температуру, сатурацию (уровень кислорода в крови), а тяжёлых больных посещали много раз. Многим не хватало воздуха и в кислородной маске, в таком случае подключали аппарат, который вырабатывал кислород. Врачи – это особая профессия, они в полном смысле здесь спасают жизнь. И очень доброжелательное отношение к больным. Мы ведь когда болеем, бываем всякие: и ворчливые, и раздражительные. За две недели лечения здесь я не услышала ни одного окрика или повышения голоса со стороны сотрудников этой областной больницы. Здесь люди страдают, и весь персонал понимает, что равнодушным к этому просто нельзя оставаться. Поэтому больные здесь чувствуют тепло и внимание. Врачи лечат, а санитары и медсёстры, в полном смысле, vychаживают больных. У санитаров основная задача – накормить, повернуть больного, перестелить постель, вынести мочу, почистить зубы, подстричь ногти, промыть нос... Причём, ухаживают здесь, как за малыми детьми. Это без преувеличения. Кого-то морально надо поддержать: поддержать за руку, успокоить. В этом я убедилась на примере моих соседок. Меня радует, что ещё есть медики и обслуживающий персонал – настоящие, для которых здоровье пациента представляет ценность.

Я спросила как-то молоденькую медсестру: «Тяжело Вам работать в таком костюме?» – «Очень, – ответила она. – Причём, мы должны эту спецодежду одевать в определённой последовательности: сначала костюм медицинский, потом защитный костюм из высокопрочного плотного материала, высокие бахилы завязываем так, чтоб они надёжно были зафиксированы. Укре-

пляем их скотчем. Надеваем шапочку и прячем волосы, потом первые перчатки, верхнюю часть комбинезона и только потом – вторую пару перчаток. Потом респиратор, капюшон, молнию до самого подбородка. Затем прилегающие плотно очки, предварительно натерев их мылом, чтоб не запотевали. И только потом надеваем третью пару перчаток». Я ахнула. Как так можно работать всю смену?! Ни поесть, ни сходить в туалет. А некоторые одевают даже памперсы. Это вовсе не смешно.

Я лежала в этом ковидцентре в августе месяце. Жара сорок градусов да температура тела держалась – тридцать восемь, тридцать девять. Окно в палате сломано, не открывалось. Дышать совсем было нечем. Было невыразимо тяжело. А каково медперсоналу? Я уверена, что по их телу стекают струйки пота, а после смены костюм можно выжимать. А вы бы смогли работать в таком аду? А они могут и работают совсем не ради того, что давали клятву Гиппократа, а потому что здесь лежат люди и ждут их с надеждой и верой. И каждый день, как в бой. Несмотря на то, что все они каждый день смотрят смерти в глаза, они спасают людей, вселяют в больных уверенность, что они выживут и вернуться к нормальной жизни. Я думаю, чтоб работать тут, нужно обладать огромной силой воли. И сами они болеют, потому что каждый день рискуют жизнью. Некоторые врачи здесь переболели дважды.

Чтобы выздороветь, приходилось пить много воды и лежать на животе, чтобы лёгкие расправлялись. В зависимости от состояния организма и болезнь протекает по-разному. У моей соседки, Галины Серафимовны, появились пролежни. Больше двух недель она не вставала. За день до моей выписки ей стало хуже. Врачи всю ночь от неё не отходили, а утром её увезли в реанимацию. А она так не хотела туда. У неё были такие затравленные глаза, будто она прощалась со мной. И последний её звонок дочери, как последняя ниточка надежды на Бога. «Сходите в церковь и закажите мне «сорокауст» на выздоровление», – с трудом прошептала она, задыхаясь. Из-за жары двери нашей палаты нам разрешали открывать. Я видела, как по коридору везли на КТ на колясках и каталках людей к лифту, кто сам не мог ходить. Это не только бабулечки, но и могутные, ещё полные сил, молодые мужчины и женщины. Болезнь скручивает и таких. Вот провезли человека, накрытого простынёй. Ещё чья-то жизнь оборвалась. Почти каждый день кричала парализованная девушка. Кроме «А-а-а-а!», она ничего не могла говорить. У меня этот душераздирающий крик до сих пор звенит в ушах.

Никому из родных сюда не положено входить. Передачу разрешали только через «Окно передач». Здесь, как нигде, жизнь сталкивается со смертью лицом к лицу. И если у больного плохой настрой, он умирает или очень долго не выздоравливает. Некоторые больные испытывают клиническую смерть. На грани жизни. А это очень страшно. Но болезнь отступает, если человек борется за жизнь, не паникует, не сдаётся, если у него высокий тонус. Это ведь давно доказано жизнью.

Меня лечили разные врачи, в зависимости от смены: это и Гудименко Ольга Николаевна, и Петруша Анастасия Владимировна, и Хачатрян Арменуи Варужановна. Но основным лечащим врачом была всегда доброжелательная Службина Ирина Андреевна. Все они грамотные врачи, добрые, чуткие. Я склоняю голову перед Вами!!!! Благодарю и процедурных медсестёр: Боярских Любовь Владимировну и Чернавину Елену Викторовну. Заведующую отделением Киврину Татьяну Михайловну и всех палатных медсестёр пятого этажа!!!! Они опекают и лечат около шестидесяти человек на этом этаже. На память приходят стихи Владимира Вихляева из Тольятти:

*«Спасибо Вам за ваш нелёгкий труд!
Спасибо Вам за ваше понимание!
Ваш подвиг бесконечно люди чтут!
Храни Вас, Бог, за ваше сострадание!»*

Ковид-19 набирает обороты, с каждым днём больных становится всё больше. И областные больницы переполнены, не принимают из села никого. Страшный план людей с нездоровыми и воспалёнными мозгами – разъединить людей, запугать, всех взять под контроль. Надо найти нам силы противостоять этому.

Ноябрь 2021 г. (автор – **Зинаида Попова**, Карагай, Победитель Конкурса в номинации 2 (Документальная проза) – 2 место)

(Художник – **Анна Час**, Пермь, друг Конкурса)

Пермь и Кама

Величаво стоит над рекой
Город славных, великих свершений.
И несёт себя Кама просторной волной,
Поит влагою откровений...

*

Вновь красавица Пермь по весне
Обернётся в тончайшие ткани.

Тот ажурный наряд в листве
Манит в скверы шелками желаний...
Кружит голову аромат
Бело-розовых сновидений,
Окунается в небо взгляд,
Восхищаясь игрою творений...

*

Кама то полноводьем шалит,
То устремляется к небу от суши...
Оберег её сердце хранит,
Синеглазая, лечит нам души.

*

Если любишь свой город родной,
Любишь речку просторную, вольную,
Сохрани красоту сердца доброй волной,
Сохрани в нём природу привольную...

Ночная мелодия города...

Всё дремлет...
Мой город в белёсом тумане,
И окна хранят чистоту янтаря...
А там, на краю,
Просыпается, манит,
Зовёт мою нежность святая заря.
Брожу
В переулках и стареньких скверах,
Ищу
Тот таинственный свет за окном...
И юность
Встречает меня на скамейках,
Нас ночь
Обнимает влюблённым крылом.
Вновь в Каме огни отражались ночные.
И мост сводом хрупким стянул берега.
Они, словно руки позвали родные,
Река подарила свои жемчуга...

*

Всё дремлет мой город...
Он в зыбком тумане.

И окна хранят чистоту янтаря.
А там, на краю, просыпается, манит,
Таит мою нежность святая заря.
И дышит
Прощаньем минувшее лето...
Рассвет
Алым шарфом обнял город мой.
В нём осень
Ступает, порой незаметно,
Играя
На листьях зарёй огневой...

Пермь Великая. Три сотни лет...

Три сотни лет над Камой величаво
Стоит мой город, мастер славных дел.
Здесь и меня волна в реке качала.
Мой город был и молод, и умел.

*

Татищева заслуги вписаны в историю:
Перми дал место и рождение на берегах.
Не ведал он, что эта территория
Прославится трудом своим в веках.

*

Над Камой алым стягом занималась
Заря, зовущая в горячие цеха,
И жизнь текла,
И небо отражалось,
И синева текла в далёкие края.
Трудом тяжёлым и достойным
Наш город жил из века в век.
Любовью смелой и привольной
Гордился добрый человек!
Взгляд Кама в водах отражала,
Дома Перми и купола,
Но не спешила,
Величаво
Их отражения несла...
Так день за днём,
Из века в век

В почёте труд и человек.

*

Царь колокол, свидетель давних дней...
Мой город становился лишь сильнее
И вехи новые свершений и побед,
Вписал в историю свою,
Оставив добрый след
Для поколений новых, юных и смыслённых,
И для сердец, в него влюблённых,
Весенними цветами украшая,
Делился он победой с нами в мае!

*

Здесь мужество проявлено не раз,
И был, конечно б, длинным мой рассказ,
Но в летопись хотелось дописать:
О стариках и женщинах, и детях...
Станкам порой военной не дали заскучать.
В цеха и мал, и стар шли за победой,
А на войне отцы и братья, сёстры, деды...
Стезя досталась им такая: лишь трудиться,
И боль переносить, забыв порой умыться,
Не спать, не отдыхать, а голодать,
Две долгих смены каждый день стоять,
Чтобы с врагом сразиться мог солдат,
Отец и внук, и сын, и брат,
В великой той Отечественной войне, –
Там враг шагал по матушке-земле...

*

Лишь пот струился, застилая
Глаза усталые твои,
Герой, ты мужеством спасая,
Трудился от зари и до зари...
 Мальчишка ящики подвинул,
 Лишь кепка над станком видна.
 - Сынок, годков-то сколько? –
 Слышал в спину.
 - Не помню, – выдохнут упрямые уста.
И город жил.
В зиме, суровой и военной,

Театр стремился вдохновенно,
Порадовать спектаклем пермяков.
Был праздник для сердец и много тёплых слов...

*

История запомнит на века
Героев славных имена,
Кто и в тылу и на войне, однажды
Восславил родину свою,
И павших...

Традициям своим не изменяя,
Пермь помнит подвиги,
Гордится ими в мае.
И пусть потомки помнят имена.
Они в граните спят,
Те времена...

*

Мой город, ты велик сердцами,
Ты отражаешь лики гордо в Каме,
И пусть течёт она, омыв и нам сердца,
В Перми Великой та Великая река!
Свой город Пермь уберегут потомки...
Не громкими покажутся лишь строки:
- Люблю тебя, мой город дорогой,
Осеннею порою и весной!
Люблю твои дворы и закоулки
И скверы тихие, –
Шаги ночные гулки...

Люблю дыхание лесов вокруг тебя,
И чудо голосов, звенящих в тишине ручья,
Люблю бродить на набережной летом,
Встречать твои заветные рассветы,
И провожать вдаль корабли, –
Они несут весть о любви...

*

И в темноте ночной,
Когда уснёт над Камой город мой,
Пройдусь под небом лунным, звёздным...
Я знаю, мне не сосчитать лишь звезды,
Которые горели в тех сердцах,

И лился свет их в небо без конца...

18.08.2022 – 4.02.2023 (автор – *Тая Полянская*, Пермь,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Под сдержанным пермским небом 10
(художник – *Василий Поляков*, Пермь, друг Конкурса)

Люблю, обнимаю, целую, олень

Звонит будильник. Проснулась, сходила в душ, накормила кота, варю кофе. Свила гнездо на подоконнике – обожаю смотреть в окно, оно как раз расположено над входом в подъезд, и мне видно весь двор. Наслаждаюсь видом и любимым бодрящим вкусом. Всё как всегда.

Но однажды!

Из нашего подъезда вышла женщина – сорок плюс, смешная самовязанная шапка, огромные очки, пухлый яркий шарф на шее, безразмерный пуховик и розовый рюкзак за плечами. Обычная такая тётенька. И тут она подняла куда-то вверх лицо, и в окна этажей полетела её нежная улыбка и несколько жестов рук. Пальцы сложили сердечко, скрещённые под лицом руки – указательные пальцы к щекам (какие у неё ямочки чуждые!) И напоследок руки снова скрестились в хорошо знакомом любителям рока рогатом жесте. Интересно, что это значит? Воздушный поцелуй вверх – и тётенька скрылась за углом дома.

Я допивала кофе, ёжилась, поглядывая на часы. День обещал быть сложным. Но за обычными сборами на работу я всё вспоминала подсмотренную сценку. Переехала я сюда недавно, знаю только соседей из ближайшей квартиры. Но мне радостно оттого, что где-то на этажах выше меня живёт человек, к которому летит утром в окно признание в любви – а что это может быть, по-вашему, ещё? – и он, безусловно, счастлив. «Люблю, обнимаю, целую, олень», – улыбаясь, напевала я, спускаясь по лестнице подъезда.

День выдался и вправду сложным, муторным и пресным, каким и обещал быть. Но, пробежавшись по магазинам и волоча в дом добычу в виде пакета с шаурмой и фикуса (коту корм забыла купить, растяпа!), я снова вспомнила утреннюю пантомиму. Улыбнулась.

Дома всё как всегда. Потискала котю, фикус прижился в кабинете. Посудомойка, душ, будильник, любимое шоу перед сном и баиньки.

Через некоторое время я снова увидела эту женщину под окном, и ещё раз, и ещё. А как-то из подъезда вышел крупный мужчина. За сорок. В бороде и усах. Кашне под уютной объёмной курткой. Кепка, надвинутая на лоб, скрывает усталые глаза. Походка мягкая, вальяжная. Я сначала подумала, что он вышел дожидаться такси и сейчас станет прогуливаться под окном, раскланиваясь с соседями. Но мужчина повернулся к дому, вскинул вверх лицо, улыбнулся... И я снова увидела эту пантомиму.

Пальцы сложили сердечко, скрещённые под лицом руки – указательные пальцы к щекам (как чертовски хитро он улыбается!) Руки снова скрестились в хорошо знакомом любителям рока рогатом жесте. Воздушный поцелуй вверх. Тот же пароль. «Люблю, обнимаю, целую, олень». Мужчина булькнул брелком стоящего рядом с подъездом «пыжика» и плавно вывел машину со двора.

Прелесть что такое! Нет! Вы только подумайте! Рядом со мной – в шаге буквально! – живут взрослые уже люди, которые каждое утро шлют в окно друг другу признание в любви! Вокруг ходят непроснувшиеся ещё прохожие, собаки тянут гулять хмурых своих хозяев, едут мимо нахальные такси – целая сложная и приторная жизнь живётся. А эти двое сигналият друг другу про любовь... Каждый день, в любую погоду. Как оберег или клятва: «Люблю, обнимаю, целую, олень!» И

даже мне, человеку стороннему, хорошо оттого, что я вижу их. Значит, любовь есть. И счастье есть. И близкие друг другу души находят друг друга. И ничто не важно – ни возраст, ни статус, ни точка на земле, где двое любящих находятся сейчас. Только это пожелание удачи. Только этот пароль, который спасёт от любых бед.

Значит, настанет в жизни такая минута, когда и меня приведут ноги к моему счастью. И мы с котом и нашим фикусом перестанем кочевать и пустим корни. И обязательно вместе с моим уже сейчас, издали, любимым человеком придумаем свой пароль. Который нас выручит и отыщет везде, вытянет из любой беды!

Ну, а пока желаю вам счастья, незнакомые светлые люди. Удачи и радости каждый день. Люблю, обнимаю, целую, олень! Ой! Я на работу опаздываю...

(Автор – **Наталья Какурина**, Пермь, эксперт и художник Конкурса)

(Художник – **Анна Час**, Пермь, друг Конкурса)

Здравствуй, милая Пермь!

На крутых берегах, над стремниной речной,
Где гулял по просторам непуганый зверь,
Где тайга вековая стояла стеной,
Вырос город прекрасный с названием Пермь.
С заводских корпусов, с заводского пруда,
И с гудка, что пронёсся над Камой-рекой,
С пристаней, принимавших речные суда,
Начинал этот город свой путь трудовой.

Крепла Пермь и росла, породнившись с рекой,
Свой особый уральский характер ковала.
Поднимал её утром гудок заводской,
И под шёпот прибрежной волны засыпала.
В красном поле герба серебристый медведь
По-хозяйски идёт, охраняя покой.
Из соборов гудит колокольная медь,
Разнося благовест над Прикамской землёй.

Здесь мечеть и собор по соседству стоят,
Здесь богатство преданий, культур, языков.
И, питая друг друга, народы хранят
Самобытность на всём протяжении веков.
И любой, кто в Прикамье рождён, – мне земляк,
Мы живём, дело дедов, отцов продолжая.
И башкир, и татарин, и коми-пермяк –
Каждый внёс свою лепту в развитие края.

И с радушием Пермь принимает гостей,
Раскрывая объятия вокзалов, портов,
Удивляя простором своих площадей,
Волшебством старых улиц, величием мостов.
Здравствуй, милая Пермь, ты ещё молода!
Знаю, есть города много старше и краше.
Но в историю нашей страны навсегда
Твоё имя вписали, а значит, и наше.

(Автор – **Борис Варанкин**, Сива, Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

С Юбилеем, Пермь!

Уж триста лет шагаешь по Планете,
Но с каждым годом краше и милей.

Какое счастье, что ты есть на свете!
И трудишься на благо всех людей.
За триста лет ты вымахал так лихо,
На радость матери, деревни Егошихи.
Мы, земляки, тобою дорожим.
Твой русский дух силён, непобедим.
И в славный юбилей перед тобой
Мы с восхищеньем головы склоняем
И с благодарностью, отец наш дорогой,
Твои заслуги гордо вспоминаем.
Желаем Юбиляру непременно
Триумф победный гордо продолжать.
Быть значимой частицей во Вселенной,
Своим трудом Отчизну прославлять!

2023

Ночная Пермь

Ночь неслышно в наш город пришла.
Пермяки в тишине засыпают.
И машины, устало шурша,
В гаражи, не спеша, заползают.
Пермь-трудяга ночами не спит,
Нас заботой в тиши окружает.
Лечит, чистит, покой сторожит,
А про отдых совсем забывает.
Постовые на страже стоят,
Зорко смотрят, глаза не смыкают.
Люди в белых халатах не спят,
Чью-то жизнь от напасти спасают.
Ну а пекари смены ночной
Хлеб душистый для нас выпекают,
И аптеки, храня наш покой,
По ночам всех лечить помогают.
И гуляют влюблённые пары,
По ночам не торопятся спать.
А ночные кафе, клубы, бары
Приглашают их петь, танцевать.
Ночь пройдёт и рассвет улыбнётся,
День раскроет объятия свои.

И привычная жизнь вновь начнётся.

С добрым утром, мои земляки!

2022 (Автор – **Валентина Канюкова**, Кудымкар,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Память о студенчестве

Я хожу по знакомым улицам,

Подставляю лицо ветрам.

Пусть погода немного хмурится,

Ветер пусть чересчур упрям.

Хорошо мне в любимом городе

По любимым проспектам бродить.

Даже воздух какой-то особенный

Здесь, где нам с тобою не жить.

Нас с тобой ждут дороги далёкие.

Разбросает нас всех судьба.

Через много ли лет, издалёка ли

Возвратится каждый сюда.

И, овевая ветрами юности,

Вмиг душою помолодев,

Ты пройдёшь по знакомым улицам,

На любимый придёшь проспект.

Город наш, конечно, изменится.

И знакомых не так уж много,

А когда огнями засветится

Пермь вечерняя,

вспомнится многое...

Здесь мы жить учились, как надобно,

Как не быть равнодушными к людям.

Вечерами сидели за полночь,

Выдавая замуж подругу.

Пели песни упрямые, гордые,

Про людей, идущих по свету,

Песни любящих, волею твёрдых...

Пели мы про любовь, про «Шхельду»,

Про студентов – людей бесшабашных,

Про строительные отряды...

Чувство дружбы боготворящие,

Спели первыми гимн физмата.

Мы любили прогулки за́ город.
Вечера групповые, нечастые...
Эти годы запомнятся на́долго
Буйной молодостью пьянящие.
Пусть изменится Пермь с годами,
Но в сердцах и в далёких далях,
Город таким останется с нами,
По какому мы все шагали.

(Автор – **Елена Баранова**, п. Керчевский, Чердынь,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Собачья стоянка прямо напротив здания администрации Перми
(фото – **Альбина Печёнкина**, д. Ярино, Карагай,)

Её звали Ника

Сегодня вечером я гуляла по Гайве со своей собакой и, проходя мимо одного старенького двухэтажного многоквартирного дома, я вспомнила одну трогательную, душещипательную историю из моего детства. В то время, в моей жизни ещё не было лошадей, мне было 11 лет, и мало что в своей жизни я могла решать.

С детства я безумно любила собак. В начальной школе прикармливала всех дворняжек из окрестных домов, и они ходили за мной как моя личная стая! Мечтала стать кинологом и даже смогла уговорить родителей разрешить мне взять домой собаку с улицы... Я постоянно приносила домой щенят от бездомных собак!

Мыла их, лечила от глистов, а потом находила им новый дом. Каждый такой щенок был для меня отдельной историей, но, увы – не всегда весёлой... Как показало время – не каждые руки хорошие, и не в каждом доме собаку ждёт счастливая и долгая жизнь.

Помню, как в один из весенних дней в мою дверь постучали! Именно постучали, а не позвонили! Дети-малолетки из нашего двора привели мне щенка овчарки! Он сказал, что нашли щенка на улице, что привели его мне, потому что какая-то женщина сказала им, что щенок никому не нужен. Красивая толстоплая девочка на вид 2-2,5 месяца, чистенькая, ухоженная, не худая – я не могла поверить, что такую собаку могли выкинуть. Я попросила детей разузнать, чей всё-таки этот щенок. Ну, а пока хозяин не найден – оставила щенка у себя. Овчарка очень легко и быстро подружилась с моей домашней собакой Лялей, они весело играли, и было видно, что обеим им это доставляло море радости. Щенок был очень внимательным и смышлёным! А как она обаятельно улыбалась во всю пасть, словами не передать... Какое-то невероятное очарование исходило от этой молодой собаки!

Через пару дней дети, которые принесли мне щенка, сказали, что нашли адрес хозяина. И мы вместе пошли отдавать щенка. Малышка прекрасно ходила на поводке, но и без поводка не убегала! Гулять с ней было одно удовольствие, не то, что с моей Лялей, которую стоило отпустить, как она убегала, как дикая лань, и пока не набегается, не возвращалась! По этой собаке было видно, как она ценит своего хозяина, и как он ей нужен! Мы подошли к тому самому двухэтажному дому. Хозяин щенка жил на втором этаже, во втором подъезде. Дверь открыл молодой мужчина. Я спросила, его ли это собака, он сказал, что она убежала на прогулке, и он её потерял. Сказал, что всегда убегает. Маленькая овчарка узнала хозяина! Обрадовалась и завиляла хвостом! Он поблагодарил меня за то, что я привела ему собаку. На прощание я спросила, как зовут щенка, -«Ника» – ответил он, и закрыл дверь.

Мне было немного грустно расставаться с Никой, но я думала, что так и должно быть. Что это правильно. Собака вернулась домой, а я её вернула, я молодец...

Прошла неделя, я вышла из квартиры и увидела в подъезде перед своей дверью – угадайте кого?! Да! Нику! Того самого щенка! Казалось, что за неделю она даже подросла! Одно ухо у неё уже

твёрдо стояло, второе наполовину висело, как потом выяснилось – оно уже не поднимется, так как имело излом. Она не ступала на одну лапу, было непонятно, что с ней, сильный ушиб, или перелом... И когда я её гладила, в некоторых местах ей было больно и прощупывались гематомы. Видимо щенка крепко побили. Не знаю почему, наверное, потому что с детства мне внушили, что брать чужое – плохо, я повела щенка хозяину. Хотела сделать ему выговор, что с животными так обращаться нельзя. Но хозяин Ники дверь мне не открыл, через дверь он ответил: «Заберите её себе, и не беспокойте меня больше».

Так я и сделала! С этого дня Ника стала моей второй собакой, а я ей – хозяйкой... В то время меня было за уши не оторвать от документальных фильмов по дрессуре собак, и мне надо было всё опробовать с Никой! Она очень охотно училась! Через месяц она уже знала несколько команд: сидеть, лежать, дай лапу, ходила рядом, приносила палочки и игрушки! Какие мечты, связанные с этой собакой, у меня были...

Но жизнь во всё имеет свойство вносить коррективы. На пути к счастливому будущему юного кинолога встала моя мать. Она и первую собаку-то разрешила мне оставить очень нехотя, а тут ещё одна. Она совершенно не замечала Никиных достоинств, не радовалась нашим с ней достижениям, а только изо дня в день повторяла мне, что собаку надо отдать, и всё время грозилась выгнать её на улицу. Однажды, она запретила мне приводить Нику домой, и мне пришлось увести её жить на огороде. Мать часто ездила по командировкам, и дома была, в основном, по выходным, поэтому, в будни Ника была домашней собакой, а в выходные жила на огороде, в вольере. Этот вольер, кстати, мы с друзьями тоже построили сами – для передержки бездомных щенят. На огороде не было ни электричества, ни воды, только парник и несколько бабушкиных грядок, овощная яма и пожарище от сгоревшего дома.... Дом сгорел, когда мне было 5 лет, новый построить маме с бабушкой было не по карману.... А вольер мы построили как раз на руинах сгоревшего дома, из досок, уцелевших от пожарища. В вольере была конура, сколоченная из деревянных ящиков – её мы тоже построили с друзьями сами! Трудно поверить, мы построили всё это, когда нам было всего по 10-11 лет. Я могла наверняка пристроить Нику в «хорошие руки», но

мне постоянно казалось, что другие руки недостаточно хороши для этого щенка. Да и сама я всегда мечтала именно о такой собаке! Я выросла за просмотром сериала Комиссар Рекс и, конечно, была фанаткой немецких овчарок. Не знаю, была ли Ника чистым немцем, или она была очень удачным метисом, но ничего, кроме наполовину не вставшего уха, не отличало её от немецкой овчарки. Когда Ника стала чуть старше, она стала пытаться меня защищать. Причём, очень выборочно! Какие-то люди ей не нравились, и она рычала на них, другим виляла хвостом и разрешала себя гладить.

С моей собакой они тоже были очень дружны! Не было и тени ревности! Ника была как будто Моей собакой, а Ляля сама своей! Её всегда отличал этот жуткий, независимый характер собаки, выросшей на улице! Меня Ляля, конечно, любила, но ещё она любила помойки, своры бродячих собак и БОМЖЕЙ! Стоило Ляле увидеть любого бомжа, она сломя голову летела к нему, виляя хвостом, будто встретила старого друга. Видимо в щенячестве, бомжи её откармливали, чтобы съесть, но потом что-то пошло не по плану, и вместо горячей еды для бездомных, Ляля попала ко мне домой, но это уже другая история. Ника оказалась гораздо более верной и послушной, чем Ляля.

Мать пыталась меня попрекать, что не будет кормить за свой счёт моих собак. Я с ней согласилась и стала собирать бутылки! В то время пивные бутылки принимали по 1 рублю, водочные – по 50 копеек, а от джин-тоника – по 30 копеек. Пакет молока стоил 10 рублей, пакет куриных голов – 15, костный остаток – 11 рублей, 1 кг геркулеса – 8 рублей. Вот так я и кормила мою Нику. А ещё покупала корм – для дрессировки, и всегда носила его в кармане. Мне нравился его специфический запах.

Закончилась весна, наступило лето и нам с Никой было ничего не надо, только бы проводить как можно больше времени вместе, учиться новому, открывать вместе мир, но моя мать решила иначе... Она купила билеты в санаторий в Пермской области и заставила меня ехать с ней. Ника осталась одна дома. Неделя в санатории была ужасна. Я только о Нике и думала. Чтоб скоротать время – ходила собирать бутылки в санатории и даже нашла не далеко от санатория точку приёма. Нику же надо кормить! Я всегда о ней думала... В конце недели матери позвонила бабушка и сказала,

что Нику хотят взять к себе наши соседи... А они были ненадёжными распушенными людьми. Курили, выпивали... Я понимала, что если собака попадёт к ним, то заниматься с ней не будут. Загубят. Я запретила отдавать Нику, пока меня нет. Поругалась с бабушкой, потом с матерью. Бабушка истерила, что не будет смотреть за моей собакой, что ей тяжело ходить кормить её в огород, мать орала на меня, что из-за моей собаки одни проблемы и от неё надо избавиться, но сломить меня они не могли. А бедная Ника уже неделю сидела в вольере, с ней даже никто не гулял...

Мы с матерью поехали на один день домой, а после этого нас ожидала ещё неделя в санатории. Ника была без ума от радости, когда меня увидела! Как она рвалась, как скулила, как была рада... А как была рада я! Нас с Никой сгубила моя детская доверчивость и взрослая подлость моей матери. Мать мне подыграла, сказав, что понимает, как Нике без меня плохо, и разрешает мне взять её в санаторий с собой! Вот это радость, подумала я! В санатории остаётся много катлет, буду собирать их со столов и кормить Нику! Буду гулять с ней и заниматься! Да это лучшая поездка! Да, в санатории никто не отдыхает с собаками, но обо всем же можно договориться...

Мне так казалось... Мне было 11, что я могла знать о лживости и подлости взрослых?! Да ничего я не знала. У матери в голове был другой план.

Когда мы приехали в санаторий, мать высадила меня из машины и сказала, что у меня есть время до вечера пристроить собаку или просто «отпустить её», то есть – избавиться. Я плакала, умоляла её не делать этого, Вернуть Нику на Гайву в вольер и оставить меня с ней в Перми. Я проклинала этот санаторий, который был мне ни на день НЕ НУЖЕН без Ники! Но мать была непреклонна, она сказала, что никуда не поедет, а с собакой меня всё равно никто в санаторий не пустит. Я осталась одна против всех...

Только Ника была со мной, всё так же смотрела на меня верными, полными щенячьей любви глазами. И что же мне было делать? Привязать её под деревом и кормить тайком от матери? Но она бы скулила, её могли отвязать или обидеть, ведь много жестоких людей и бомжей, которые едят собак... Я не знала, что делать. Слёзы катились по моим щекам, а Ника их слизывала, будто говоря – ну что ты плачешь, я же здесь, я же с тобой! Надо было сбе-

жать от матери. Надо было ловить попутку и ехать с Никой домой, в Пермь. Но мне было 11, и я была не такой отчаянной. Как я жалею о том, что была труслива в свои 11! В 12 меня бы уже никто не остановил, но в 11 я струсилa. Ведь всех нас с детства учат слушаться маму, но не учат тому, что мамы часто не правы, жестоки и совершают страшные ошибки, никогда их не признавая и не раскаиваясь в них... Ломая души и жизни своих детей.

Я повела Нику в частный сектор, стала стучаться в дома и предлагать собаку, в одном из домов она очень приглянулась хозяину. Хороший дом, хороший на вид мужчина: высокий, сухой, с такими «хозяйственными» усами, как раз, говорит, хотел овчарку давно, у него и будка для собаки готова была, правда, собака нужна была на цепь, на охрану. Но ведь и цепные собаки бывают счастливыми, цепь может быть достаточно длинной, с цепными собаками тоже гуляют и занимаются, утешала себя я.... Мужчина сказал, что у него есть дочь моего возраста и сын чуть младше, что они будут гулять со щенком. Я сказала, что собака очень умная, попросила, что бы с ней обязательно как можно больше гуляли и продолжали учить командам. Скрепя сердцем, я отдала собаку. Мне дали за неё 100 рублей, по тем временам – не такая уж и маленькая сумма! По дороге домой я уже не плакала, но на сердце было очень тяжело...

Узнав, что я отдала Нику, мать была счастлива, будто выиграла войну. Хотя, чего стоит такая победа?!

До отъезда я пару раз ходила проводить Нику. Она сидела на коротенькой цепи и рвалась с неё, отчаянно лая. Увы, я не могла подойти к ней – забор не давал. Просила нового хозяина удлинить её цепь, он согласился, но когда я снова пришла проводить Нику – цепь была такой же короткой. А детей его собака вообще не интересовала, однажды я встретилась с ними, и была разочарована их безразличием к этому прекрасному и умному созданию.... Они не видели в Нике того, что видела я. Я бы её забрала... Но мать всё равно бы не позволила мне отвезти её обратно в Пермь.

Так и осталась моя Ника там, на короткой цепи, за забором. Ничего я больше о ней не слышала и не знала. Только сегодня мой взгляд пал на тот самый дом, где жил первый нерадивый хозяин Ники, который отдал её мне со словами: «Можешь оставить её себе...» Хотела бы я оставить Нику себе, очень хотела. Прокрутить

бы время назад, ни за что бы её не отдала! Думала я об этом весь остаток прогулки со своей собакой Морковкой... Ники наверное уже нет в живых. Я не знаю, сколько лет она прожила и была ли счастлива... Но я до сих пор очень люблю её и помню лучшие моменты, прожитые рядом с этой собакой. У нас с ней могла бы быть интересная весёлая жизнь.... Жаль, что не получилось.

2017 (Автор – **Диана Дубова**, Пермь, лауреат Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

(Художник –
Анна Час,
Пермь, друг
Конкурса)

Ночь

Медленно, медленно всё засыпает.
Тихо, неслышно сошла тишина.
Свет постепенно везде угасает.
Светят лишь только фонарь да луна.

Редко спросонок пролает дворняга,
взвизгнет щенок, да царапнетсямышь.
Тихо скрипит карандаш о бумагу,
в мысли вселяя дремоту и тишь.
А за окном на сугробах уснувших
тысячи звёзд зажигает луна,
и вдоль заборов, в снегу утонувших,
тёмную тень продвигает она.
Серые тучи с ветром в обнимку
сонно летят, свои тайны храня.
Замерло всё, всё подёрнулось дымкой,
спит... в ожидании нового дня.

* * *

Падает, падает, падает, падает снег;
ветер снежинки вращает в своих завихренях.
Наша зима – лишь начало пути к весне.
Наши обиды – начало пути к примиренью.
Путь этот долгий! Но нам его надо пройти!
Чтобы в конце его нежный подснежник увидеть.
Чтобы нам солнышко стало и греть, и светить –
надо простить и самим никого не обидеть.

Трудно простить? Никого не обидеть труднее.
Все мы за что-то нуждаемся в чём-то прощенье.
Наша зима – лишь начало пути к весне.
Наша вина – лишь начало пути к очищению.

* * *

Прошла весна, а я и не заметил
в водовороте разных мелких дел.
Я видел в жизни только междометья,
а главного-то я не углядел.

Прошла весна, уже настало лето,
уже всю черёмуха цветёт,
а я всё жду, что вот услышу где-то
крик журавлей, увижу их полёт.
Как хочется отбросить все заботы,
уйти в луга, бродить, бродить, бродить,
заметить удивительное что-то,
запомнить и потом не позабыть.

Но схвачен я заботами за горло
и за делами забываю всё.

Понятно это и, конечно, горько –
забота наши песни унесёт.

И времени свободного немало.
Но позабыл я, что была весна,
моя душа не пела – прозябала,
и в том не чья-то, а моя вина.

И вот стою – растерянный, смущённый,
смотрю вокруг: «Да ведь весна прошла!»

А я не увидал её. Ещё бы!

Важнее для меня дела, дела, дела.

* * *

Вот опять запахло талым снегом,
и уже дождинками умылся,
и февраль метельный был да не был,
и январь похмельный будто снился.

Вечным гимном колокольно-звонным
зазвенели каплями сосули.

Снова растревоженно-влюблённым
я брожу по лабиринтам улиц.

И инстинктом древним, деревенским,
запахом земли душа томится.
И ищу я, словно мир вселенский –
светлый отблеск белокрылой птицы.

Высохшая ёлка

Среди своих подружек	и смятение...
зелёных	Безмолвный,
стоит она, раздетая, одна	но естественный упрёк.
и тонкой сеткой веточек	Ты виноват, и нет тебе
склонённых	прощения
трепещет, наготову смущена.	за то, что ты её
И стыд, и боль, и вызов,	не уберёг.

(Автор – **Александр Богданов**, п. Мулянка, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Летний дождь

Мы с друзьями в Балатовском парке на танцевальной площадке, защищённой с трёх сторон от ветра и дождя ажурной крышей с наклоном на север и небольшим деревянным забором. Рябины, берёзы, сосны и молодой кустарник разрослись тесным кольцом вокруг неё, покрывая ветвями и листьями невысокое деревянное ограждение.

Чудесно! Вот уже полчаса идёт обильный тёплый дождь, который время от времени превращается в настоящий ливень. Миллионы живительных чистых капель падают на нежную зелень.

В любую погоду пожилые люди и молодёжь любят здесь отдыхать, иногда попеть, потанцевать под баян или гармонь. Вот и сейчас маленькая группа разместилась в уголке площадки и спокойно играет в карты – в «дурачка». На противоположной лавочке разместилась молодая мамочка с двумя ребятишками в коляске. Они пережидают летний дождь. На площадке появилась наездница верхом на красивой каурой лошади. Их летний дождь промочил насквозь.

Повеяло прохладным свежим ветерком, от которого затрепетала зелень листвы на деревьях и кустарниках.

Постепенно ливень утих, превращаясь в мелкий дождик, который не желает уходить из парка. Ему тоже хорошо!

Как интересна и неповторима Природа-сказка!

(Автор – **Валентина Жолобова**, Пермь,
участник Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

Под сдержанным пермским небом 11
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Фонари

Фонари. Фонари. Длинных виселиц ряд.
На дорогах земли постовыми стоят фонари.
И не лампочки в них, а сердца человечьи горят

вплоть до самой зари,
вплоть до светлой зари,
вплоть до нашей зари.

А приходит наш день – солнце путь освещает.
Мы идём и не видим, что есть фонари,
и ненужный их свет в свете солнечном тает
вплоть до самой зари,
вплоть до грустной зари,
до вечерней зари.

Но темнеет вокруг. День погас, день окончен,
и опять освещают нам путь фонари,
и горят фонари искуплением ночи
вплоть до самой зари,
вплоть до грустной зари,
до вечерней зари.

И всю преданность их человеку и свету
ощутив на себе, мы поймём, наконец,
что они зажигают на дорогах планеты
и твоё,
и моё,
и ещё сотни новых сердец.

* * *

Тополь упал. Он был стар.	Ствол неохватный. Дупло.
Он устал. Он сломался.	По нему и сломило.
Я его помню с пелёнок.	В нём, ребятнёй,
И вот его нет.	Мы скрывались порой от дождя.
Он над деревней царил,	Вот он лежит.
над ветрами смеялся.	Приготовлен уже для распила.
...Небо пустое. И слишком	Снова согреет кого-то,
безжалостен свет.	совсем уходя.

* * *

О чём-то клёст мне щёлкает с рябины,
синицы разговаривают звонко.
Душа моя справляет именины,
она опять чиста, как у ребёнка.
И в тишине от леса, от залива
поют мне птицы поздравленье птичье.

Природы потаённое величье
и музыки целебной переливы.
(Автор – **Александр Богданов**, п. Мулянка, Пермь, номинация 4)

Городу, покинутому мною навсегда

Этот город мой-чужой –
Сердцу очень дорогой.
Сном, измученном мечтой,
Проявляется порой.

Воскресают вновь и вновь
Строгость улиц и дворов,

Хмурость утренних мостов
Дивных камских берегов.

Гордый город, волевой,
По-уральски деловой,
Хоть не стал моей судьбой,
Я по-прежнему с тобой.

(Автор – **Лариса Лебедикова**, п. Лунино Пензенской обл., номинация 4)

Как чудесно вокруг!

Пляж на правобережье. Купающихся мало. В основном, ребяташки голышом плещутся у берега, как бойкие молодые пескари. Светло-золотистый песок. Вода ещё прохладная, хотя на календаре конец июня. Впереди, перед нашими глазами, серо-голубая огромная река – красавица Кама.

Мягкие спокойные волны тихо набегают на мокрый песок после каждого проходящего буксира вдоль Камы.

Противоположный берег реки издали необычайно красив. Его холмистые берега покрыты зелёным лесом и светлыми одноэтажными домиками, которые во множестве рассыпались вдоль побережья. Вдали медленно плывут белые лодки

с голубыми парусами. Вода покрыта лёгкой рябью. Небо кажется огромным куполом необычайной расцветки и красоты. Слева на нём – светлые пушистые облака причудливой формы. Справа, на голубом фоне, облака – крупные, тяжёлые, серого цвета, предвещающие дождь, перемену погоды.

А пока! Солнышко, милое, ласковое, греет нас тёплыми лучами. Вдруг яркие, горячие его лучи озарили правую половину небесного купола. Стало так светло вокруг, что серые облака мгновенно исчезли. Лёгкие, светлые, пушистые, неземной красоты, облачка покрыли весь небосвод. Они мчатся по синему небу на смену серой грозовой туче, которую летний ветер унёс далеко на запад.

Как чудно вокруг! Свежий, чистый воздух, дуновение ветерка бодрит мысли и душу. Жизнь начинаешь понимать по-иному только здесь, когда ты рядом с природой.

Слава тебе, Всевышний! Ты даришь людям чудесные мгновения восхищения мирозданием.

(Автор – **Валентина Жолобова**, Пермь, номинация 3)

Мой город

Нашёл приют в предгории Урала
Мой город среди Пармы вековой,
Годами по крупицам собирал он
Почёт, признание, характер свой.
«Железку» первую здесь проложили
До рудных мест по девственной тайге.
Крики гудков над городом кружили
Плывущих барж по Камушке-реке.
Не покидая сутками заводы,
Переживая лихо всей страной,
Тыл приближал, переноса невзгоды,
Победный день на вахте трудовой.
Но как бы самому ни трудно было,
Блокадникам нашёл приют от бед,
И Мариинка отблагодарила,
Создав всему миру Пермский балет.
По труженице – полноводной Каме
Плывут суда в порты пяти морей,
А солнца луч, заглядывая в храмы,
Блестит на чистых куполах церквей.

Со всех сторон, куда не кинешь взором,
 Он окружен зелёною тайгой,
 Хотя столетия родным просторам,
 Заметно молодеет город мой.
 Судьба меня, куда б ни заносила,
 С любовью возвращаюсь в город свой,
 Магическая привлекает сила,
 Уральской обрамлённая красой.
 Я тем, кто сомневается, напомню,
 Чтоб ни кричали с Запада «миссии»,
 С Перми исток Европы, безусловно,
 У Каменного пояса России!

(Автор – **Раиса Гурина**, Пермь, лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Он в меня не так влюбился...

Был этот парень так хорош,
 Он даже мне полгода снился,
 При нём меня кидало в дрожь,
 Но он в меня не так влюбился.
 Не так, чтоб вырвать из груди
 Свое горячее признание,
 Не важно, будет впереди
 Волшебный сон иль наказание.
 Не так, чтоб горы нипочём,
 Не так, чтоб море по колено,
 Не так, чтоб стать моим плечом,
 Не так, чтоб вырваться из плена.
 Что в руки шло, то он и брал
 (С мечтами, видно, дело плохо).
 Не хулиган и не нахал,
 Как камень обрастал он мохом.
 В мужчине дерзость ценим мы
 (Спокойствие придёт с годами).
 Но нет её, как жаль, увы,
 Волны страстей и чувств цунами.
 Был этот парень хоть куда,
 Он даже мне полгода снился,
 Его украсили года,

Но он в меня

не так влюбился.

Я всё поставлю на места...

Я всё поставлю на места.
 Любовь и веру – у креста.
 Надежда сядет у окна,
 Немного ей налью вина.
 Я радость посажу за стол,
 Заботой я укурю пол,
 А дружбу окуну в купель,
 И тайной застелю постель,
 Гитару с нежностью совью,
 Окно открою соловью,
 Терпением заварю я чай,
 Назначу встречу невзначай.
 Злость пригодится
 для борьбы
 (Гордыня, лень – её рабы).
 Её достану в нужный час
 И нужный ей отдам приказ.
 Обиду посажу на печь,
 Чтоб можно было
 быстро сжечь,
 А смелость встанет у порога,

Её возьму с собой в дорогу.
Неверью – посох дам, суму,
Неправду – посажу в тюрьму.
И зависть будет горевать,
Ей в нашем доме не бывать.

Не всё, конечно, написала,
Но мысль моя понятна стала.
И если ты согласен с ней,
То в жизни больше
светлых дней!

(Автор – **Лариса Шаталова**, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Курорт Усть-Качка 1 (фото – **Людмила Палехова**, Березники,
дипломант Конкурса в номинации 1 – Родные просторы)

Первая любовь

Тебя немного у меня осталось,
Так в ясный день нечасты облака.
Давно ушло всё то, о чём мечталось,
А мне казалось – чувства на века.
Когда-то были молнии и громы,
Лишь ты входил, я видела тебя.
А нынче тихо рассуждаю в доме,
Что жить спокойнее, не видя, не любя.
Кричать хотелось, что люблю до боли,
Что чувства нет ни крепче, ни сильней.
Но так костёр потух когда-то в поле,
И от снегов то поле всё белей.
Так хочется опять костёр увидеть
В том поле белом хоть издалека,
Опять любить и снова ненавидеть
И снова думать – это на века.

(Автор – *Лариса Шаталова*, Пермь, номинация 4)

Тайна паутинки (сказка)

- Ранней весной кое-где на веточках и проталинках появляется тонкое паутиновое кружево, такое тонкое, что кажется, будто оно вот-вот растает или порвётся под натиском ветра, – шепчет дедушка внукам.

А те притихли и не шелохнутся, только бы дедушка продолжал. И дедушка продолжает:

- Но паутинка на удивление крепка. Ветер колышет нежную вуальку, а она не рвётся, и горошинки воды с неё не скатываются, будто приклеились, будто это и не капельки вовсе, а спящие в своих колыбельках крошечные феечки, которые не спешат просыпаться поутру в детский сад.

Старшая, Даша, которая тоже неохотно встаёт утром в садик, хмурит бровки:

- Кто же плетёт эти паутинки?

- Может, это солнечные зайчики ловят в них лучики солнца, чтобы обогреть ими лесных жителей после суровой зимы? – лукаво улыбается дед.

- А разве не паучки? – допытывается маленький Юрик.

- Нет, паучки появятся позже. И паутинки у них куда крепче.

Они, как густо сплетённые серебристые ковры, лежат на травах и меж ветвей. Паукам они для дела.

- Знаю-знаю, – перебивает Даша, – пауки в свои сети мух ловят. Ну и поделом им, надоели жужжать!

- Миллионы паучков наполняют летом травы и кусты, а осенью срываются с мест и взмывают в небо на своих ниточках-самолётиках невидимой воздушной эскадрилей!

- Ох! – восхищается маленький Юрик.

- Настоящий шерстяной дождик! – хохочет Даша и тут же серьёзно добавляет, – придумай нам сказку про паучков. Ты же про них всё знаешь! Вот и придумай! Мы ждём!

- Деваться некуда. Придётся придумывать, – соглашается дедушка.
И сказка начинается.

Однажды на ночном небе высыпало столько звёзд, что многим из них не хватило места, и они попадали вниз, кто куда: кто в речку, кто в траву, а кто и на паутинку угодил.

Паучок, ошеломлённый звездопадом, выскочил с лукошком и проворно забегал по натянутой между ветками паутине, собирая звёздочки в свою маленькую корзинку.

- Угодили в паутинку, забирайтесь-ка в корзинку, – радостно напевал он.

Вскоре лукошко был полнёхонько. Звёзды карабкались, как крабы, и норовили вылезти наружу, но паучок ловко засовывал их обратно.

- Обождите, я из вас гирлянду сделаю. Повисите у меня чуть-чуть, и домой полетите, вам какая разница, где висеть! – уговаривал он их, и не думая отпускать.

Звёзды недовольно ворочались и трещали в ответ как горящие свечки.

- А вы случаем не электрические? – с опаской спросил у них паучок и услышал новый треск в ответ. Но так уж они ему понравились, что он тут же забыл про свои опасения.

- Вообще-то, у нас тут дружно, не знаю, чего вы задаётесь. Мы, паучки, народ мирный, тихий, покладистый. И с муравьями, и с птицами, и с мышами-кротами уживаемся. А моя тётка-моряка, та вообще, с рачками под камнями соседствует. В любом месте домик найдём. Папа говорит, это потому, что пауки очень древние и за тысячи лет успели обжить весь мир.

- А какие мы фантазёры! – не унимался паучок. Было видно, что он очень скучал, и ему хотелось компании. – У моей мамы ни один ковёр своим узором на другой не похож. Тончайшая работа! Все непременно хвалят и охотно разбирают! Птицы пуховыми паутинками своих малышей в холодные ночи укрывают, лягушки сачками из прочной паутины мух ловят, а жучихи модничают в кружевных паутиновых шлях перед женихами.

Звёзды притихли, слушали. Оказалось, им там на небе тоже было скучно, кроме как Луны, ничего интересного, да и та надоела. Болтовня букашки пришлась им по душе.

Тут откуда-то из темноты на паутинку выползла заспанная бабочка.

- Мой крылатый цветочек, – с гордостью и нежностью представил паучок звёздам свою маленькую подружку.

Бабочка появилась у паучка, когда была ещё гусеничкой, паучок любил её, кормил, ласкал и играл с ней, поэтому, когда гусеничка превратилась в бабочку, она не спешила покидать паутину, ставшую ей домом, а так и осталась жить у паучка. Паучок разбудил её своей болтовнёй, и она выползла на середину паутины, чтобы паучок почесал ей брюшко. И тот охотно приласкал свою любимицу. Звёзды тут же затрещали, будто им тоже хотелось получить свою порцию ласки. Кажется, они были уже совсем не прочь стать ручными, как бабочка.

Так они и сидели, паучок даже задремал, как вдруг, откуда ни возьмись, с оглушительным жужжанием вылетела оса.

- Откуда?! – вскочил встревоженный паучок. – Ведь уже темно, и все осы спят в своих гнёздах!

Оса опасно кружила над паучком. И тут он догадался: оса прилетела на свет звёзд. Звёзды светили так ярко, будто в корзине полыхал огонь или даже целое солнце.

- Не бойтесь, я вас в обиду не дам! – решительно крикнула им паучок и, подхватив корзинку и бабочку, засеменил всеми своими лапками в укрытие. Но спрятать целое лукошко звёзд оказалось непросто. Оса летела следом за ним, а паучок всё бежал и бежал. Он уже совсем выдохся, когда увидел вдалеке скачущего к нему навстречу верхом на красном муравье паука.

- Это же папа едет домой! – с облегчением выдохнул паучок. – Папа! Папа! – закричал он.

Папа-паук на скаку раскрутил лассо из прочной паутины и ловко набросил петлю на шею осы, оса затрепыхалась, сверкнуло её острое жало, и вот уже с обрывками паутины оса улетала прочь.

- Папа, ты герой! – радостно закричал паучок.

- Что ты тут делаешь? Уже поздно! Ты должен быть дома, – сердито отчитывал его паук, не замечая звёзд, будто их и не было. – Что скажет мама, когда вернётся с работы и увидит пустую паутину? Ну-ка, забирайся скорей на моего муравья и поскакали.

Дома их действительно ждала мама. Она бегала по паутине и места себе не находила.

- Слава Богу! Как же ты меня напугал! – плакала мама, обнимая своего маленького паучка всеми лапками.

- Мы просто решили прогуляться перед сном, – папа подмигнул паучку, чтобы тот не проболтался про осу. – Смотри, каких звёзд принесли, – успокаивал он маму. – Лучше всякого букета!

При этих словах звёзды довольно затрещали. Всем приятно, когда их хвалят, ну, а звёздам – тем более.

- Пойдём, мой хороший, я уложу тебя в гамачок и укурю шёлковым одеялом. А звёздочек мы отпустим, – мягко сказала мама. – Они, конечно, очень красивые, но им пора домой, там их, наверное, уже ждали мама и папа.

Паучок устало кивнул. Он выплеснул из лукошка звёзды, и те, как золотые колёсики, покатались на небо. Звёзды всё катились и катились, а паучок всё глядел и глядел на них, качаясь в своём паутиновом гамачке, и глазки его сами собой начинали закрываться, а сам он будто медленно опускался во что-то очень мягкое и тёплое, как густой малиновый кисель, – в сладкий сон. Ведь на дворе уже давно наступила ночь, а дома с мамой и папой было так хорошо и уютно, просто замечательно!

Юрик и Даша тоже уже давно спали, когда закончилась сказка. Дедушка тихо укрыл их одеяльцами и на цыпочках вышел из комнаты, бесшумно закрыв за собой дверь.

(Автор – **Юлия Попова**, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

* * *

Земля пушистая, словно зверь,
Ощетинилась играми сухостоя,

И задрожала всем телом твердь,
 Готовясь как будто к началу боя.
 Земля клокочет, земля ревёт
 Раненым хищником, рыком львиным,
 Когтями сосновыми небо рвёт,
 Вздыхается грудь широтой равнины.
 И, по-звериному выгнув спину,
 Прыжком порывистым дикой кошки
 Земля врывается в новый год
 И, словно домашняя, спит у окошка.

(Автор – **Марина Муляева**, Пермь,
 лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

(Художник – **Анна Час**, Пермь, друг
 Конкурса)

Молитва

Уснувшие вдали
 Раскинутые земли.

За горизонтом неба
 Начнётся новый день.

Я обращаюсь к Богу:
«Моим молитвам внимли,
Сними с души уставшей
Невидимую тень.
Направь меня в минуты
Тревоги и сомнений,
Моей угасшей веры
Ты возроди огонь.
Убереги от бурных
Житейских рек течений.
Их тёмными волнами
Меня, мой Бог, не тронь.
Твою исполнив волю,
Устало и смиренно

Продолжу на земле я
Свой самый лучший век.
Очищу я любовью
Глубокой, неизменной
Все воды самых мутных
И непокорных рек.
Я – женщина, а, значит,
Такое мне под силу».
Я завершаю этот
Загадочный порыв.
На горизонте снова
Взойдёт Твоё светило
И, значит, это новый
К дыханию призыв.

Оглянись

Нарушая циркадные ритмы,
Мы пьём кофе
на старых кухнях,
Бесконечно листая ленту,
Поглощаем инфопоток.
Забываемся за мгновение,
Наблюдая чужие жизни.
Обитаем в бетонной коробке:
Пол, стены и потолок.
Пытаясь заполнить пустоты,
Душевные, потайные,
Цепляемся за случайных
И равнодушных людей.
Они не умеют ни слушать,
Ни слышать, ни доверяться,
Им нет никакого дела
До тебя и твоих идей.

Не сдавайся, ломай систему,
Сокращай ряды равнодушных
Тем искренним интересом
К тому, кто напротив тебя.
Напомни ему о детстве,
Воскрешая воспоминанья.
Узнай, о чём он мечтает
И плачет о чём, скорбя.
Что в нём вызывает улыбку,
Как смех, звучит, заливаясь,
Какие конфеты любит,
Какой выбирает чай.
Забудь ненадолго про эго,
Оглянись и тому, кто рядом
Одиночества рваные раны
Сопричастностью подлатай.

Воспоминание о летнем дне

Начало тепла лишь в июле.
Смотрю на зыбкое небо, забывшее морось.
В ближайшее время оно – твой приют и дорога,
Имеют значение только движение и скорость.

Пригретые солнцем люди
Не верят прогнозу погоды, кутаясь плотно
В шарфы и пальто, вкушают забытые краски –
Пейзажи внезапного лета – живые полотна...
Ещё не остыло прощанье.
Тоской сиротливой полнились сердце и руки,
Вязким покоем окутана, тихим смиреньем.
Верная участь отдать себя на поруки.
И это случится позже.
Есть несколько тихих дней перед громкой бурей,
Пока онемевшее сердце в пути к осознанию,
Какой бесхребетной принадлежит натуре.
Границей нового цикла,
Взмахом песочных часов отсекается время.
Повесть поставив на паузу, всевышний зритель
Ранцем на плечи весит привычное бремя.
Замысел он доведёт.
Когда-нибудь стану гордой и мудрой самой,
А пока мы остались вдвоём – только я и небо,
Чистое небо над серой притихшей Камой.
(Автор – **Марина Муляева**, Пермь, номинация 4)

(Фото – **Ольга Целищева**, Пермь)

(Художник –
Анна Час,
Пермь, друг
Конкурса)

Крёстный

У каждой верующей души свои, иногда трагические, этапы богопознания – только опытным путём постигаешь это. Было время – и довольно долгое – когда догмат о грехопадении человечества принимался мной как абстракция. Слишком глубоко и издавна, ещё с молоком матери впитали мы, что стать «идеальным человеком» можно своими силами. Только трагедия, раз и навсегда разломившая мой мир пополам, смела это убеждение. И поселился страх: каким бы светлым ни был человек, как бы ни стремился он к Господу, он не застрахован от самого страшного в этой жизни....

Странное положение было у меня в Обществе духовного просвещения. Тягу в православие я почувствовала очень рано. Но

я больна и без посторонней помощи никуда выйти не могу. А в Общество меня пригласила соседка – нам обещали там стабильное душевное состояние. Но я постоянно говорила «братьям и сёстрам», что я им чужая. Когда пытались исследовать Библию, мы спорили – это можно было допустить. (Потом я поняла, что её можно читать лишь в свете учения Святых Отцов, и у меня до сих пор страх, может, даже излишний, взять самой Евангелие в руки). Но когда пошли послания то от Богородицы, то от Апостолов, то от Пушкина, то от Гоголя, мне показалось, что я попала в группу подростков, до сих пор верящих в существование Деда Мороза.

Было время, я посмеивалась, вспоминая, как первый раз услышала имя Михаила Юрьевича Медведева. Верочка, которая отвечала за мою преданность учения перед руководителем рассказывала, что они оказались в одном вагоне пригородной электрички (у них обеих дачи были в одном месте), и она убеждала его не препятствовать проведению какого-то мероприятия Общества духовного просвещения. А я подумала: «Вот тот, кто мне нужен»!

А потом однажды мы стояли в отцовской машине у светофора на углу Ленина и Попова. И из приёмника звучал негромкий застенчивый тенор, говоривший о кресте, который надо пронести через всю жизнь. Было ощущение, что я попала на родину. Потом, через четыре дня после его гибели, я оказалась в том же месте... В одном из разговоров Михаил Юрьевич сказал, что для верующей души все разрозненные события сливаются в одно подтверждение Божьего Промысла. Сейчас я с каждым днём всё больше убеждаюсь в этом, и мне становится страшно: Господь так близко от нас, а ведь Он – огонь.

Вообще, я искала общество «Панагия» в течение нескольких лет, но безуспешно. Очевидно, мне для чего-то надо было пройти искушение Обществом духовного просвещения.

И вот наша первая встреча. Январь 1995 г. Картинная галерея. Клуб «Диалог» (был такой клуб пермской интеллигенции, где пытались решать общеполитические вопросы). Мы с «сёстрами» стоим у Галереи. Они взволнованно обсуждают деление Общества на малый круг (избранных) и большой, высокомерие избранных. Я же боюсь войти в малый круг: мне кажется, возврата в Православие оттуда не будет.

А потом... Пока Верочка углубилась в Анну Безант, выглядываю из-под её крылышка... Мы с Михаилом Юрьевичем сидим через проход, он – на следующем ряду. Я вижу лишь его руки, перебирающие чётки, но они приковали мой взгляд. Мне остаётся лишь миновать проход. Но физическое состояние и скованность помешали этому.

А потом... Всю жизнь буду благодарить Господа за чудо. На светском языке это называется просто совпадением. В том же 1995 году вокруг методиста Пушкинской библиотеки Риммы Алексеевны Долгих стали собираться поэты-неформалы. Отдала ей свою рукопись и я. Мы стали встречаться. И вот она как-то обронила фразу типа: «Вот и Михаил Юрьевич Медведев опять рукопись принёс». На этот раз я твёрдо решила не упустить случая. А сейчас думаю: а что, если бы она не произнесла эту фразу?!

Знаю, о Михаиле Юрьевиче будут писать многие. И каждый по-своему. И это правильно. Именно так мы можем сохранить земную память. Я же хочу, непосредственно и трепетно, восстановить то, чему он учил меня. В этом, по-моему, полнее всего раскрывается личность человека. Да и чудится: то, что Михаил Юрьевич говорил мне, может быть ценным и для других.

Как я уже писала, из-за физического состояния я почти всегда прикована к дому – этим Господь избавляет меня от многих искушений века сего. Но обостряется духовная борьба: желание простых радостей жизни, невозможность смириться с волей Божией. И я очень огорчалась от этой невозможности. И, если другие, безусловно желая мне добра, поучали, как жить, по существу накладывая на меня бремена неудобноносимые, то Михаил Юрьевич сразу понял, что здесь такие «методы воспитания» ни к чему. Он всегда утешал меня, не давал отчаиваться, разубеждать в себе. Анализируя свою жизнь, я думаю, что со мной можно сделать всё любовью. И я убеждена, что любая душа расцветает при встрече с ней.

Он часто сетовал на то, что из-за вечной редакторской спешки заглядывал ко мне ненадолго. А я никогда не обижалась. И теперь, когда его нет, нет у меня чувства пустоты: он мне оставил столько, что, кажется, хватило бы на десять жизней.

Вот мы идём причащаться. Зимнее утро. Лёгкий морозец. Ещё темно. (Как я по-детски гордилась, что именно он водил иногда

меня к Причастию! А ещё мне было очень радостно и гордо, что наши именины следуют друг за другом. Что-то я буду переживать в эти свои именины?! Не помню, какой вопрос я задала, должно быть, самый распространённый: о смущении перед Причастием. Он отвечал: «Есть царский путь... С одной стороны, мы греховны. Но всегда знаете: милость Господа безгранична». (Ещё тогда что-то говорило мне: «Записывай всё!», но все мне было недосуг. Сейчас мучительно хочется восстановить его выражения, интонации, но иногда помню только смысл). Многие скажут, это же всё – святоотеческое учение. Но если вся эта мудрость сфокусирована на тебе, на твоей конкретной судьбе – что может быть чище и лучше вообще в мире?

Царский путь... Я не была на его похоронах. Это был один из тех редких дней в судьбе, когда я проклинала свою физическую немощь. Даже к мосту через Каму (городское кладбище находится у нас на противоположном берегу) не могла выйти: не с кем. И потом был очень холодный день, с какой стати кто-то ещё должен был простывать? Михаил Юрьевич этого бы не одобрил. А потом пыталась что-то где-то узнать о похоронах. Честно говоря, мне это не приносило ни малейшего удовлетворения: всё сводилось к тому, кто виноват. Я же думала о том, как хрупка человеческая жизнь, человеческая психика. Чуть «пережмёшь» её, чуть суровее к себе станешь – и она ломается.

Мы часто говорили об этом. Не напрямую: мне очень нравилось в Михаиле Юрьевиче это умение целомудренно прикасаться к явлениям тайной душевной жизни, не разрушая их словом. «Вы, Светланочка, не переживайте», – говорил он. «В Дивеево был сторож, бывший солдат, очень вспыльчивый и несдержанный. Когда Серафима Саровского спросили, кто здесь самый усердный, он указал на солдата. Братия удивилась, а Батюшка объяснил: солдат прилагает больше всего усилий, чтобы обуздать свою природу».

«Поймите же, – уговаривал он меня в другой раз, когда я была вообще в отчаянии после очередного мысленного «падения». – Мы целиком в воле Божией. И это для чего-то попущено Вам. Только надо понять это не умом, а сердцем». И ещё потрясающая фраза в каком-то общем разговоре: «Мы узнаем все тайны человеческой души лишь после смерти». Полноту и

истину этих слов я поняла только сейчас.

Он всегда говорил мне, что Господь поставит мне терпение в подвиг. А я всегда думала, что Он вменяет в терпение? Может, просто желание жить, а не существовать? И ещё: «Мы ведь с Вами ровесники (я воспринимала его намного старше.), а жизнь – только мгновение», – и во мне звучал мой любимый Пастернак:

*Жизнь ведь тоже – только миг, / Только растворенье
Нас самих во всех других, / Как бы им в даренье.*

Сейчас нельзя вспоминать эти строки, этот похожий на прощество разговор, без холодящей дрожи.

Эта дорога к Кафедральному собору! С какой болью я сейчас хожу по ней! Как босыми ногами по мечам! Тогда эта дорога казалась короткой. Столько вопросов накапливалось всегда! А в этом мае было какое-то наваждение: казалось, что все усилия зря, и в то же время постоянно возникали вопросы. По привычке старалась запомнить их, а через секунду вспоминала: спросить больше не у кого. Только и успевала подавлять стон.

Помню ещё одну дорогу к храму, уже весной, во время Великого поста. (Однажды Михаил Юрьевич сказал: ему грустно, что так быстро проходит это время. Очарованная этой фразой, я, тем не менее, не поняла её. Не до конца понимаю и сейчас: у меня в Великий Пост идут страшные искушения). Речь шла об Иисусовой молитве, о том, что её нужно читать спокойно. «Как и остальные?» – «Да». «Но там такие слова!» «Надо уходить от эмоций, в основе должно быть бесстрашие». «А сокрушение?» Он объяснил мне, что между сокрушением и унынием существует тонкая грань, как и между другими родственными чувствами, между уверенностью и самоуверенностью, например.

А как душат воспоминания в храме! Вот тут, на ступеньках, я споткнулась, и Михаил Юрьевич поддержал меня. А у этой иконы, не поняв вопроса, сказал: «Глубокое покаяние в том, чтобы во всех болезнях винить себя!» А тут, на боковых ступеньках, делились впечатлениями о детском поэте, напечатанном в «Православной Перми». Он мне очень не понравился – какой-то протестантский дух, море у краёв. Одёргиваешь себя: ведь так не получается чистого покаяния, и в то же время вспоминаешь: всё в Божьей воле.

Да, нам было нелегко. Однажды я спросила: что значит, когда после Причастия становится хуже. И поняла, что даже состояние благодати – это нечто утилитарное, то есть не надо сосредоточиваться на этом: ведь мы причащаемся в Жизнь вечную. Так же и с молитвой: если она не даёт радости и мгновенных результатов, это не значит, что она недействительна.

Михаил Юрьевич ходил к нам восемь лет. Естественно, уже завязывались разговоры между ним и мамой. Вспоминаю, как он объяснял ей, почему он борется с сектантскими движениями. «Я хочу, чтобы и мои дети жили в духовно чистой атмосфере». Рассказывал, как трогательны они, когда идут после Причащения: «Как птенцы...» А как гордился Ларисой, когда она соблюдала пост и не перекусывала в институтском буфете! Я по-хорошему, но сильно завидовала ей: иметь такого отца! И когда я проходила в мае после его гибели через горнила сомнений, когда казалось, на поверхностный взгляд, что вся его жизнь потерпела катастрофу, я думала: а каково его детям? И сейчас молюсь за них: если они усомнятся в вере, это будет уже истинная катастрофа и его усилий.

Помню: мне предстояла серьёзная операция, которая в последний момент была отменёна (не его ли молитвами?!) Лежу после обеда, радуюсь, готовлюсь к выписке. Вдруг прибежал Михаил Юрьевич, взволнованный!

Почему же я не смогла ему помочь, ничем?

И ещё помню приподнятую обстановку одного из семинаров. Это был настоящий праздник, не оскорбляющий дней Великого поста. Я тогда была потрясёна личностью отца Феофана Крюкова: горящие глаза, блестящий докладчик, вызывающий в зале взрывы здорового смеха. Вот это полнота личности! Немного шокировало то, что молитву Ефрема Сирина можно «заключить» в геометрическую фигуру. Сейчас здание бывшего ВКИУ, где проходили семинары, ремонтируется и как-то раскурочено. Сначала я видела в этом что-то зловещее, потом подумала: «Ведь, в конце концов, здание восстановят. Вот так же и души наши».

Из-за стеснительности я никогда не говорила Михаилу Юрьевичу, как я радовалась его приходам. Сейчас очень жалею: кто знает, какие воспоминания могут помочь человеку в трудные минуты. Только однажды я сказала ему, что про себя

называю его «крёстный». Кажется, он был растроган. Многие женщины и девушки, особенно в моём положении, встречаются с изменой, разочарованием. А потом их душу разъедает цинизм. Я избежала этого.

Он первый раз пришёл ко мне 24 октября 1995 года. Я, конечно, не сразу поняла, что мне явился праведник, но сразу возникла дикая боязнь его потерять. На следующий же день я позвонила Верочке: «Вычеркните меня из списков Общества!» Она: «Тебе потом стыдно будет». Нет. Я много читала, кое-что пережила в жизни, но не думала, что в мире есть такая боль. Гордость же за то, что я знала этого человека, ещё сильнее. И я вечно буду благодарить Господа за этот лучший дар в жизни.

(Автор – **Светлана Жигиль**, Пермь,
участник Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

Долги

Вчера, сегодня и всегда
Бессильны мы; и мир сожмётся –
Он наступает, час, когда
Уходят люди... Что же остаётся?
Их рукоделья, полки книг,
Болезней разных список длинный,
Немой уют пылящихся квартир,
Одежд немодных запах нафталиновый...
Как много лет, творя добро,
Их руки устали не знали,
А их сердца своё тепло
Нам беспроцентно отдавали.
Поймём, но поздно, глядя на кресты,
Что *те* долги нам возвернуть едва ли...
Долги участия, дружбы, доброты –
Всё то, что им при жизни недодали.
Им не услышать скорбных наших слов
И все бессмысленны куплеты.
Как беспощадно душу жгут
Долгов не отданных “монеты”!..
Уймите мрачных мыслей рой
И болью той себя не жальте;

Молчит бугор земли сырой
И лапник ели на асфальте...

Полуразрушенные храмы

Восход встречают алтарями.
Предназначение не забыв,
Скрипят открытыми дверями,
Давно безбожников простив.
Те богохульствовать не в силах, –
В молитвах не слагав перстов,
Давно гниют в сырых могилах,
И не найти на них крестов...
Мне в душу зрит пресветлый ангел;
Всё так же чист и ясен взгляд –
Творенье русских мекеланджел –
Глядит как двести лет назад!..
Неисчерпаемы их силы,
Земля вращается пока;
И мы уже сойдём в могилы,
А им ещё стоять века –
Следить пустыми алтарями,
Чтоб нам в безверьи не плутать;
Стонать раскрытыми дверями
И в душах совесть пробуждать...

Круговорот

Оркестр кузнечиков с неистовым азартом
Пытается затмить пичужью дребедень;
И облако, огромным динозавром,
Бросает на луга расплывчатую тень...
В Природе всё толково-фантастично,
Ей всё равно, декабрь или июль;
Наступит час – неспешно-флегматично
Откроет вновь небесный “ридикюль”,
Чтобы достать оттуда полог снежный
И, никакой не чувствуя вины,
Укрыть лугов ковёр безбрежный,
А “динозавров” спрятать. До весны.

(Автор – **Алексей Онофричук**, Пермь,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Курорт Усть-Качка 2 (фото – Людмила Палехова, Березники)

* * *

Безумно хочется тепла!..
Уже морозы позабылись,
Но туча чёрная пришла,
И хлопья снега закружились.
И что вдруг на него нашло?
Он вмиг зимы напомнил вьюжность,

Но в марте (вспомнить бы число...)
Был – запоздалость и ненужность.
Снежинок липких чехарда
Над тротуарами резвится...
Бывает в жизни иногда,
Что чистота на грязь ложится.
И дворники, от стариков до дев, –
Жилхоза вечные солдаты –
В галоши валенки одев,
Опять скребут свои лопаты...

Старая берёза

С почерневшей корой, как в мозолинах,
На опушке лесной, у ручья,
Проросла, расцвела и состарилась,
Радость всем, а как будто – ничья.
А, насытившись жизни химерою,
Позабыв, как лопочет листва,
Век закончишь ты пошлой фанерою,
Или проще – пойдёшь на дрова.
Как и встарь, без вины виноватая;
Расчленит твоё тело зазря
Злой мужик на поленья корявые,
Целый свет про себя матеря.
Но с весною и жизнь продолжается!
Рой поганок облепит пенёк.
А по жилам твоим, уже высохшим,
Пробежит озорной огонёк.
В пыль рассыплется уголья чёрные.
Ух, как дружно вязанка взялась!
А душа твоя, светлая-светлая,
Вмиг теплом к небесам поднялась...

(Автор – **Алексей Онофричук**, Пермь, номинация 4)

Янг Мелоди – внучка Кайтано

(отрывки из документальной повести)

История малышки Янг началась задолго до её появления на свет. Это история о красивых мечтах и больших надеждах. Именно такие мечты и толкают людей заниматься скаковыми

лошадьми. Наверное, тем и уникальна, тем и притягательна чистокровная верховая порода лошадей. Работа со скаковыми лошадьми, как ничто другое учит человека любить и мечтать. Любовь – штука заразная.... Любовью к английским чистокровкам меня заразил мой бывший молодой человек, жокей – Пермьяков Юрий. Он говорил, что английская чистокровная порода – эталон лошади. Говорил, что есть просто лошади, а есть чистокровные – и это два совершенно разных вида животных. Со временем я поняла, о чём он, и начала полностью разделять его взгляды и страстную любовь к скаковым лошадям и всем, что с ними связано. И, конечно же, я, будучи по уши влюблённой девчонкой, мечтала, о том, чтобы у нас с ним появились общие, наши собственные хорошие скаковые лошади.

В чистокровной верховой породе результат, который будет показывать лошадь на скачках, тесно связан с происхождением данной лошади, отсюда же и цена – чем лучше происхождение лошади, чем результативнее выступали её предки, чем выше их суммы выигрышей за скаковую карьеру, чем больше в родословной жеребёнка предков-чемпионов – тем выше будет на него и цена, ведь хорошая родословная – залог заложенного в лошади наследственного скакового потенциала, который только предстоит раскрыть его будущему тренеру и жокею.

Поначалу, мечта о чистокровной верховой лошади с хорошей родословной была для меня чем-то заоблачным, цены на лошадей интересовавшего меня класса в те годы начинались от 300 000 рублей. Тем не менее, у меня на слуху уже были клички лучших в нашей стране производителей, от которых рекомендовали приобретать молодняк для скачек. Одним из лучших жеребцов-производителей, давших наибольшее число потомков-победителей скачек, был в те годы легендарный, привезённый из Англии жеребец Кайтано, продуцировавший в Волгоградском конном заводе. Почти все потомки этого жеребца становились призёрами и победителями престижнейших призов в нашей стране и приносили своим владельцам славу и достойные денежные выигрыши. Иметь жеребенка от Кайтано в те времена было признаком большого успеха.

Кличка: Кайтано (Caitano) **Год рождения:** 1994

Порода: Чистокровная английская **Масль:** Гнедая **Пол:**

Жеребец

Отец: Ниниски **Мать:** Эверсинс **Страна:** Великобритания

Владелец: ОАО конный завод "Волгоградский"

Дополнительная информация: ...Участник всех без исключения крупных призов мира. Производитель./

И вот, однажды, пролистывая в интернете объявления о продаже лошадей, я наткнулась на молодую жеребую конематку с прекрасной родословной, звали её Ямаха! Ямаха – дочь знаменитого производителя Кайтано и привезённой в Россию из США кобылы Ен Хейвин. Ямаха имела успешную скаковую карьеру на Казанском ипподроме, высокая, мощная кобыла, участница большого количества престижных скачек. И цена за неё выгодно отличалась от стоимости лошадей с подобным происхождением в других организациях. Связано это было с сокращением поголовья в конноспортивном клубе «Верховой Круиз» в Республике Мари-Эл. Ямаха была покрыта чистокровным жеребцом по кличке Мерден, призёром и участником большого количества скачек на территории Российской Федерации.

Для покупки Ямахи мне пришлось продать хорошую прокатно-учебную лошадь с нашей конюшни, а также выложить все накопления, которые у меня были, но я ни минуты не сомневалась в принятом решении. Я очень хотела иметь хороших скаковых лошадей. Хотела выращивать жеребят и видеть, как они становятся чемпионами. И я понимала, что, имея матку такого класса, как Ямаха, у меня действительно есть шанс получить жеребёнка, который будет достойно выступать на ипподромах нашей страны, ведь братья Ямахи по знаменитому отцу выигрывали Дерби, Приз министерства сельского хозяйства РФ, и даже самую престижную скачку в стране – Кубок Президента Российской Федерации... Я тоже мечтала в те времена, что однажды и я повезу свою доморощенную лошадь на президентские скачки...

Это случилось в конце января. Да, жеребёнок должен был родиться на новогодних каникулах, но Ямаха переносила дольше срока и ожеребилась 27 января. На следующий же день я приехала в Чайковский увидеть малышку! Она была просто необыкновенно высоким жеребёнком! Таких длинноногих жеребят я ещё не видела! Просто маленький паук-косиножка какой-то! Вся в какашках, в своём жеребячем поносе, но во всём остальном

новорождённая кобылка очень походила на свою мать! Тот же оттенок гнедой масти, и звёздочка на лбу такой же формы, что и у мамы. Ямаха после родов сильно перепала и напоминала скелет мамонта, а жеребулька, не смотря на всю свою несуразность, была очень даже хороша! По дороге домой я ломала голову над именем... Надо было чтобы оно начиналось на букву Я от материнской клички Ямаха, а в середине или в конце имело букву М, от имени Мерден. Но ничего благозвучного в голову не приходило. Однако, поломав голову пару дней, я остановилась на имени из двух слов «Янг Мелоди» – красиво звучит, и имеет красивое значение! Молодая мелодия – в переводе с английского на русский обозначает это имя, как никакое другое – оно великолепно подходило нашей малышке, а кто бы знал, сколько надежд родилось у меня в душе с её появлением на свет...

Неожиданная болезнь

В годик Янг Мелоди стала на зависть всем, очень красивым жеребёнком. Длинноногая, рослая, статная молодая лошадка, правда, меня чуть смущала её худоба. Несмотря ни на что, жеребёнок был очень красивый. Я никак не могла на неё налюбоваться. Сама ходила выгуливать её, как собаку, на чомбуре, кобылка отличалась в то время дружелюбным характером. После расставания с мамой, Янг постепенно «стабунили» с другими кобылами. Во время занятий учебной группы Янг Мелодии, как собака, бегала за сменой всадников, прыгала, скакала, как бык на родео, дразня учебных лошадей, работающих под учениками и провоцируя их на буйное игривое поведение! Дети-спортсмены учебной группы её боялись и просили меня не выпускать. Но я всё равно выпускала этого демона вместе с ними, чтобы учились крепче держаться в седле, несмотря ни на что!....

Красивая, гармонично-сложенная молодая лошадка за два месяца (болезни) превратилась в жалкое худое рахитное животное, с узкой грудной клеткой, торчащими рёбрами, позвоночником и маклаками. Только с момента, когда Янг Мелоди разрешили пастись на пастбище, она начала потихоньку выправляться. В то время, глядя на то, во что она превратилась, я уже не верила, что она когда-то сможет стать достойной скаковой лошадкой. Было обидно и жалко смотреть, во что превратилась эта молодая перспективная кобылка. Я уже мысленно списывала

Янг Мелоди в категорию прокатных кляч, непригодных для спорта, но её благородная кровь всё-таки дала о себе знать.

Взросление

Янг Мелоди поставили под седло ровно в два года, перед этим, в течение нескольких месяцев постепенно ставили кобылу на корду. Янг Мелоди ходила в работу исключительно под самыми лёгкими всадниками, её проблемные ноги перед работой всегда плотно бинтовали флисовыми бинтами. Нагрузки давали сравнительно небольшие, но даже от них периодически кобыла начинала жаловаться на ноги, хромать.... Как ни странно, тренинг всё-таки шёл ей на пользу.

Со временем слабые ноги окрепли, появилось желание двигаться вперёд, но лошадка была совершенно не вынослива, быстро уставала, а когда, через месяц после заездки, мы стали вводить в тренировочный процесс кентер – Янг Мелоди потела от ушей до хвоста и очень быстро выдыхалась! Единственное слово, которым хотелось её называть – это «Доходяга», но чем больше мы с этой доходягой работали, тем больше она начинала напоминать собой лошадь! Наверное, в этом и кроется вся суть английский чистокровной лошади! Лошади этой породы обретают свою истинную силу, красоту и ценность только в результате упорной работы человека и грамотного регулярного тренинга...

Прошла весна, наступило лето. Янг было уже почти два с половиной годика, кобылка начала делать успехи. Стала стабильно держать работу, у неё появился какой-то боевой дух, желание бороться, не уступать сопернику. Она начала стараться на тренировках, бороться до последнего, не уступая лидерство. В то время на проездки она ходила под нашей основной спортсменкой – Яной Рябовой, в паре со мной на Белке. Янг меня радовала день от дня, в ней, наконец, начала просыпаться скаковая лошадь.

Скачки

В тот июньский день я проводила занятие секции верховой езды в детском лагере «Звёздный». Зазвонил телефон, мне звонил начальник производственного отдела Уфимского ипподрома «Акбузат».

- Скажите у вас есть скаковые двухлетки?! Не набирается скачка в честь Дня Республики.

- Да, у меня есть чистокровная двухлетка в тренинге. – Ответ-

тила я.

- А старшего возраста лошади есть?!
- Есть полукровная трёхлетка – Белка.
- Отлично, везите их обеих!

На тот момент, у меня была ещё чистокровная верховая кобыла Астрель – участница и призёр скачек на Уфимском и Казанском ипподромах, и, конечно, по уму, на скачках на ипподроме её шансы на успех были гораздо выше, но той весной Астрель заболела тромбозом, и в начале лета всё ещё находилась на лечении, поэтому в скачках участия не принимала. На скачки в честь Дня Республики Башкортостан представить честь Пермского края поехала двухлетняя чистокровная верховая Янг Мелоди и трёхлетняя полукровная кобыла Белка. Обоим лошадям предстояло выступить под седлом моей юной ученицы, начинающего жокея, 15-летней Яны Рябовой.

Мы приехали на ипподром за два дня до скачек, чтобы успеть потренироваться на новом грунте, чтобы лошади почувствовали под ногами новую для них, синтетическую дорожку. Тут же, на ипподроме, Янг Молоди первый раз в жизни подковали на лёгкие скаковые подковы. Эта непередаваемая энергетика ипподрома, свежесть утра на проезде, ни с чем не сравнимый запах влажной от росы скаковой дорожки... Сколько же эмоций вызывали тогда, да и сейчас вызывают во мне эти ощущения. Они, как машина времени, переносят меня в юность... Туда. Где я только делала свои первые шаги в большой мир гладких скачек, в то время, когда всё связанное с ипподромом и скачками было для меня так волнующе празднично. Это чувство ничуть не изменилось с годами, у меня всё так же бегут мурашки по коже от слова «Ипподром»...

Резиновая основа Уфимской дорожки даёт мощный эффект пружины. Лошадь скачет, и её подкидывает как мяч, необыкновенное ощущение. На проездку мы выезжали с Яной вместе, я – на Белке, Яна – на Янг Мелоди. Прошли круг рысью, немного пошагали, круг кентера, и в конце, на последней прямой, чуть прибавили – отпустили лошадей полным ходом, но без принуждения. Кобылы на новом месте сильно изменились. Такими серьезными и сосредоточенными я их ещё не видела, они будто осознавали всю серьезность происходящего. Собрались, подтянулись...

На второй день, за сутки до скачек, мы дали лошадям отдохнуть, только прогуливали их утром и вечером, шагая в руках в поводу. Во время одной из шаговых я, неожиданно для себя, встретила старого знакомого – заслуженного мастера, тренера Юрия Васильевича Москоленко. Подготовленная им двухлетняя лошадь должна была скакать в одной скачке с Янг Мелоди. Я была очень рада видеть тренера, ведь когда-то, много лет назад, именно Юрий Васильевич посадил меня на первую английскую чистокровку в моей жизни, эту лошадь звали Дида и я, под руководством Юрия Васильевича, помогала готовить её к скачкам на Казанском ипподроме.

Я была очень рада видеть своего старого тренера. Показала ему своих кобыл. Юрий Васильевич похвалил Янг Мелоди, но отметил что она слишком сухая, худовата, дал мне несколько полезных советов по её кормлению и тренингу.

А на следующий день состоялись скачки. Янг ни в какую не хотела заходить в стартовый бокс. Сражалась до последнего. Выходить из стартового бокса она тоже не особо хотела – из-за этого потеряли время на старте. Обе мои кобылы пришли в тот день к финишу четвёртыми, в тройку призёров ни одной нашей лошади попасть не удалось, но мы не отчаивались, эти скачки были первыми для нас в том сезоне, лошади ещё не пришли к своему пику формы и работоспособности, и мы отчётливо понимали, что это всего лишь начало. Зато и лошади, и моя ученица-жокей Яна Рябова в той поездке получили свой первый опыт участия в настоящих больших скачках на ипподроме.

На погрузке домой Янг Мелоди объявила бунт! Ни в какую не хотела заходить в коневоз, как бы мы её ни ругали и ни уговаривали. Пробовали заводить её следом за Белкой, пробовали погрузить её перед Белкой в пустой коневоз, переставляли ей ноги по трапу, тянули кордой под зад, даже завязывали ей глаза – ничего не помогало. Промучались на погрузке два часа, уже были близки к отчаянию, как вдруг мне пришла мысль поискать у кого-нибудь на ипподроме успокоительный укол. Лазарет с ветблоком во время нашей погрузки был уже закрыт, поэтому, покупать у ветеринара успокоительный препарат было уже поздно, мне пришлось оббежать несколько конюшен, прежде чем я смогла купить у одного из бригадиров рысистого трен-

отделения заветные 20 мл веттранквила. Стоимость одного укола для меня вышла, как цена целого флакона транквилизатора. И вот я, счастливая и замученная, подхожу со шприцом к кобыле, которая всё ещё была полна решимости испытывать на прочность Яну и водителя коневоза, и случается чудо! Янг Мелоди, увидев краем глаза меня со шприцом, как ни в чём ни бывало, спокойно зашла в машину... Не знаю, было это простым совпадением, или кобыла реально заметила шприц и поняла, что этот укол предназначается ей... Но тем ни менее, укол ставить мне не пришлось! Большая загадка. Что мешало кобыле сразу вот так покладисто зайти в коневозку...

Бардазиен – это большой народный праздник, проводящийся ежегодно в честь праздника Сабантуй в селе Барда. У этого праздника есть своя долгая и красивая история. После ликвидации Пермского ипподрома, Бардазиен, по праву, можно назвать самыми крупными, красивыми и масштабными летними скачками в Пермском крае. Тысячи зрителей на трибунах, большой скаковой круг с развивающимися праздничными флагами по периметру, народная музыка, огромная сцена, на которой выступают артисты и проходит торжественная церемония награждения призёров и победителей в конце соревнований, достойный призовой фонд – всё это Бардазиен. Все конники, занимающиеся тренингом скаковых лошадей в Пермском крае, из года в год везут на эти скачки своих скакунов, и мечтают о победах.

На Бардазиен мы привезли наших лучших верховых лошадей: Астрель, Белку и Янг Мелоди. Нашей лучшей чистокровной верховой кобыле Астрель предстояло скакать в скачке на кубок губернатора Пермского края на дистанции 3600 метров, а Янг Мелоди и Белка были заявлены нами в скачку для лошадей верховых пород, рождённых в Пермском крае на 2400 метров. В тот скаковой день, в скачке на кубок Губернатора Пермского края разыгралась не шуточная, горячая борьба, в которой наша красавица Астрель смогла остаться только четвёртой. Для справедливости, стоит отметить, что на скачках Бардазиен всегда много участников в каждой скачке, и 4 место также является платным призовым, как и на многих хороших ипподромах. В скачке для лошадей верховых пород, рождённых в Пермском крае, борьба так же развернулась не на шутку, однако, Янг Мелоди под

управлением Дианы Терещенко достойно держалась всю дистанцию. Крепко зацепилась пейсом за Феей, которая уверенно вела скачку, и до финиша сидела в хвосте у фаворитки, конечно, Янг не хватило бы сил на победный бросок, но она упорно выдержала резвый пейс скачки, не выдохлась, не отпала по дистанции, а уверенно и достойно финишировала, вновь, честно, завоевав второе место среди верховых лошадей, рождённых в Пермском крае. А через сутки после скачек в Барде, Янг Мелоди предстояла долгая и длинная поездка на Казанский ипподром вместе с Яной Рябовой и Принцессой Аравийской, за новым опытом и новыми достижениями...

Последний скаковой день Зимнего сезона 2018 г. прошёл в селе Богородск Октябрьского района. От нашей конюшни выступали две лошади: Янг Мелоди и Белка, в тот день мы мечтали о победе Белки, и надеялись на призовое место от Янг Мелоди, а оказалось всё наоборот. Белка в тот день в своей скачке осталась на финише второй, зато Янг Мелодии, наконец-то, одержала свою первую в жизни, долгожданную победу. Скачка выдалась сложная. Главным соперником Яны Рябовой и Янг Мелоди был чистокровный верховой жеребец Подход! Участник и призёр большого количества скачек на территории России и Казахстана, скакал на нём его владелец, жокей и тренер с большим стажем и богатым опытом тренинга скаковых лошадей – Рамис Шарипов. Сразу было понятно, что лёгкая победа в этой скачке Янг Мелоди не светит. Со старта Янг Мелоди попыталась уйти вперёд, но Яна её придержала, пропустив в лидеры скачки Рамиса Шарипова на Подходе, всю дистанцию она сидела второй, но при выходе на финишную прямую Яна сгруппировалась и поехала «в посыле», пустила Янг Мелоди полным ходом, кобыла сделала мощный бросок и поравнялась морда в морду с Подходом, но Рамис на Подходе не собирался так легко отдавать Яне на Янг победу, он тоже принялся из всех сил толкать, посылать хлыстом и всеми возможными способами гнать своего коня, на долю секунды Подход вырвался на полморды вперёд, Но Яна с Янг Мелоди не сдались, в ту секунду девчонки работали на пределе своих возможностей, ещё немного усилий и Янг Мелоди пересекает финишный столб первая! Толпа редела! Ликовала от восторга! Этой победе радовались сотни людей, видевшие нашу лошадь и спортсменку, возможно, первый

или второй раз в жизни! Но они ликовали, свистели, кричали и хлопали, радуясь вместе с нами нашей победе! После вручения кубка, нас с Яной окружили тренеры и спортсмены из других клубов, поздравляли с победой, хвалили Яну за грамотную, профессиональную работу с лошастью по скачке, так же хвалили Янг Мелоди! Наконец-то наш гадкий утёнок расправил свои крылья и показал, как быстро умеет летать! Сегодня нашей лошадью восхищались, я чувствовала, что в тот день многие хотели бы иметь такую же замечательную скаковую кобылу, но почти никто из восторгавшихся этой победой не видел годы поражений и неудач, ей предшествовавшие...

А потом наступила зима... С появлением снега мы снова возобновили тренировочный процесс. Дела у конюшни шли тяжело, но я никогда не опускала рук, как вдруг, будто гром среди ясного неба, я узнала, что меня сняли с должности руководителя «Белого Берега»: моя помощница у меня за спиной договорилась об аренде этой организации, собственники конюшни называли меня неэффективным руководителем и передали все полномочия по управлению конюшней новой «Хозяйке», вот так, за две недели до Нового года я оказалась поставлена перед фактом того, что больше не имею отношения к данной организации. Новая руководительница заломила за содержание моих лошадей, стоявших на балансе организации и работавших со дня основания конюшни под учениками клуба, занимающимися в учебной группе, привозивших победы и славу Конному Двору «Белый Берег» и поселку Шемети, неподъёмную для меня плату, мне не дали даже неделю, чтобы подыскать лошадям новую конюшню. Новая хозяйка попыталась ограничить мне вывоз моего поголовья и имущества. Пришлось заказать много машин-коневозов, позвать друзей на подмогу, и поздней ночью в срочном порядке в формате захвата вывозить собственных лошадей, – среди них была и Янг Мелоди.

После захвата конюшни мне пришлось распределить своих лошадей по нескольким конным клубам на территории Пермского края. Не было времени изучить обстановку и выбрать место получше. В одних новых местах содержания за лошадьми смотрели хорошо, в других – не очень. Как показало время, Янг Мелоди, вместе с несколькими нашими скаковыми лошадьми попала в

плохое место. Я поставила большую часть рабочего поголовья на частную конюшню недалеко от города Перми. Хозяин организации, да и сама конюшня изначально производили на меня благоприятное впечатление, но потом выступили наружу все подводные камни. Я набрала новую группу спортсменов, мы продолжили тренировки и подготовку к скаковому сезону, вот только теперь моих лошадей периодически недокармливали или давали им гнилое сено, это сказывалось на их состоянии. Лошади сильно похудели, а особенно это было заметно на склонной к худобе Янг Мелоди, я просила повысить нормы кормления, хозяин конюшни сначала спорил со мной, потом согласился, но судя по состоянию лошадей обещаний своих не выполнил. Когда я была на конюшне, с лошадьми было всё в порядке, я сама лично добавляла им сено и контролировала раздачу овса, но я не могла знать точно, что происходит, когда меня там нет.

К наступлению зимних скачек у меня были большие сомнения, стоит ли нам скакать, в конечном итоге, я приняла решение, что мы будем скакать во чтобы то ни стало. Скакать, даже если это последние скачки в нашей жизни. За свой последний скаковой сезон Янг Мелоди завоевала два вторых и два третьих места, она ни разу не выпала из тройки призёров, хотя её состояние стоило желать лучшего. Она очень плохо выглядела, её работоспособность и скорость снизились из-за плохого состояния организма, но она продолжала скакать от всей своей души, привозя призовые места, как под седлом Яны Рябовой, которая приезжала к нам, как приглашенный жокей, так и под моими новыми юными жокеями – Марией Епишиной и Аполлинарией Власовских. Янг Мелоди стала хорошей лошадью-учителем для начинающих жокеев, только познающих дисциплину «Гладкие скачки» и наше скаковое дело. Меня часто в этом сезоне мучили сомнения, стоит ли скакать ей в таком состоянии, я слышала, как люди шепчутся за спиной, обсуждая состояние моих животных и, в первую очередь, Янг. Меня не покидало предчувствие, что скоро всё закончится. Что это наш последний скаковой сезон. А кроме проблем с состоянием лошадей у меня начали копиться долги за их содержание. Я надеялась набрать на новом месте учебную группу, и за счёт этого содержать всё своё поголовье, но, несмотря на все предпринятые усилия, мне это не удалось. Разно-

гласия к подходу содержания лошадей с хозяином конюшни шли в тупик. Долги за содержание лошадей копились быстрее, чем я успевала зарабатывать деньги.

Я нашла вторую работу с достойной высокой зарплатой, но даже она не могла мне помочь вырваться из долговой ямы. Я обращалась в банки, пыталась получить кредит, но мне везде отказывали. И тут зазвонил телефон... Мне звонил тренер конного клуба Пегас, Галиев Руслан. Он сказал, что давно присматривался к Янг Мелодии, и очень хочет купить её на свою конюшню. В этом году лошади в тренинге Руслана были лучшими на скачках Пермского края. Его подопечные в этом году завоевали много ярких побед и дела их конного клуба шли в гору. Я назвала ему цену, мы немного поторговались, после чего я взяла время на раздумья. Я понимала, что продажа Янг Мелоди поможет мне вырваться из долговой ямы и не видела иного выхода из сложившейся ситуации. Я знала, что моя кобыла попадёт в хорошие руки, где о ней будут заботиться и хорошо кормить, да и мои расходы на содержание поголовья с её продажей станут чуточку ниже... Но не передать словами, как тяжело и больно давалось мне это решение. Я *согласилась*. На самом деле, это был выбор без выбора. Мне до сих пор больно вспоминать об этом, и я не знаю, заживёт ли когда-то в моей душе эта рана. Хорошо, что когда её увозили новые владельцы, я была в командировке в другом городе, мне и там было не по себе, но если бы я лично отдавала её покупателям, то, наверное, расплакалась бы, а говорят – это плохая примета...

Я понимала, что я больше никогда не выведу Янг Мелоди на старт, и не выйду с ней на награждение, что не в моей конюшне родятся её жеребята, и не мне придумывать им имена... Я понимала, что вместе с Янг я навсегда прощаюсь и с её мамой Ямахой, которая тоже много для меня значила, и, продав много лет назад Ямаху обратно в Мари-Эл, я утешала себя тем, что со мной остаётся её дочка Янг Мелоди – внучка легендарного Кайтано. Вмести с Янг Мелоди ушла дорогая часть моей жизни, моего прошлого. Я провела много ночей в грустных бессонных мыслях, и было бы легче заплакать, тогда наверняка стало бы легче, но в моих сухих воспалённых глазах уже не осталось слёз. Дай бог тебе, моя милая нежная лошадка, быть счастливой и любимой у новых владельцев. Пусть любят тебя и берегут... Может

быть, когда-нибудь моя мечта исполнится и ты снова будешь моей, но даже если этого никогда не случиться, я сохраню в своей памяти лучшие моменты, которые ты нам всем подарила. Ты прекрасная лошадь, Янг. Спасибо тебе, что была в моей жизни, спасибо тебе за то, что когда-то я могла называть себя твоим владельцем. Ты всегда будешь для меня нашей любимой чемпионкой. Мне было очень тяжело сесть за эту повесть, но я понимала, что единственное, что у меня осталось от Янг Мелоди – это воспоминания о времени, которое мы провели вместе, я просто обязана их записать и сохранить, поведав эту историю множеству людей, которые любят лошадей. Чтобы эта история не стёрлась и не забылась с годами, не утратила своей живой яркости и реалистичности, как будто всё это случилось вчера...

(Автор – **Диана Дубова**, Пермь, дипломант Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

Катание на лошади

Копыт кобылих чётко цоканье,
У ездоков – восторг невинный.
Легки по ветру гривы «локоны»,
И смачен «выхлоп» лошадиный.
Погода вовсе не прохладная,
Черты возницы – запростецкие;
Бежит-шуршит тележка ладная,
И в два ряда головки детские...

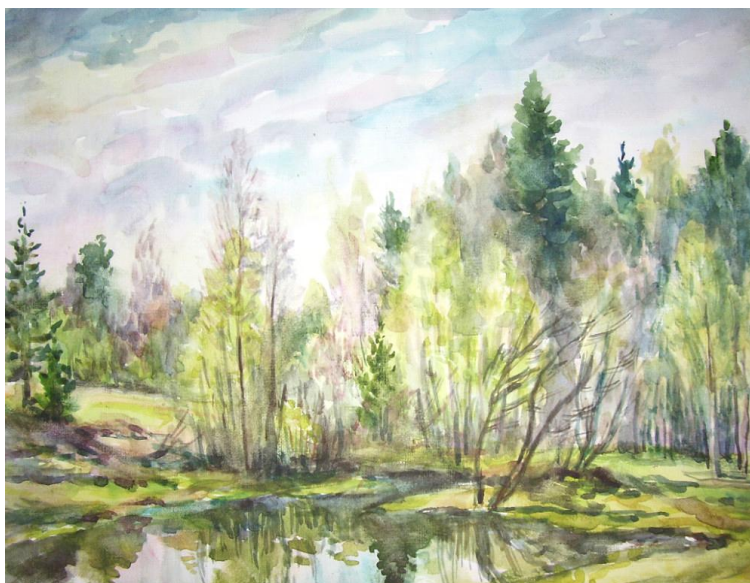
* * *

Листа осеннего полёт
И трепетанье неземное –
То затихающе-мертво,
То умирающе-живое...
Ввысь устремлённые вчера –
Под каблуком шуршат невнятно;
И не найдётся в мире сил,
Чтоб их туда вернуть обратно.
Бездымен тлеющий «очаг»,
Прямы и выпуклы прожилки;
И чудится: один неверный шаг

И... брызнет кровь
Из повреждённой жилки.
(Автор – **Алексей Онофричук**, Пермь, номинация 4)

Знаменитые голубые ели завода им. Шпагина
(фото – **Альбина Печёнкина**, д. Ярино, Карагай)

Под сдержанным пермским небом 12
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Родной город

Сколько зим, сколько лет я жила от него вдалеке,
В том краю, где арык тихо плещет под окнами дома,
Где так свеж виноград, а гранат чуть подавишь в руке –
Липкий пурпурный сок потечет по горячим ладоням...
Стала я забывать, как метели метут в феврале,
Как светла летом ночь и смолисты еловые шишки...
Но под южной луной пела дочкам о русской зиме,
И лепила пельмени, и читала уральские книжки.
Наступил горький час. Сделав лишними нас в том краю,
Оторвали Россию границей, таможенной, валютой...
И тогда город мой руку крепкую подал свою,
Принял блудную дочь без упреков, с душою открытой...
Снова здесь я живу, привыкаю к морозной зиме,
Езжу в лес по грибы – и уходят былые невзгоды,
И мой город родной с каждым днем открывается мне,
Словно книга стихов, позабытых за долгие годы.

* * *

Мой город, обновленный	Весь день в садах и парках
листвою молодой,	резвится детвора,
ты – голубой, зелёный	а молодые пары
и нежно-золотой.	гуляют до утра.
По солнечным аллеям	Они встречают зори
шагается легко,	над Камой голубой...
и лица посветлели	Неповторимый город,
у хмурых земляков.	любуются тобой!

* * *

Домики окраин небогатых,
Где герани круглый год пылали,
Помню, словно старые солдаты,
Нехотя из строя выбывали.
Уступали молодым и дерзким
Правнукам своим многоэтажным...
Только я к воспоминаньям детским
Возвращаться буду не однажды:
Вспомню благодарными словами
Домики, крылечки и заборы,

И герани яркими кострами
Озарят узорчатые шторы.
(Автор – **Любовь Полякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

*Рассказы-наблюдашки: **Так делать нельзя!***

Мурка лежала под столом, отдыхала. На улице было солнечно и жарко, а под столом, на линолеуме, прохладно, и солнце не достаёт.

Пахло рыбой. Хозяйка разделявала её на столе. Рыжик, котёнок, Муркин сынок, насосавшись молока, вертелся рядом: играл маминым хвостом, ловил солнечный лучик.

Мурка отдыхала, но потихоньку наблюдала за Рыжиком. Озорной ведь был, проказливый. Стукнула дверь, хозяйка куда-то вышла.

Рыжик всё прыгал. Вдруг насторожился, завертел мордочкой, задёргал носиком – почуял уже знакомый ему запах. Маме как-то давали, и он немного попробовал. Вку-у-усно!

Принюхался, определил, откуда запах. Заглядывает на стол, соображает, как достать. Прыгнул на табурет, зацепился лапками за стол, смотрит: «А, вот она – вкуснятина! И как много!». Прыг – и на столе. Схватил кусочек – и на пол.

Мурка вроде и не смотрела в его сторону, а только он на пол спрыгнул, подняла лапу, да ка-ак стукнет сыночка – так, что у него кусочек рыбки выпал изо рта. Он взвизгнул и отскочил.

В это время и хозяйка вернулась. Видит, Мурка спокойно себя вылизывает, Рыжик как-то виновато выглядывает из-за неё, а на полу кусочек рыбы лежит. Всё поняла хозяйка. «Ах, озорник», – сказала и рыбу подняла.

Она знала, что это не Мурка. Мурка никогда не безобразничала. А Рыжик понял: так делать нельзя! Не дали – не трогай!

(Автор – **Людмила Баталова**, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

Усталый трамвай

Трамвай с утра гремел и грохотал,
Послушно объявлял все остановки,
Но вдруг устал. Среди дороги встал,
Закрыв проезд на людном перекрёстке.

И встал поток троллейбусов, такси,
Колонной встали красные вагоны...

Устал трамвай – и двигаться нет сил,
И наплевать ему на свет зелёный.
Ведь знает он: сейчас буксир придёт,
Его зацепит толстым прочным тросом,
Потом в депо на отдых отведёт
Без лишних слов, без каверзных вопросов.
Завидую трамваю, но бегу.
Как он, остановиться не могу.
(Автор – **Любовь Полякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Курорт Усть-Качка 3 (фото – **Людмила Палехова**, Березники)

Старый район

В старом районе	и, между делом,
жёлтые липы цветут,	возле скамьи голубой
в старом районе	так неумело
добрые люди живут.	мы целовались с тобой...
Сколько историй	Вечером летним
дом здесь расскажет любой...	сяду в трамвайный вагон,
В старом районе	чтобы уехать
мы повстречались с тобой.	в старый забытый район.
Мальчик с гитарой	Мальчик вихрастый
взрослым казаться хотел,	так же девчонке поет...
в дворике старом	Детское счастье
песни печальные пел,	в старом районе живет.

Вечер

В парк торопятся последние трамваи,
Поредел поток несущихся машин,
На ветру асфальт нагретый остывает,
Толпы схлынули... Горят огни витрин.
Пермь вздыхает облегченно и устало –
День окончен, краткий отдых настаёт.
Белой ночи голубое покрывало
Молодой июнь набросил на неё.

Осенний вальс

Солнечным вечером в городе весело.
Осень-затейница всюду развесила
Тысячи ярких гирлянд –
Листья зелёные, жёлтые, красные
Солнцем нежарким прощально раскрашены
И огоньками горят.
Лужи сияют расплавленным золотом.
Старые липы задорно и молодо
В солнечном вальсе кружат...
Кружится пёстрая шумная улица...
Город под звоны трамвайные кружится,
Павшей листвою шурша.
Кружимся мы в ритме вальса осеннего,
А под ногами – планеты вращение

В смене сезонов и лет...
Всей нашей жизни основа – движение.
Пусть никогда не закончит кружение
Лучшая из всех планет!

Сталинские дома

«Сталинские» новые дома
С пышной алебастровой лепниной...
Были вы у города – витриной
И сводили красотой с ума
Жителей бараков заводских,
Каменных сыреющих подвалов,
Где и летом солнца не бывало,
И удобств не знали никаких...
Вы мечтой, видением из снов
Стали для простых людей рабочих,
И для мелких служащих, и прочих,
Не имевших званий и чинов.
Как хотелось им пожить вот так:
С газом, отоплением и ванной,
Чтоб не раскладушки – а диваны,
И не печь, а белая плита...
«Сталинские» старые дома
С пыльной облупившейся лепниной,
Вы давно не служите витриной,
И не понимаю я сама –
Почему мечтательно гляжу
Я в светящиеся окна ваши...
Есть дома удобней, выше, краше,
Но уютней вас не нахожу.
(Автор – **Любовь Полякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Рассказы-наблюдашки: **Находчивая дочка**

Шёл трамвай какой-то номер, шёл по вечернему городу трамвай.
Тихо в трамвае. Устали взрослые, устали дети. Сидят дети у окон:
на коленях или самостоятельно, и в окошечки поглядывают.
Вдруг среди тишины раздались ритмические постукивания.
Кому-то надоело просто в окно смотреть.
- Не шали, – сказал папа. Постукивания продолжались.

- Не шали, – повторил папа и строже добавил:
- А то я в трамвае тебя оставлю.

Воцарилось молчание, но ненадолго. Капризный детский голосок произнёс: - А мама спросит: «Где дочку оставил?» Ты скажешь: - «В трамвае», а мама скажет: «Ну и иди за ней!» А я в это время потеряюсь!

(Автор – **Людмила Баталова**, Пермь, номинация 3)

Под сдержанным пермским небом 13

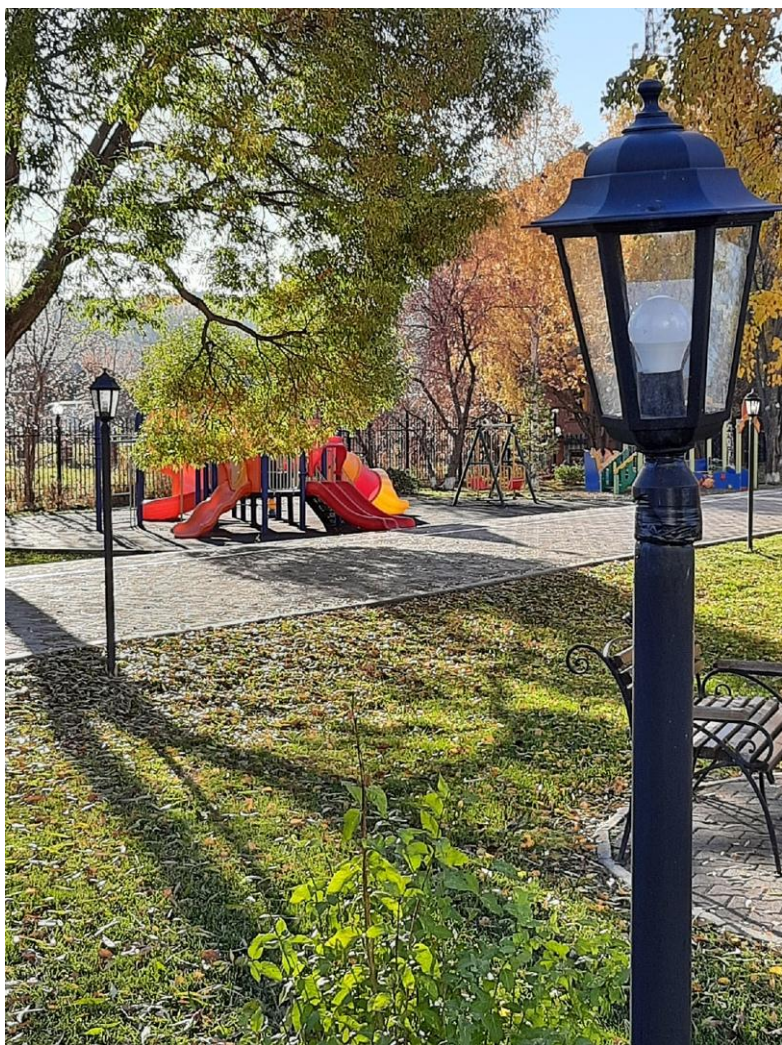
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Весеннее настроение

Наполнен город светом и теплом,
И солнечным вином напоен щедро,
И подпевают птицы песням ветра,
Сугробы тают, с крыши потекло.
На Каме лёд всё тоньше, всё темней,
Ещё немного – и река проснётся...
Снег живописен – в жёлтых пятнах солнца
С контрастом фиолетовых теней.

И хочется оставить на холсте
И цвет, и свет, и солнечные пятна,
И страшно, что не хватит сил, таланта...
И радостно, что красота – везде.

(Автор – **Любовь Полякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Курорт Усть-Качка 4 (фото – Людмила Палехова, Березники)

Снегопад

Обильный снегопад, и снова пробки –
Езда не с ветерком, а с матерком.
На тротуарах – узенькие тропки,
И горожане движутся гуськом,
Боясь, что опоздают на работу...
И дворников своих ругают всласть,

А также (за «всемерную заботу»)
 Клянут свою зажавшуюся власть.
 Штурмуют на обочинах сугробы
 (Снег тает, попадая в сапоги),
 И в душах – с каждым шагом –
 больше злобы,
 И кажется, что все вокруг – враги!
 А снег, от зимней стужи защищая
 Живые семена цветов и трав,
 Укутывает землю тёплой шалью
 И безмятежен, потому что прав.
 (Автор – **Любовь Полякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Колдовская ночь

(по И. Тургеневу)

Погасли сполохи заката.
 На небосвод взошла луна –
 Холодный феникс, и она,
 Раскинув сеть своих лучей,
 Наводит сферу колдовства.
 А понизу туман клубится
 Голубоватым молоком,
 Крадётся над землёй потом
 И, разливаясь по полям,
 Покроет всё окрест чехлом.
 Там нет житейского дурмана.
 Там мир другой, иная статья.
 Там тени трудно разгадать:
 Они колеблются, как дым
 Иллюзионного обмана.

2015

Музыка апреля

Снова хмурится апрель,
 Тучи влагой насыщая,
 В кучи облака сгребая.
 И, разгневавшись всерьёз,
 Дождь полил ручьями слёз.
 А сегодня бриз подул,
 Он очистил облака,

Парусами их надул
 И развеселил апрель,
 Слёзы превратил в капель.
 Дождик музыку играет:
 Бьёт весёлый контрабас,
 Каплей чётко выбивает
 По звенящей крыше джаз.
 Люди каплям подпевают
 (Очи радостно сияют),
 Сняли кепки, сняли шали
 И зонты подмышки взяли.
 Под мелодию капель
 Всех очаровал апрель!

2015

Владимиру Высоцкому

Среди поэтов – иноходец.
 В кругу друзей
 он – менестрель.
 В политике – первопроходец,
 Перечеркнувший параллель.
 И думы в песни воплощались.
 Их ритм гитарой поверял.
 Стихи лавиной разрастались,
 Светился ярче их накал.
 Сермяжной правдой озадачен,
 Лихим напевом удивил.

Недолгий век ему назначен, Однажды сердце
И, видно, не хватало сил. взбунтовалось...
Устал он в клочья душу рвать Нам поклонение осталось.
И снадобьями утолять.

2020 (Автор – **Раиса Арасланова**, Пермь,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Моя Пермь

Город у нас замечательный.	И деды гордые,
Бегущие с Камы улицы,	осторожно внуков ведущие.
сутулые старые здания,	Пары, в жизнь влюблённые,
к новичкам доверчиво жмутся.	в танце нежно кружащиеся.
Зелёные ветки лип и фонари,	Это моя Пермь.
будто в небе парящие.	Добрая и манящая.
И это чудо-Пермь.	Много жизней
Повседневная, говорящая.	Пермь прожившая,
Тенистые старые парки,	в леса, за горы ушедшая,
в кружеве вычурно-кованом.	примет каждого
И тихие скромные тропочки,	и выслушает.
как в детстве неугомонные.	Укроет. Увековечит...
Просторные крылья заводов.	Как богиня или история,
Мосты, смелых вдаль уводящие.	или песня,
Это родная Пермь,	мимоходом услышанная.
живая и настоящая.	Тихая и великая.
Орудия, ввысь устремлённые,	Земля дальняя.
чуткие, покой берегущие.	Земля вечная.

(Автор – **Наталья Какурина**, Пермь,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Рассказы-наблюдатели: «Догадливый» Вова

Приехали зубные врачи в детский садик – осмотреть и полечить деткам зубки. Привезли странные машины, баночки, скляночки, какие-то пахучие жидкости. Стали дети из разных групп приходить к ним на осмотр.

Дошла очередь и до Вовочки. Он очень боялся лечить зубы. Пришёл вместе с девочками и мальчиками – сидят, ждут своей очереди. Разговаривают между собой тихонько, поддерживают того, кого лечат.

Вове не до разговоров или шуток. Ждёт со страхом, когда и его пригласят в кресло. Вот уже и Сашу полечили, и Машу с Таней. Петю полечат, он один остался – и его пригласят.

Подошёл Вова к креслу и спрашивает:

- Что Вы, тётя, делаете? – он не знал её имени и отчества.

- Лечу Пете зубки, – ответила врач.

- А ему не больно?

- Нет, видишь, он спокойно сидит, и даже улыбается.

«Что бы ещё спросить?» – думает Вова. Постоял, помолдчал.

- А Вы устали? – спрашивает.

- Да, – отвечает врач. – Очень.

- Вы отдохните, – предложил Вова. – А я завтра приду.

И направился к выходу.

(Автор – **Людмила Баталова**, Пермь, номинация 3)

Под сдержанным пермским небом 14

(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

10.07.2020 г. Пермь

Разгулялось всё же лето.

Кто бы думал, кто бы знал?

Обогрело всю планету

и упало на Урал.

Жарит, парит, самоварит,

аж, под сорок норовит, –

крепким градусом ударит,

лёгким дождичком крапит.

Мысли плаваются от лени.

Квас холодный лью в бокал.

Кот не лезет на колени, –

на балконе задремал.
Сквозь раскрытые окошки
не надышатся дома.
И не верится немножко,
что опять придёт зима.

Сверчок

Таёт день в малиновом закате,
в деревушке тихо и светло.
слышно,
как на дальнем перекате
бьёт волну рыбацкое весло.
На заре вечерней пали росы,
облаков исчезли купола,
и поёт сверчок,
совсем забросив
все свои запечные дела.

На Покровá

Был лёгкий снег на Покровá.
Ещё зелёная листва
в ознобе трепетно дрожала,
и под белёсым одеялом –
земля, укрытая едва.
Зима уж близко, и сполна
выводит на снегу она
следов затейливых причуду,
как будто пишет письма, не
мол, не волнуйтесь, скоро буду.

Новый год

Уже бокалом отзвенели
часы на башне городской,
и радость по толпе людской
снует в бумажной канители.
Ракета жёлтая взмывает,
ей смотрит вслед
бездомный пёс,
и задремал в пустом трамвае
забытый, пьяный Дед Мороз.

Масленица

Накрошили неба
в снежную муку,
а потом добавили
к парному молоку.
Завели опару,
напекли блины, –
разгуляйся праздник
русской старины.
Штофы, самовары,
бублики везде,
янтарём икринки
в русой бороде.
Горести и беды –
в дальний уголок,
а сейчас от пляски
рухнет потолок!
Воздухом морозным
Затянись, дружок,
чтобы – как по маслу
хоть один денёк.

Апрель

Ещё можно бродить
по заснеженным тропам,
ещё можно грустить,
но уже не всерьёз.
И готова душа
по весенним потокам
плыть под ласковым ливнем
берёзовых слёз.

Мой город уснул...

Мой город уснул,
он тонет во мраке
и слышит сквозь сон
блюз жёлтой собаки.
А небо молчит,
как будто устало
от чьих-то обид,

что мало всё, мало.
Такой вот расклад.
Начать бы сначала,

но что-то не в лад,
и небо устало.

(Автор – **Андрей Баженов**, Пермь,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Я житель Перми

Я стала жителем Перми,
Здесь я училась и осталась
И с этим именем родным
Навек свою судьбу связала.
Я, как и тысячи других:
Кто за судьбой, кто за работой,
Кто "убегая" от родных.
И все нашли свою здесь "квоту".
Для всех нашёлся "уголок",
Нашли избранных, избранниц.
Всем добрым дарит огонёк –
Не любит злых людей и праздных.
Наш город труженик, спортсмен.
С годами прибавляет славы.
Уральский город перемен –
Он много значит для Державы!
Спортсменов в городе не счесть,
Не раз блистали на Олимпе.
Танцоры на колясках есть.
Не счесть медалей Паралимпа.
И уникальный наш "Гротеск",
И деревянные скульптуры,
И мировой наш "Арабеск".
Наш город в крае – центр культуры.
Сотни огоньков мерцают,
Красив в ночи, умыт дождём,
И вид мне душу согревает,
А я – одна песчинка в нём!

Лимерики

*

Надо мною смеялся шофёр:
«Бабский люд на машины «попёр»,

Вам кастрюльки, ухват,
Будет муж очень рад».
Только врезался сам он в забор.

*

Как «разводят» несчастных старушек,
Для альфонсов-то клад из «несушек».
Бабки замуж хотят,
Бабки деньги дарят,
А потом море слёз для подушек.

*

А редактор, Елена Ускова,
Любит сахар, как в детстве, кусковый.
Его колет ножом,
Запивает чайком.
Много кружек пьёт эта Ускова.

*

Мне недавно Людмила Пенягина,
Наизусть рассказала Онегина.
Я, как тот идиот,
Так разинула рот,
Видно, что в голове у Пенягиной.

*

Санитарка, в районной больнице,
Вымыв пол, прилегла, и ей снится,
Будто стала она
Королевой села,
И мечтают на ней все жениться.

*

Ко мне в гости явился Незнайка.
«Для чего я пришёл? Отгадай-ка.
Чтоб поздравить тебя!
Доросла до меня!
«Щас» сыграю! Подай балалайку!»

*

Юрий Иванович – главный редактор,
У него прекрасный характер!
Учит всех нас с азов,
Непокорных ослов,
Верит, в каждом сидит свой «реактор».

*

Нарядилась Маруся «по моде»
В юбку длинную, из комода.
По дороге прошла,
С улиц пыль собрала, –
Над Марусей смеются в народе.

*

Вновь соседи за стенкой дерутся.
Слышен грохот – тарелки там бьются.
Разнимал как-то раз, –
Мне на голову таз.
Муж с женой помирились – смеются.

(Автор – **Людмила Ужегова-Кулакова**, Пермь,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Рождение сказки

Петя ранним утром отправлялся с мамой в детский сад. Была весна.
Снег убывал с каждым днём. Появлялись проталинки, тропинки.

Однажды, когда снега оставалось совсем мало, Петя спросил у мамы:

- А куда уходит зима?
- Да вот же она, под лавочкой спряталась! – ответила мама.
- А дальше?
- Завтра посмотрим, – сказала мама.

Наутро они нашли зиму в сквере под скамейкой, стоящей в кустах.

– А потом? – не унимался Петя.

На другой день снега в кустах уже не было.

– Наверное, за город зима убежала, – объяснила мама. – Там кустов много, есть где спрятаться.

В субботу поехали на дачу. Вдоль железнодорожного полотна кусты были уже без снега.

- Ну, нет зимы, нет, – расстраивался сын.
- Да вот же она, в ложке. Там темно и сыро, и ей хорошо.
- А потом? – твердил сын. – Туда ведь тоже солнышко заглянет.
- Тогда она убежит на Север – в Лапландию к своей сестре Пурге в гости.
- И не попрощается? – удивился Петя.
- Прощается, – заверила мама.

За ночь на грядки выпал лёгкий снежок. А когда утром мама

выглянула в окно, чтобы позвать сына на завтрак, то увидела, что он стоит на огороде и кому-то радостно машет рукой.

– Ты с кем это, Петя? – спросила мама и в ответ услышала:

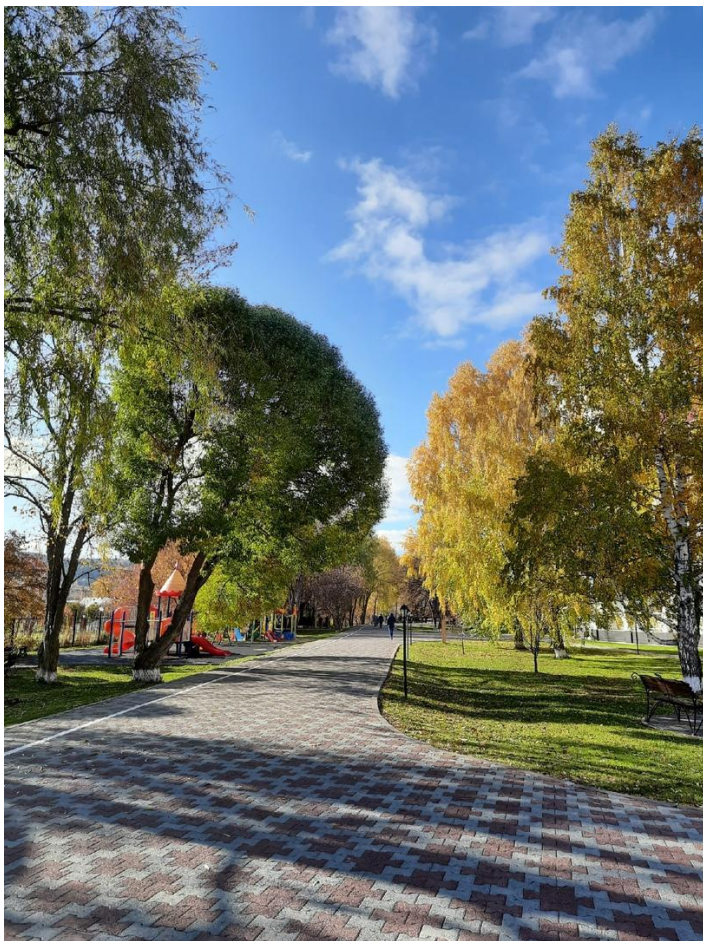
– Прощается, прощается.

Взошло солнце, пригрело землю. Лёгким шлейфом стал подниматься над землёй туман и, слегка покачиваясь под дуновением ветерка, словно прощаясь, таял на глазах, унося с собой снег.

Ему-то и махал Петя, радостно крича:

– До свидания, зима, возвращайся! Я буду ждать тебя!

(Автор – **Людмила Баталова**, Пермь, номинация 3)

Курорт Усть-Качка 5 (фото – **Людмила Палехова**, Березники)

Осень в Усть-Качке

Течёт огромная река среди красивых берегов.
И охраняют её путь леса в осенней радуге цветов.
На берегу – курорт Усть-Качка стоит уж много-много лет.
И проходящим пароходам он свой уральский шлёт привет.
Природа здесь простором дышит. Летают чайки над волной.
И рыбаки вдали на лодках поклёвки жду очередной.
Парадное здесь украшают туи.

Южанки в добром здравии стоят.
Фигуры белокаменной скульптуры о прошлом веке говорят.
Дорожки выложены плиткой. Аллеей яблоньки растут.
Под ними белые диванчики усталых путников всех ждут.
Здесь много живописных уголков, что сделано руками мастеров.
Журчащий каменистый ручеек –

и перекинутый через него мосток.
Стоят берёзы золотые на фоне неба голубом.
И листья, жёлтые такие, ложатся под ноги ковром.
Здесь белки бегают по соснам,
они стремглав – то вверх, то вниз.

И с удивленьем и восторгом народ любитесь на них.
Урал таинственный, могучий, в дыханьи осени своей,
Ты завораживаешь сердце и укрепляешь дух людей.
(Автор – **Ирина Торбина**, п. Майский, Краснокамск,
участник Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

В марте

Берёзы белоствольные,
Высокие и стройные,
Ветви их направлены
В синий небосвод.
Солнцем озарённые,
Русские красавицы
На лесной поляне
Встали в хоровод.

* * *

Солнышко согрело
Сад своим теплом,
Красные тюльпаны

Зацвели кругом.

Зелень изумрудная,
Небо – бирюза.
Ветви распускает
Яблоня-Краса.

Луговое разнотравье

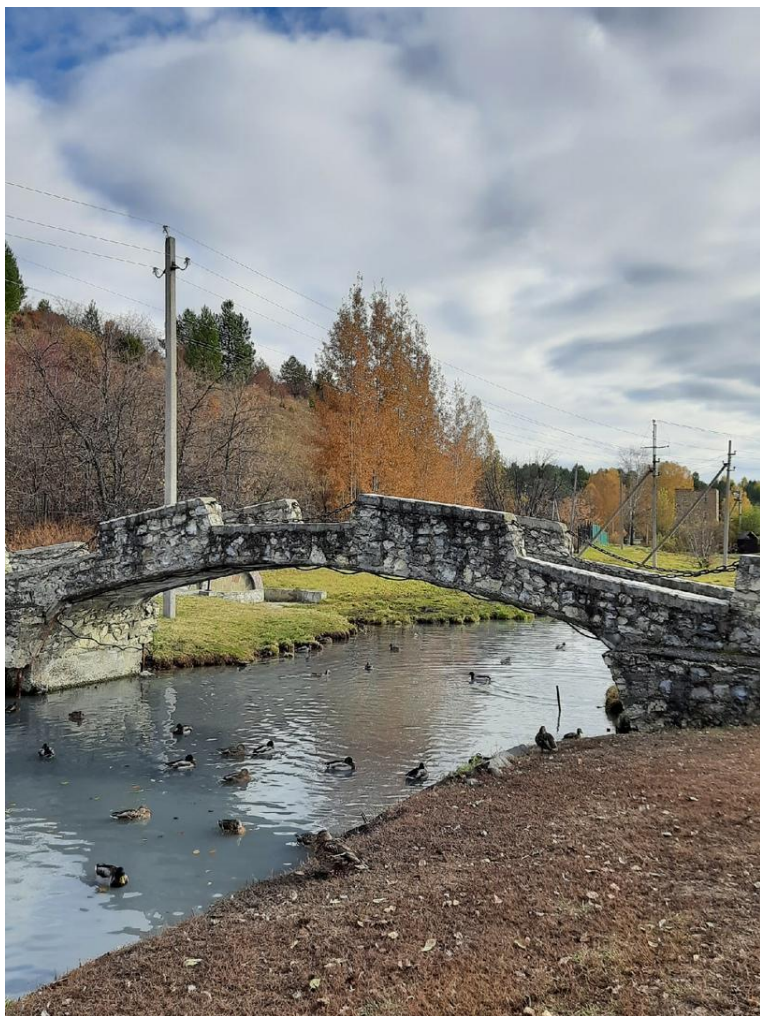
Природы дар волшебный.
Гляжу я и люблюсь
На эту красоту:
На белую жемчужницу
И алые ромашки,
На зелень изумрудную
И сказочный ковер.

Ранняя прогулка в лесу

Тихо падают снежинки
На берёзку и сосну,
Засыпают белым пухом
И поляну, и тропу.

Запорошены на диво
Сосны чудной красоты,
Их зелёные вершины,
Золотистые стволы.

(Автор – **Валентина Жолобова**, Пермь,
участник Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Курорт Усть-Качка 6 (фото – **Людмила Палехова**, Березники)

Свидание на пешеходке *(городская история)*

Стоял пасмурный, но тёплый день конца октября. Часов в одиннадцать даже выглянуло солнце, осветив изумрудно-зелёные газоны, улицы, казавшиеся просторными из-за простившихся с листвой деревьев, дома и скверы.

Девятиклассница Варька, светловолосая и тёмноглазая красавица, смотрела в окно, далёкая от того, о чём рассказывал учитель истории. «Вот, ещё четыре урока в школе, потом полтора часа занятий дизайном и...» А что там, за «и», она представить не могла. Впервые предстояло свидание с человеком, которого она знала только по общению «В контакте». Какой он? И какой представляет её? Варька позволила себе кое-что насочинять. А если и он – тоже? Ну, интересный парень, с которым легко общаться. И что? Зачем согласилась на встречу? А теперь вроде неудобно отказаться. А, будь, что будет.

Подходя к «Дереву счастья», увешанному замочками новобрачных, на пешеходной улице, где было назначено ей свидание, Варька медленно обвела глазами ближайшее видимое пространство и присела на скамейку. Гуляющих было немного. Рабочий день ещё не закончился. К ней никто не подошёл. Через скамейку, напротив сувенирной лавки, сидели двое. Нужного ей человека не наблюдалось.

Девушка испытала чувство досады. Сама она опоздала на двадцать минут, как знающая себе цену барышня. А по правде говоря, – от неуверенности: правильно ли поступает? Кто его знает, каким окажется этот Мустанг?

Они общались в социальных сетях весь прошлый учебный год. Говорили о друзьях, фильмах, компьютерах, книгах, развлечениях... Оба были из читающих, что стало среди школьников большой редкостью. Общий язык как будто нашли. Летом переписка заглохла, а с началом осени возобновилась.

И вот теперь, в конце октября, Мустанг предложил встретиться «вживую». Но никакого Мустанга Варька не увидела. Проходили и сидели на лавочках какие-то парни, но почти все были либо в компаниях, либо с девушками, либо праздно шатающиеся. Некоторые останавливали на ней взгляды, но не подходили.

Начал накрапывать дождик. Варька поёжилась. Зонта у неё с собой не было.

- Привет, Варёнка! Чё сидим? Кого ждём?

Варька увидела соседа по дому, который и придумал ей это прозвище ещё в начальной школе.

- Не тебя. Обломись.

- А, может, меня всё же? Я тут назначил одной стрелку, – хитро улыбнулся он. – Сюда много тёлок на стрелки бегают.

Варька внимательно посмотрела на паренька. Неужели он? Нет, не может быть. Книг он не читает. В компах, правда, соображает... Нет, говорит иначе. Не он.

- Какая стрелка? Очень ты мне нужен! Я подружку жду. В кино идём.

- А меня не прихватите? Совершенно не занят!

- Ты, Гавря, проходишь мимо, так проходи, не стесняйся.

И девушка прощально помахала рукой.

- Ну, ладно, пока!

А Мустанга всё нет. Вот обломчик так обломчик! Не пришёл! А может, наблюдает откуда-нибудь за ней? Тут она стукнула себя по лбу: ворона! Как же она могла забыть, что обещала Мустангу быть в кожаной ореховой курточке. Потеплело, и она, торопясь в школу, надела плащ и ботинки вместо курточки и сапог.

Но, в любом случае, Варька не заметила, чтобы здесь кто-нибудь кого-нибудь искал. И в любом случае, – свинство так поступать с девушкой. Она его за язык не тянула, сам встретиться предложил. И развёл, как последнюю дурочку.

О, ещё один знакомый! – отчаянно подумалось ей, когда она, прождав ещё минут десять, и уже повернувшись, чтобы уйти, увидела Фёдора из десятого «А». Уж его-то ей меньше всего хотелось видеть сейчас. Они не были знакомы и не общались после того случая, когда она поскользнулась на школьной лестнице, а проходивший мимо Фёдор удачно подхватил её, не дав упасть. Правда, юноша время от времени заходил в их класс, где учились два его друга, и бросал на Варьку смущающие её взгляды, но не заговаривал с ней. И вот теперь они встретились в самое неподходящее время и самой неподходящей ситуации. Врать Варька не хотела, а правду говорить – ещё меньше. Может, не заметит? Но...

- Эй, Варвара, ты что ли? – донеслось до неё.

- Ну, я, а что?
- Да нет, ничего. Может, пообщаемся немного? Или ты спешишь и падаешь?
- В общем, спешу. А ты тут чего?
- Да так, прогуляться решил немного. Посмотрел в мини-кузне на работу кузнецов. Виртуозы! Ты летом ездила куда-нибудь? С лестниц больше не падала?
- Да я бы съездила, если б деньги были. В Питер хочется. Но зато в июне в фестивальном городке оторвалась на полную катушку. Там уличным танцам бесплатно обучали. Фильмы хорошие показывали, Школа мультфильма работала (а я же рисовать мультики обожаю), концертов до фига, бассейн, спортивные игры... Мы с Димкой каждый день там пропадали. А потом – почти два месяца – на даче.
- Это с каким Димкой?
- Да с Наташкой Димовой из математического. Бывшей одноклассницей.
- Понятно. А меня на всё лето к бабке с дедкой отправляли, в деревню. Хорошо там. Да и помощь им требовалась. Кстати, я всё спросить хотел: ты чего математический класс вдруг на гуманитарный поменяла? Пришёл, а тебя нет. Хорошо Егоркин просветил относительно твоего отсутствия.
- А тебе разве не всё равно? Напряжёнка у меня с точными. Деду хотелось, чтобы я в политех поступила, на электротехнический, зарабатывала потом побольше. Маму уже загнобил из-за того, что библиотекарем работает. И мне покоя нет. А я – не могу. Не получается.
- А в гуманитарном как?
- Нормально. Инглиш доставал сначала. Не привыкла к таким большим заданиям. А требует англичанка как! Помучилась месяц, потом привыкла. Ну, и по литре списки обязательного чтения – умереть легче. Хорошо, что я многое раньше читала. А так – нравится куда больше, чем в математическом.
- Понятно. Я слышал, ты ещё в Школе компьютерного дизайна учишься?
- Учусь. Сейчас как раз оттуда. Нравится мне это. Жаль, в нашем городе в вузах не обучают такому дизайну. А мне хотелось многое освоить.

- И мне это интересно. Может, покажешь, что умеешь?
- Можно. У меня флэшка с собой с моими работами.
- Класс! Тут компьютерный клуб недалеко. Пойдём? Я, правда, ждал кое-кого, но думаю, уже не придёт.
- Кого это ты ждал? А вдруг придёт? Вдруг причина серьёзная человека задержала?
- Не придёт. Феи – они такие. То ли есть, то ли нет... Неуловимые!
- Кто?!!!
- Да ник у неё такой – Фея! Каштановые волосы, голубые глаза. И... крылышки за спиной, – улыбнулся Фёдор. Знакомая по «В контакте».
Варька секунду посмотрела на него округлившимися глазами и вдруг расхохоталась.

- Ты чего? – заражаясь её весельем, спросил Фёдор.
- Да ничего, Мустанг! Всё в порядке!
- А ты откуда... Постой... Не может быть... Так это ты – Фея? А где же твоя ореховая курточка, по которой я должен был узнать тебя? И голубые глаза, и каштановые волосы? – недоверчиво спросил Фёдор. – Нет, правда, Варька, ты меня не разыгрываешь? Ты и есть Фея?
- А что, разочарован? Не ту красавицу увидел? Ну, извини! А я тут жду его, переживаю...
- Нисколько! Я так рад, Варька, что это ты! Но просто не верится.
- На себя посмотри! Ты мне как себя обрисовал? Но, знаешь, я, кажется, тоже рада, Мустанг, несмотря на твои серые глаза и неожиданно изменившуюся внешность.

Фёдор взял Варьку за руку, и они, смеясь и болтая, направились напрямиком в своё светлое завтра.

(Автор – Ирина Зарницкая, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 3 - Художественная проза)

Прикамью Нашему дарю слова (Посвящается 300-летию города Перми)

Под светлый спуд
чудесных одеяний Духа
Мы, земляки Святой Руси,
Точнее говоря, с весеннего Урала,

Где жизнь цветёт,
 Любовь живёт.
Мы все – Перми народ!
Мой край – тобою дорожу я
И каждый день тебе дарю.
Мой труд – моя отрада.
Кто красит, белит, освящает,
Все люди создают труд.
И золотыми буквами «Не за горами»
Наш гордый город Пермь зовут!
Тебе сегодня 300 ровно,
И молится святой народ
О здравии, в соборных храмах
О душах, за святой покой.
На речке Каме проплывают пароходы,
А в небе – пролетают самолёты, как стрела,
Мой Пермский край –
 тебя люблю я сильно очень,
Желаю не стареть тебе, с годами, как всегда!

(Автор – **Александр Коробейников**, Березники,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Весна в Балатовском парке 1
(фото – **Евгения Девяткова**, Пермь, п. Керчевский, Чердынь)

Улыбка осени

Берёзы белоствольные
хрустальной чистоты,
и синева небесная,
и золото листвы.
И ласковое солнышко
сквозь тучи в вышине
лучи свои прозрачные
дарило щедро мне.
Улыбку этой осени
встречала снова я.
Мне грустно расставаться.
Вы все – мои друзья.
И ласковое солнышко,
и золото листвы,

Берёзы белоствольные
хрустальной чистоты.

Сосны

Снежную полянку
Сосны окружили.
Кроны их колышет
Лёгкий ветерок.
Веточки пушистые
Снегом запорошены,
И стволы высокие
Солнцем позолочены.
Хочется потрогать их
И душой согреться.
Где ещё увижу я
Волшебную мечту?

(Автор – **Валентина Жолобова**, Пермь, номинация 4)

300 лет городу Перми

Была в Перми недавно,
Посетила город славный.
Там повидала множество красот,
Своей культурой всех он привлечёт.
Библиотека Кузьмина
Прекрасна и обновлена.
Место уюта, добра и ласки.
Я побывала, словно в сказке.
Там книги выстроились в ряд,
На полках все они стоят:
Давыдычев, Успенский и Маршак,
Пермяк, Астафьев, Мамин-Сибиряк.
Обзор по книгам провели,
В сказочный мир нас вовлекли.
С Зелениным мы повстречались там,
О многом он нам, детям, рассказал.
Нам викторину провели,
Удачу мы приобрели.
Участвовала в конкурсе чтецов
И получила множество призов.

Желаем городу цвести
И много счастья обрести.
Пермь с юбилеем поздравляем,
Благополучия всем желаем!

(Автор – **Елена Поносова**, Соликамск,
участник Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Под сдержанным пермским небом 15
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Пермь

Расположен город,
На Камском берегу,
По-прежнему молод,
И триста лет ему.
Преобразилась Пермь,
Стала намного краше,
Промышленность теперь –
Достоянье наше!
Фабрики, заводы
Внесли свою лепту,

Дружные народы,
Идут по проспекту.
Парки, стадионы,
Театры и музеев,
Любят миллионы.
Пермь, пригласи друзей.
Вырос славный город,
Жизнь течёт, как река,
Пермякам ты дорог,
Все годы и века.

(Автор – **Наталья Гноевская**, п. Сев. Коммунар, Сива,
номинант Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Майский дождь

Май. Непривычно жарко. Народ перебрался в майки, шорты, топы... Купаться, правда, побаивались. Урал всё же.

Нежная листва и травка казались особенно беззащитными.

А безжалостная синева неба и в ус не дула, беззастенчиво разлёгшись в собственном солярии.

И вдруг заурчало, заворочалось, задуло... И первые, пробные, капли упали на землю. Будь они чуть поменьше, не долететь бы им до земли. Жарко.

Дождь, дождь, дождь – зашептало в траве. В ней, многолетней и возрождающейся каждую весну, проснулись воспоминания о сладкой неге.

Дождь? Дождь? – Затрепетали листочки. – А что это? Что это – дождь? Зачем? Но всё в них уже ожило, потянулось, расправилось, возжелало.

И вот чистые прохладные капли, подгоняемые юным громом, пролились первым майским дождём.

Как радовалось им всё вокруг! Старые деревья подставляли струям стволы и, казалось, на них расправляются морщинки коры.

Юные деревца устроили дискотеку, и капли разлетались от них весёлыми брызгами.

От берёзы невозможно было отвести глаз. Так застенчиво, так женственно протягивала она дождю свои ветки, словно говорила (перефразируя слова известной песни): «Не спеши, дорогой, не торопись, ты сводишь меня с ума...»

Земля пила захлёб, и не могла напиться.

Ручейки, завиваясь змейками и вытягиваясь, разбегались по асфальту, увлекая за собой соринки. Они похожи были на озорных малышей, вырвавшихся из-под материнского надзора. Смеялись, перепрыгивали через камушки и барьерчики, всё больше набирая скорость и силу.

Старик на втором этаже у окна улыбался, глядя на размытую стекающей водой картину двора.

Кошка высунулась из подвального окошка и подставляла дождю рыжую мордочку, то и дело отфыркиваясь.

Из подъезда выскочила белобрысая девчонка в коротеньком платице, подняла к небу руки и лицо, закружилась и завещала от восторга: «До-о-о-жди-и-и-ик!!!»

«Маш, ты куда?!» – неслоь ей вслед. Но и мама не удержалась и выбежала за девочкой, ловя дождь ладонями. Такая же белобрысая и тоненькая, как дочка, и юная, как этот ласковый майский дождь.

Мальчишки на другом конце двора скакали, вопили, размахивая над головой стянутыми с себя футболками.

А по краям проезжей части улиц уже неслись нешуточные потоки. Кто сбрасывал босоножки и туфли, а кто, махнув рукой, так, лишь приподнимая брюки или подолы юбок, – перебирался с одной стороны улицы на другую. Из-под колёс – фонтаны!

Восклицания! Смех! Визгивания! И столько весёлых и довольных лиц! Дождь!!!

Даже гром, разворчавшийся было не на шутку, хохотал, подхрюкивая, глядя на устроенную катавасию: эх-ма!

И сколько же всего было в нём, в этом дожде: Жизнь. Счастье. Радость. Добро. Щедрость. Юность. Единение.

(Автор – Ирина Зарницына, Пермь, номинация 3)

Весна в Балатовском парке 2
(фото – **Евгения Девяткова**, Пермь, п. Керчевский, Чердынь)

Пермь, ты самый лучший город

Такой прекрасный город Пермь,
Люблю ходить по улицам твоим.

Пройдёт уже немало лет,
Ты, как и прежде, будешь молодым.
Медведь по городу идёт
Великий, храбрый и отважный.
Он в гости всех к себе зовёт,
А знаете, какой он важный?
Весёлый памятник Перми –
Это "Пермяк – солёные уши".
С ним сделать фото подошли
Приезжие туристы к милуше.
Стоишь на матушке-реке,
Родной, портовый, непреклонный.
Слышны ещё там, вдалеке,
В часовнях колокольные звоны.
Желаем городу цвести,
Развиваться, расти и хорошеть.
И много счастья обрести.
Людей любить,
процветать и блеснуть.

Город Пермь – наша Малая Родина

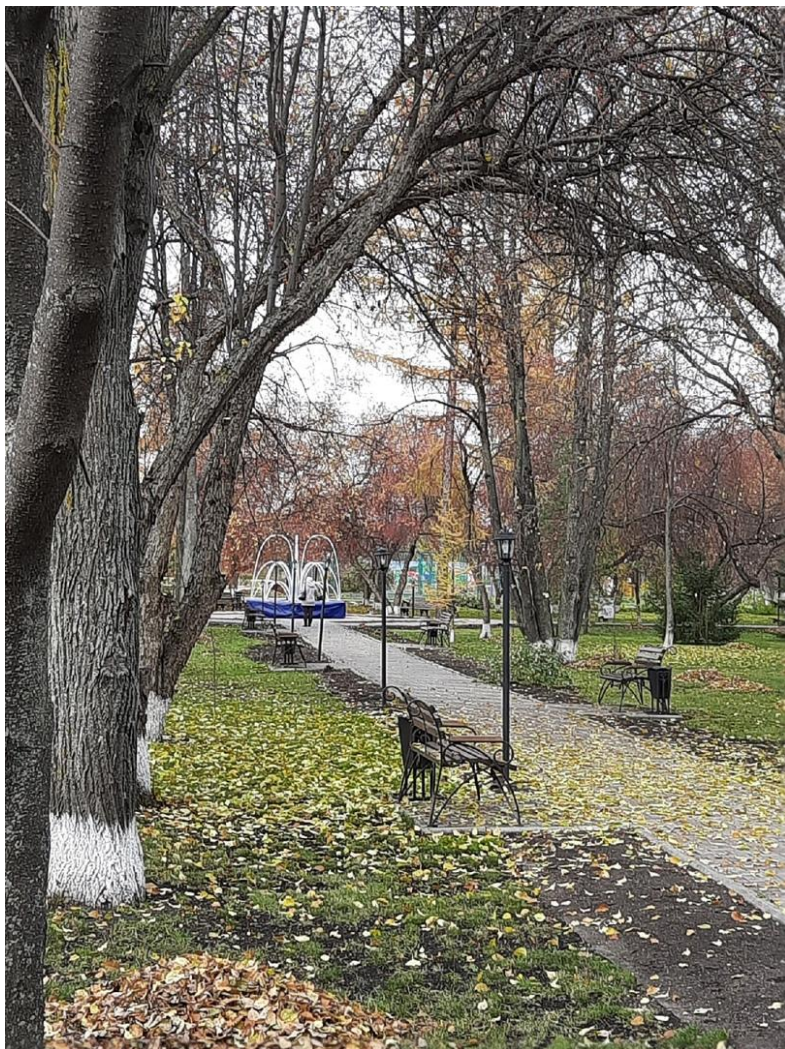
Пермь люблю всем сердцем я,	В центре города стоит
Это родина моя.	Уникальный памятник.
Город счастья и любви,	Мишка бурый тут возник,
Радуйся в нём и живи.	Для больших и маленьких.
Пермь родная расцвела,	Всех гостей он позовёт,
Сердцу моему мила.	Счастье людям принесёт.
Кама-матушка река	Носик все ему потрут
Широка и глубока.	И удачу обретут.
Мы по Каме поплывём,	Всей душой люблю я Пермь.
Много радости найдём.	Ты прекрасен, мне поверь.
Рыбу стали мы ловить	«Он от бед нас всех спасёт».
И смогли всех угостить.	И храни тебя Господь.

(Автор – **Елена Поносова**, Соликамск, номинация 4)

Любимая Пермь

Так много слов красивых о Перми
Прочитано, рассказано, пропето.
Прославлена достойными людьми,
Всех восхищают парки и проспекты.

Раскинулась она и вширь, и ввысь,
И будет расцветать, как бы ветра ни дули.
Пермь без меня смогла бы обойтись,
А я вот без неё смогу ли?
(Автор – **Любовь Велева**, Пермь, Советник и эксперт Конкурса)

Курорт Усть-Качка 7 (фото – **Людмила Палехова**, Березники)

Моя Пермь

На высоком крутом берегу,
Где веками Кама лилась,
Город рос, рассекая тайгу.
Здесь когда-то и я родилась.
Грусть со мной Пермь делила и радость,
Помогала без пафосных слов.
Здесь и плакала я, и смеялась,
И имела друзей и врагов.
Много мною путей в жизни пройдено,
Я менялась, с годами взрослея.
Изменилась и Пермь, моя родина,
Для меня её нет милее.

Заветное место

Зима пришла в наш славный город.
Не стар он, но уже не молод,
Хотя ему уж триста лет,
Но очень модно он одет.
В убранство Кама вклад внесла
И, вместе с ней, – сады и парки,
Сверкающие храмов купола,
На постаменте танк, фонтаны, арки.
А снег ему прибавил больше шарма,
Укутав в белые одежды.
И стала Пермь, как сердце Пармы,
Заветным местом, где сбываются надежды.

Уральская красавица

Здравствуй, Пермь моя, уральская красавица!
По тебе гулять нам очень нравится.
Молода в любое время года:
Летом жарким и весной, и зимою в непогоду.
Длинные проспекты, широкие бульвары, –
Никогда не будешь дряхлой ты и старой.
И чем больше возраст твой станет прибывать,
Будешь ты всё краше, пышнее расцветать!
Есть у тебя Кама – широка, быстра,
Сильная, надёжная, добрая сестра.

Водами несёт она радость и добро.
Может быть, построят в городе метро?

Пермские силуэты

Перми нам дороги родные силуэты:
Над Камой виден шпиль издалека.
Людей великих мы храним портреты:
Демидов, Строганов, дружина Ермака.
Мы не забудем тех, кто созидал,
В лесной глуши заводы возводил,
Кто покорял седой Урал,
Прогресс и просвещение приносил.
И потому так важно сохранить
Из прошлого любой дошедший след,
Времён связующую нить.
Без прошлого – и будущего нет!

Мой город

Пусть в списках Форбс его пока что нет,
Но город Пермь мне близкий и родной.
И где бы ни встречала я рассвет,
Всегда хочу вернуться я домой.
В России улица здесь самая большая,
Восточный называется обход,
И Кама, сильная и вечно молодая,
По сердцу города, как кровь его, течёт.
Прекрасна Пермь, нисколько не стареет,
Ворота распахнув на Запад и Восток,
И с каждым годом только хорошеет,
Ведь триста лет для города – не срок.
В Перми есть реки и леса, и парки,
И с Эспланадой всё придумано хитро.
Но верят все: дождёмся мы подарка –
Построят и у нас когда-нибудь метро.
(Автор – **Любовь Велева**, Пермь, Советник и эксперт Конкурса)

Реалии жизни города 20-30-х гг. 20 в.

(на примере Перми; из воспоминаний частных лиц)

«Возле каждого дома были небольшие огороды, жители выращивали картошку и многое другое. Очень многие жители нашей

улицы держали коров, поросят, коз и по очереди ходили пасти коров». «Воду брали из колодцев, но эта вода была пригодна только для хозяйственных нужд. За водой для питья ходили на БакОВый переулок, там была водозаборная колонка».

«Город начинался с Казанской заставы. Застава — это такой домик с чёрно-белыми полосками. Этот была как граница. А Горьковский сад назывался Загородным садом».

«Многоэтажные дома начинались с остановки Соловьёва. Когда я увидела многоэтажные дома, у меня закружилась голова, и я поняла, что такое город».

«На 1 мая мы с мужем поехали гулять. Мы попали на какую-то площадь, но вот не помню, как она называется. На ней было очень много народу, все стояли с лозунгами и транспарантами. Все были очень довольны, как сейчас помню молодого человека, добро улыбающегося мне».

«Из общественного транспорта в Перми в 1939 году был автобус. И одна нитка трамвайных путей в Мотовилихе. В 1940 году начали строить трамвайное депо «Красный Октябрь». Стало восемь трамвайных маршрутов. В транспорте было много народу, были случаи воровства кошельков. Так же случаи, когда у женщин на улице выхватывали сумочки».

«Много лет назад, точно не помню, в каком году, но я был ещё пацаном. Жили мы в деревне, как и многие семьи, бедно. Возможности выехать в город практически не было. Мы с мальчишками были большими любителями футбола. Часто гоняли во дворе, хотя свободного времени было мало. Не помню точно, как до нас дошла весть о том, что вскоре в городе Перми состоится интереснейший футбольный матч. Мы с ребятами очень хотели съездить на эту игру. Но ни денег, ни возможности не было. Так что для нас это стало мечтой. После долгих раздумий мы с ребятами пришли к выводу,

что в Пермь поеду я и мой лучший товарищ Алексей. Каждый из наших друзей отдал все до единой свои деньги, лишь бы мы съездили туда. Но перед нами стояла ещё одна проблема, родители никуда нас не отпускали. Но это для нас была уже не преграда. Мы собрались и пошли. Так как местный автобус сломался, нам несколько километров пришлось идти пешком. Но всё же в день игры мы добрались до города. Приехав на стадион, мы ни поверили своим глазам. Мы в жизни не видели столько народу. Было так легко потеряться в этой толпе. Именно так всё и случилось, через несколько минут мы с приятелем потеряли друг друга. Для меня это стало просто катастрофой, ведь все деньги остались у моего товарища в кармане. Я постарался найти его, но всё было тщетно. Народу было много и все так похожи друг на друга. До начала игры оставалось минут двадцать, а народу было всё больше и больше. Тогда я был первый раз в городе Перми и где-то даже испугался, что, мол, один и без денег в таком большом городе. Игра уже началась, и я никак не мог отыскать своего товарища. Пытался пробиться на стадион через забор, но с таким жёстким контролем милиции сделать это было невозможно. Половину игры я смотрел за игрой через щель в заборе, хотя и там народу было хоть отбавляй. Я было, уже отчаялся, но вдруг услышал свою фамилию по громкоговорителю. Человек, говорящий по нему попросил подойти к главным воротам стадиона. Тут мы и встретились с моим товарищем. Мы так обрадовались друг другу, что об игре совсем и позабыли. Второй тайм игры я смотрел уже внутри стадиона. Помню, что наша команда победила и этот большой город шумел всю ночь».

«С Перми-2 ходили немногочисленные поезда: до Перми-1, до Чусового и так далее (проезд стоил один рубль). Камского моста не было, и люди ездили на другой берег на моторке (наподобие речного трамвайчика)».

«Что мне запомнилось в городе больше всего – это кинотеатр. У нас в деревне до сих пор крутили движок, а за занавесом кто-нибудь один читал текст. И тогдашнее моё первое посещение кинотеатра оставило огромный и приятный след в моей памяти. Ходила я в кинотеатр «Горн», что в Мотовилихе. Но что меня больше всего поразило, так это то, что в кинотеатре был огромный вестибюль, где до начала просмотра фильма проходили танцы под аккомпаниацию духового оркестра. Запомнилось мне и то, что в кинотеатре был гардероб, где зрители раздевались и приводили себя в порядок, а приходили

зрители задолго до начала фильма, особенно дамы. Дамы, что побогаче, носили резиновые и фетровые ботинки, причём в них вкладывались туфельки, и когда дамы приходили в кинотеатр, они снимали свои ботинки и были в туфлях».

«Было всего восемь бань на всю Пермь».

«Там, где сейчас табачная фабрика, был Пассаж-магазин, там всё и продавали, были такие очереди, что люди оставались с вечера, занимали очередь. Трудно было раньше что-либо купить: муку и хлеб давали по талонам, на ребёнка в месяц давали по 8 кг муки».

«Надо заметить, что люди в городе одевались красивее, чем в деревне, были раскованнее в разговоре. Совсем не так, как нынче, а в меру».

«Ехали, жарко в дороге было, а ветер-то прохладный был, я и

простыла. В город приехали, устроились в небольшом деревянном доме, где кроме нас жило ещё много людей. Обедали внизу, все вместе, перед началом еды крестились. Из детей в доме никого не было, поэтому мне было скучновато. Взрослые днём расходились, а я оставалась с хозяйкой дома – старой дамой. Мы с ней вместе обед готовили, пол мыли. А в один день она взяла меня с собой за покупками. На обратном пути она завела меня в большой каменный дом – библиотеку. Подвела меня к полке с детскими книжками и говорит: «Выбирай!». Я подумала, что это большой магазин, и она хочет купить мне книгу. Поэтому большую книгу я брать забоялась, подумала, что она дорогая и взяла небольшую книжечку. Пришли домой, я быстро кинулась к окну, читать её. Хотя и плохо читала, но прочла за вечер. Потом я её и вслух другим жильцам читала, и бате много раз. А через неделю хозяйка сказала, что книгу надо вернуть. Я, конечно, отдала. А вечером отец пришёл, а я вся в слезах. Рассказала, что и как. А он смеётся: «Чудная ты у меня, барышня». И рассказал мне, что такое библиотека. И с того времени у меня появилась мечта работать в библиотеке, но воплотить её мне, к сожалению, не удалось».

«Мне было лет 10-12, когда я первый раз приехала в город. И, если честно, поначалу мне там ничего не понравилось: куча людей, все ходят, задрав носы, и одеты все как-то не так. Хотя перед отъездом мама мне тоже дала всё поновее: Свою новую шаль, которую мне всегда хотелось одеть, но мама не велела, берегла. А тут вдруг сама навялила, я была так рада. Мне, казалось, что я буду лучше всех тамошних девчушек, но когда мы с батькой (так мы звали отца) приехали в Пермь, то я увидела, что там-то уже никто

и не носит, там от того, что было уже довольно тепло (конец февраля), там они были уже не в моде».

«В Пермь ездили в «телячьих вагонах», ходило два поезда: рано утром (мы вставали в 4 часа, чтобы успеть на поезд) и вечером. Сейчас ходит много электричек, гораздо удобнее, чем «телячьи вагоны». Вокзал был деревянный. Там, где сейчас кассы, а большое здание — для военных».

«Асфальта не было, а были булыжники, по ним текла вода». «Ездил на трамвае без билета, в то время тоже были кондуктора».

«Наша деревня была в 30 км от города, выезжали в 12 часов ночи и приезжали к 8 часам, продавались и бегом назад. Ехали по Сибирскому тракту, по дороге ни одной машины не было. От нашей деревни была только одна ветка железной дороги. Поезда ходили только утром и вечером, но потом сделали в 14:30».

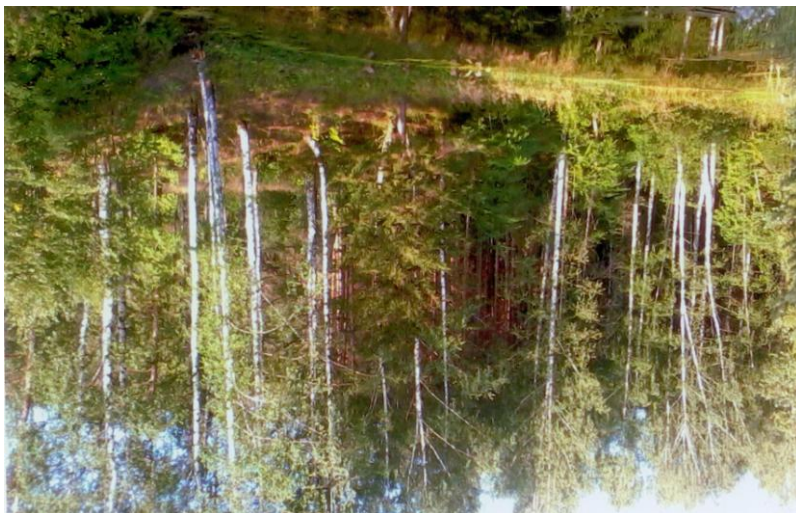

«Город тогда был как большая деревня. Дома были деревянные, каменных почти не было. Около Мотовилихи было поле, там садили картошку, а люди не хотели ехать туда».

«Колхозный рынок был по Комсомольскому проспекту; там были ларьки деревянные, мясной лабаз. Продавали всё: капусту, картошку, ездили с дровами, бочкой грибов. 400 рублей стоил воз с дровами. Ездила с соломой, сноп стоил 3-3,5 рубля — поросётам подстилка. Продавали по баракам, ремесленники в комнатухах брали. На рынке мало было рыбы, очень дорогая, в основном, привозная: горбуша, кета. Ездила торговать только осенью и зимой с дровами, заезжали с Липовой горы, следом Велзавод, Комсомольский проспект и до рынка. Лошадей на рынке, как машин, целая туча. По 20-70 в ряд идёт. Стояли на рынке голодные, бу-

лочки продавали, но не на что купить было. Осенью иногда брали арбузик, помидоров. На рынке ходили старушки, поили лошадей: одно ведро – один рубль. Однажды чуть вместе с лошадьёю не угробили. Стояли целый день. Дрова никто не брал. Налетели два человека. Одежду покупали на рынке. Там была толкучка. Продавали поношенные вещи, ситцу не было, а пошёл штапель. Как-то стояли – очередь большущая – пять метров. Чеботари шили обувь тут же».

(Отрывок из монографии, подготовлено к печати – **Татьяна Волкова**,
Пермь, эксперт Конкурса)

(Фото – **Ольга Целищева**, Пермь)

* * *

Мой добрый, бронзовый медведь
Блестит своим потёртым носом.
А я на Каму посмотреть
Пешком спускаюсь по Компросу, –
 Меня встречает мудрый взгляд
 Под сводами Собора.
 Здесь Боги Пермские хранят,
 Тебя хранят, любимый город.
Пройду по скверу вдоль путей
И загляжусь на дом Мешкова, –
На долгой памяти моей
Я не встречал нигде такого.

Припев: Ах! Ночи Белые летят
В Закамские просторы!
А Боги Пермские хранят,
Тебя хранят, любимый город.

...Хочу поехать на КамГэс,
Там Кама рвётся очень круто,
И в парк Черняевский, как в лес,
Зайти хотя бы на минуту...

Припев:
А если тучка набежит,
И на асфальте будут лужи,
То всех прохожих рассмешит
Один «Пермяк – солёны уши».

Припев:

Всю Пермь увидеть за три дня –
Скажу вам по секрету, –
Не получалось у меня,
Не получалось даже летом...

Припев: 28-29.05.2014

О Пермских трамваях

Припев: Снова снится трамвайчик-первенец,
Деревянный, суриком крашенный...
Колокольчик звенит над рельсами,
Задушевно звенит, по-нашему.

Я на «Тройке» лихой от Шпального
В Разгуляй покачу, к Татищеву...
Ничего тут нет аморального,
А что есть, то сердечно-личное.
...Развернусь из кольца трамвайного,
Прoberусь в Театр незамеченным,
Где взлетает Надежда Павлова
Белокрылой Надеждой вечною...

Припев:

Мне бы надо – вверх от Стахановской,
Там назначена встреча с «Космосом»,
Космонавтам скажу я «Здравствуйте»!
И махну к Рысаку Орловскому.

Ипподром – это наше, русское –
И душа, и счастье с подковами!
Жаль, что нынче картина грустная,
Описать её – даже слова нет!..

Припев:

Постою да сяду в «Двенадцатый» –
У меня проездной студенческий –
И поеду к Попову праздновать,
У фонтанов пить «чай купеческий».
А сейчас попрошу прощения,
Что не все маршруты любимые
Я проехал в честь Дня Рождения...
Впрочем, дело-то поправимое!

Припев:

(Автор – **Николай Шабунин**, эксперт Конкурса)

Под сдержанным пермским небом 16
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Пермские трамваи

Громыхает трамвай «однёрочка»,
В нём под горочку – до «Восстания».
Там с друзьями я ладил лодочку,
На Висим ходил на свидания.

А потом бултыхнулось времечко
 И упало на дно крошечное...
 Я чесал в затылке да в темечке,
 Вспоминая маршруты здешние...
 От Перми Второй на «пятёрочке»...
 Тарахтит трамвайчик, качается,
 Он давно бы взлетел, да ёлочки
 Из-под рельсов за ось цепляются...
 Не гляди, красавица, пристально,
 Не гадай на билетном ребусе.
 Мне от Банной горы до пристани –
 На автобусе, на троллейбусе.
 Дом со львами, и как бы около –
 Ресторан «Урал» со швейцарами,
 Там музыка за душу трогала,
 По-битловски звеня гитарами...
 Не гляди, красавица, пристально,
 Не гадай на билетном ребусе...
 Альма-матер нам машет издали,
 Так зайдём и душой согреемся.
 Коротка Букирева улочка.
 Ленин так прищурился в Горького,
 Что фонтанчик засох, как булочка,
 А трамваи называли «тройками».
 Не гляди, красавица, пристально,
 Поживём ещё, не сломаемся,
 А махнём-ка, обратно к пристани
 И повторно в «Урал» завалимся.

У кузнечного горна

Варианты судьбы. Варианты свободы.
 Каждый сам примеряет:
 кто – колпак, кто – венец,
 Но в почете кузнец у любого народа,
 Потому что кузнец – всем ремеслам отец.
Привет: Перезвоном пасхальным
 звенит наковальня,
 Этот звон греет душу –
 как явление Христа...

У кузнечного горна,
 где работы – по горло,
В раскалённом железе
 живет красота.
Может быть, в этом мире
 есть прекраснее вещи,
Но кузнечное чудо
 я всех больше люблю....
Вот, рука выбирает подходящие клещи,
Что б из пламени вынуть огневую змею.

Припев:

Я вхожу в мастерскую –
как звонарь в колокольню.
Я берусь за лучину,
как художник за кисть...
Разгорается пламя, поднимаясь над горном,
И особенным смыслом наполняется жизнь.

Припев:

(Автор – **Николай Шабунин**, Пермь, эксперт Конкурса)

Весна в нашем огороде (26.05.2022; фото – **Марина Чжан**, Пермь)

«Анималистика»

21 января 2020 г. *Арт-резиденция*. Открытие выставки «Анималистика» – стараниями и тщанием нашего главного Кура-

тора выставочного дела в Перми и крае и неутомимого подвижника творческого начала в искусстве и культуре, в целом, Юрия Николаевича Лапшина. Ольга Пешкова – пермский художник, обычно пейзажист и пленэрист, выступает с весьма редкой в искусстве темой – психологизм живого существа через портреты (именно портреты, не просто изображения) животных, наших любимцев, живущих бок о бок с нами, и просто обитателей планеты Земля – со всеми их характерами, особенностями и неповторимым своеобразием.

Чётко уловленные образы. Нечто акварельно-мягкое и точное. Затягивает. Завораживает. Заставляет задумываться. А это – главное.

Наша благодарность за великолепное творческое воплощение. Наше пожелание дальнейших творческих находок и свершений. Наше искреннее восхищение...

(Автор текста и фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Работа бобров-лесорубов в пойме реки Гайва близ Перми (осина диаметром около 30 см, 10.10.2021, фото – *Марина Чжан*, Пермь)

Марина и дикие утки (далеко ходить не надо – Пермь, Закамск, 5.06.2023, фото – *Ал. Тимшин*)

Дерево-великан. Экотропа «Крым» (Закамск, 18.08.2022,
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

В водах Сылвы (окрестности с. Мостовая, 2.08.2022,
фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Лысьва

Под сдержанным пермским небом 17
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Легенда скалы Орёл

Старые люди много загадочных историй о Кыне помнят. Знала я когда-то женщину такую старую, что она сама давно потеряла счёт годам своим. И вот поведала мне старушка легенду скалы Орёл.

Жили в те далёкие времена в Кыну люди, не ведавшие злобы и жадности. Богат край кыновской рыбой, зверьём всяким, золотом и алмазами с самоцветами. Самоцветами ребятишки как простыми камешками играли.

Прознали люди разбойничьи о кыновском богатстве, налетели как вороны. Разбили они лагерь на том месте, где сейчас скала Орёл возвышается. Алчность людей лихих границ не знала. Глаза огнём адским горели при виде сокровищ.

Ничем не брезговали разбойники. Отбирали у детей их игрушки самоцветные, с женщин и девушек срывали украшения, местными умельцами сработанные. А противился кто – били тех жестоко. Многих людей обидели злые люди.

Жил тогда в Кыну парень сильный, красивый, статный, с ясным, орлиным взором. Бирюком жил. Побавивались его люди.

Поговаривали, что порой он в орла превращается и парит над Кыном высоко-высоко. Только крик его пронзительный слышен. И говорили ещё, что со зверьём и птицами разговаривать умел. И вот пропал парень этот, но увидели люди над Кыном орла огромного в небе. Навис орёл чёрной тучей над станом разбойничьим и упал камнем вниз. Накрыл орёл ворогов собой и окаменел, раскинув крылья, встав скалой величавой над Кыном. Так и сгинули разбойники, а вместе с ними и золото с алмазами и камнями драгоценными.

Говорят, что где-то в скале есть вход неприметный в пещеру. Кто пытался проникнуть в неё в поисках камней самоцветных да золота, затерялся в тёмных подземных лабиринтах. Никто и никогда этих людей больше не видел.

Много воды с тех пор утекло в речке Кынок, но до сих пор Орёл охраняет Кын, оберегая его от напастей и злых людей. А в Кын приезжают люди светлые да добрые. И настоящее сокровище Кына те, кто живёт в нём.

(Автор – *Галина Карпова*, Губаха,
лауреат Конкурса в номинации 3 - Художественная проза)

Легенда скалы Орёл (село Кын)

Легенда моя и светла, и печальна.
В ней мудрость и правда, и ложь,
И вечная жизнь, и великая тайна.
Всё сразу. Не верь, коль не хошь...
В Кыну, или дальше, жил старый помещик.
 Был зол он на Мир, на людей,
Бил плетью крестьян, они были как вещи.
 Никто не видал зверя злей!
В посёлке жила крепостная девчонка
 Пятнадцати от роду лет,
Смеялась она колокольчиком звонким –
 Красы её чудный секрет.
Помещик бесился, её лишь слышав,
 И аж багровел, супостат!
А сын его, добрый и смелый парнишка,
 Был девочке искренне рад.
Шестнадцать ему, ей намного ли меньше,
 Их чувства чисты, как слеза.

Но плоть неуёмная хлещет и хлещет!
 Погасли и смех, и глаза.
Та ссора с отцом расколола на части
 Его беззаботную жизнь.
А в сердце лишь месть вместо света и счастья.
 Врагами на скалах сошлись!
Уже никогда им не примириться.
 Жжёт злость не отца, палача!
И падает мальчик, как смелая птица,
 Раскинув лишь крылья плаща.
Давно уже сгинул помещик со света.
 А гордый Орёл с нами, здесь.
И в каменном сердце скрывается где-то
 Любовь, бескорыстие, честь...
От дедушек внукам легенду простую
 Сплетали веками, как нить.
Пожалуй, немного ещё сочиню я,
 Чтоб правду навек сохранить.

(Автор – **Елена Батураева**, Горнозаводск,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Солдатская каска

Держал солдат простреленную каску,
Она была пробита у виска.
И нежно гладил пальцем краску,
Счищая грязный слой песка.
Тень грусти медленно скользила,
Слегка касаясь губ и глаз.
Когда-то смерть ему грозила,
И умирал он много раз.
Стоят в строю седые ветераны.
Они спасли Европу от «Чумы».
«Vivat!» Кричали им Балканы,
Спасите нас, кричали с Колымы.
Спасла солдата Лысьвенская каска,
Россия мир спасла от «Сатаны».
Вас, победители, девчонка-синеглазка
Приветствует поклоном
 от имени страны.

К реке склонилась низко ива,
И что-то шепчет ей река.
Святая Русь сильна, красива,
Всё пронесёт через века.

Держал солдат простреленную каску,
Она была пробита у виска.
И видел он девчонку-синеглазку,
И видел танк, горевший у леска.

(Автор – **Иван Волков**, Березники, Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Маришка (Рассказ)

Маришке тринадцать лет, она похожа на Снегурочку, только очень худенькую и почти прозрачную. Хоть ростом не вышла, да и силёнок маловато, а считается совсем взрослой. Сегодня Маришка проснулась ещё до того, как мама ласково тронула её за плечо: «Пора!». Это прикосновение – единственное реальное, что осталось от довоенного времени, ведь детство было давным-давно.

А, может, не было того летнего воскресного дня, когда мама, тятя и Маришка гуляли в городском парке? Когда они вместе смотрели, как физкультурники строили живые пирамиды прямо под открытым небом. И их выступление так понравилась девочке, что она решила срочно начать тренироваться делать шпагат и мостик, и мечтала всех удивить своими спортивными достижениями.

Духовой оркестр расположился на летней сцене, и музыканты заиграли вальс «На сопках Манчжурии», на танцплощадке закружились пары. И тятя, обняв сразу и маму, и Маришку, стал раскачиваться в такт мелодии, приговаривая: «Девчули, мои! Любимые! Девчули!».

А вечером решили пойти на большой пруд.

- Ну, доча, собирайся! Научу тебя рыбу ловить, - вдруг сказал тятяка.

- Мам, а ты идёшь? – спросила обрадованная Маришка.

- Нет, это уж без меня. Обещаю из улова сварить вкуснейшую уху, - ответила, улыбаясь, мама.

Накопав в жестяную баночку червей, прихватив самодельную удочку из черёмуховой вицы и небольшой котелок, рыбаки спус-

тились по узкой тропинке к пруду. Они сначала нашли тихое место на берегу и расположились рядом с раскидистой ивой. Лучи солнца, падая на воду, отражались яркими искрами. Отец и дочь, шурясь, молчали и долго смотрели на гладкую поверхность пруда, словно боясь нарушить природную идиллию.

- Вот, Маришка, смотри и запоминай, – прервал молчание отец.

Он деловито поплевал на крючок и ловко насадил червяка, озорно подмигнув дочке:

- Маришка, плюнуть не забывай! Тогда обязательно поймаешь рыбу!

Тятя размахнулся и закинул удочку далеко от берега.

- А теперь внимательно следи! Как поплавок дёрнется, надо тянуть быстрее, пока рыба не ушла!

И Маришка, по совету отца, стала пристально смотреть на пробковый поплавок.

- Тятя, а что поплавок не дёргается?

- Подождать надо. Потерпи. А ты знаешь, какая рыба у нас в пруду водится? – шёпотом спросил тятя.

- Щука, наверное? – также тихо ответила Маришка.

- Ну, щуку мы с тобой вряд ли сегодня поймает. А вот уху из ерша или окуня, может, и сварим. Видишь рыбака в лодке? Вот он ещё сорогу может поймать. Эта рыба к берегу только весной подплывает.

Тут поплавок вдруг стал тонуть.

- Тятя! Ключёт! – Маришка дёрнула отца за рукав. Миг! И тятя уже снимал с крючка небольшую блестящую рыбку с красными плавниками и поперечными чёрными полосками.

- Окунёк, – пояснил отец, и рыбка переместилась в котелок с водой.

Наступила очередь Маришки закинуть удочку. Она повторила всё в точности, как и показывал тятя, бывалый рыбак, девочка даже не забыла поплевать на крючок.

И вот, замерев, юная рыбацкая стала смотреть на поплавок, как будто ждала сигнала: «На старт! Внимание! Марш!» Наконец, поплавок задрожал: там, в глубине, хитрая рыба пыталась осторожно снять с крючка червяка.

- Тятя! Тащи! – закричала Маришка.

И отец, как всегда, вовремя пришёл на помощь. На этот раз попался довольно крупный ёршик, он тоже отправился в котелок.

- Ну, что, доча, молодец! На первый раз – пойдёт! Дай пять! – тятяка хлопнул своей большой ладонью маленькую ручку дочурки, а та пошла в радостный пляс вокруг котелка...

Маришка, проснувшись, ещё вспомнила, как однажды сказала: «Тятя, а девочки в классе отцов почему-то папами зовут». А он назидательно ответил: «А ты, доча, зови меня тятей, а не папой! Папы, они в шляпе!»

Тут мысль у Маришки пошла в другом направлении: «Вот бы сейчас попасть в лето... Нарвала бы крапивы. Какая вкусная похлёбка получается из неё!»

Но сейчас февраль. Сугробы, темно и холодно. Мама сутками работает в госпитале, тятя на войне, а сама она работает на заводе № 700. Вот и проснулась Маришка от страха, что опаздывает на работу.

Февральский ветер забирался за шиворот, дул в рукава и больно колот пальцы. Она бежала по улице Коммунаров, но левый брезентовый ботинок на деревянной подошве постоянно цеплялся за правую ногу, девочка запиналась и падала. Хорошо, что всё это было во сне.

У Маришки оставалась ещё одна минутка до подъёма. В темноте она пыталась рассмотреть свои руки: хотя пальцы уже не так отекали, как в самые первые дни работы на заводе, и ранка на «прошитом» пальце уже затянулась, оставив некрасивый шрам, руки болели.

Маришка, как и соседские девочки, была швейей. Всю смену каски плыли и плыли по конвейеру, а швеи строчили на машинках подтулейные плоские подушечки, продвигая материал онемевшими руками. Может быть, от голода или недосыпа во время рабочей смены Маришка на секунду задремала, а теперь отметина того дня осталась на руке навсегда. «Это не страшно, – рассуждала она. – Скоро весна. И здорово, что кто-то прямо по конвейеру отправляет тряпичную куклу. Теперь я точно не усну за машинкой! Буду такой же внимательной, как тогда на пруду, я ведь первой заметила, когда окунёк схватил червяка, и поплавок задрожал».

Писем от тяти не было уже давно. Мама, прячась от Маришки, тихонько плакала. Но девочка точно знала: отец вернётся. Она пыталась представить тятю, как он после боя снимает каску, переворачивает её вниз дном и, вороша свои соломенные волосы, внимательно смотрит на прошитые Маришкой строчки. «Тук-тук-тук!» – стучат ботинки по мостовой. Мариша спешит, и как заклинание мысленно повторяет: «Тятя в каске! В моей каске! Всё для фронта! Всё для Победы!»

(Автор – *Лариса Гордеева*, Лысьва,
Победитель Конкурса в номинации 3 (Художественная проза) – 3 Место)

Рок-лайн 2015

Это вечная молодость,	будоражит,
это – лучшее;	делает ещё живее,
не разочаровываюсь –	не благообразит
лишь вышелушиваю	и не приглаживает,
близкие себе мотивы;	а делает злее,
не ищу – лишь плыву:	и где-то терпимее,
музыкальность извивов;	и где-то честнее;
да, что-то уже не приемлю,	а это тоже момент истины,
что-то просто не интересно,	особенно – когда он звонок
но, наверное, как все – верю:	и искренен.
эта музыка жизнь расцветивает,	26.06.2015, Лысьва

(Автор – Ал. Тимшин как *Светодар*, Пермь)

И вдруг я вижу трёхструнную балалайку

Легенда о лысьвенской балалаечке

Жил в горнозаводском уральском селе парень. В сказках его бы Иваном звали, а в жизни отец с матерью Василием нарекли. И фамилия у молодого мастерового была соответственная – Русских. Василий Русских.

Парень как парень, голубоглазый, волосом светел, в плечах широк. Много девок заводских по нём вздыхало. И не потому, что лицом пригож. Характер у парня был лёгкий, весёлый, неунывающий, хотя житьё-бытьё трудно шло. Семья большая, а работников двое: отец да он. Слесарили, а может, сталь лили. Одно слово – завод. Копоть, гарь, жара – всего наглотался за смену.

Ну а как выдастся свободная минутка, тут уж грустить-печалиться некогда. Успевай отдыхать. В руки балалаечку да

на вечёрку, что на лужке за околицей.

А там дружки-приятели ждут. Хорошо играл Василий. Начинал-то с частушек или с плясовой. Под самый конец грустную заводил. Подхватит её первая девка, за ней другая, третья... Поют, аж сердце останавливается. Кто и слезу смахнёт, закручинившись. А Василий, знай, играет.

Время шло. Балалаечка старилась, как ни берёт её хозяин.

И вдруг он приходит на вечёрку с новой балалайкой. Задел струны – нежным звоном отзывались, заиграл – словно запели струны. Сами собой запели. Заслушались все, никаких песен не надо. Только просят: играй да играй далее. Так всю вечёрку и проиграл без роздыху. А потом прикрыл струны ладонью – привычка такая была – и спрашивает:

- А ну, кто скажет, из чего балалаечку изладил? Вовек не отгадать. Думали долго. Много пород деревьев назвали. Да только слышат от хозяина-мастера:

- Не то, не то.

Ну, конечно, жаркие головы горячиться стали:

- Неча душить нас! Сказывай сам скорее!

Тут Василий и выпалил:

- Из железа она, из нашенского листа, лысьвенского!

Затихли парни да девки в изумлении, кто и рот забыл закрыть. А когда опомнились, стали балалайку проверять. Кто шелбан ей поставит – звенит железным звоном. Кто сзади ладонь кладет – холодно железо. А кто и на зуб пытается или ногтем царапает.

Мастер помалкивает, улыбается и прижимает бережно струны к корпусу – привычка такая.

Потом уж, когда убедились, что балалайка металлическая, головами закачали, девки заахали-заохали: «Ай да Василий, ай да умелец!», «Знай нашенских, уральских!», «Завсегда у него руки золотыми были», «Гли-ко чё спроворил!».

Сорок пять раз спорил Василий с земляками и заезжими гостями и всегда выигрывал, никто не угадал, из чего он балалайку смастерил. А когда состарился, это годков восемьдесят ему уж стукнуло, а то и больше, отнёс инструмент в музей, чтобы помнили люди своих мастеров-умельцев.

И лежит балалаечка на витрине за стеклом. Вот она, звонкая,

голосистая, как и раньше. Хотя сейчас бери в руки да играй! Одна такая в мире, как и Василий-мастер. Съездите в Лысьвенский музей, посмотрите! И сосчитайте, сколько годков ей. Ведь сделана она в 1910 году, а всё как новенькая! Что в этой легенде было, а что ложь, разгадывать читателю. Легенда она и есть легенда, с годами обрастает и фактами, и вымыслом.

(Автор – **Татьяна Пермякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Мемориальная доска на здании Станции Кын

Всё правильно – Гражданская война делит страну пополам, в ней нет победителей и побеждённых (точнее, она никогда не кончается, идёт война власти, государства против населения стран) – потому в памяти должны сохраняться – добрые или плохие – но деяния обеих сторон, люди обеих сторон – да с одинаковой беспощадностью правды об этом (*Ал. Тимшин*;
фото от 31.03.2019 – *Марина Чжан*, Пермь)

Очёр

До упаду

(рассказ из жизни – реальный случай,
произшедший в г. Очёр Пермской обл. в н. 60-х гг. XX в.)

Случилось это в небольшом уральском городке, после «хрущёвской оттепели».

Тётя Тася, жительница этого городка, была женщина дородная, суровая и на язык бойкая. На веку своём она повидала немало, и удивить её трудно чем. Жила одна, в своём доме. Муж на войне погиб. На пенсии, что она получала, особо не разговеешься, и тётя Тася приторговывала на рынке овощами да семечками. Кроме как посудачить с соседками, да выпить с кумой после работы по маленькой – других развлечений и не было.

День, о котором пойдёт речь, был для тёти Таси самый обычный, базарный. Выручка удалась, и решили товарки с барыша в кино сходить. В кино тётя Тася не была лет десять, всё как-то недосуг. А тут и её уговорили. Что за фильм – никто не знал. Да и какая разница. В общем, пошли. На афише было написано: «Пёс Барбос и необыкновенный кросс. Самогонщики».

Что такое «кросс», объяснила подругам баба Нюра, у неё внук – спортсмен. А кто такие самогонщики, никому не надо объяснять.

Ладно, купили билеты, сели. Сначала на экране мелькали счастливые шахтёры, сталевары и хлеборобы, которые выполняли и перевыполняли планы, и под музыку Шостаковича брали на себя всякие неслыханные обязательства. Весь зрительный зал вдохновенно лузгал семечки. Потом киножурнал кончился, и закрутили фильм. С первых же кадров кто-то из зрителей сказал: «У-у! Цветное. Хорошо».

Сюжет был очень прост: три мужика отправились на рыбалку и взяли с собой собаку. Каждый из этих мужиков выглядел смешно и очень знакомо. Кто-то узнавал в них соседа, кто-то родственника. Потом оказалось, что это не рыбаки, а браконьеры. Причём ничего у них не получалось. В конце концов, злоумышленники подорвались на собственном динамите. Всё это было так забавно, что зал покатывался со смеху. У худого и длинного браконьера после взрыва дымились подошвы. Тётя Тася, глядя на экран, басовито хихикала, и её большие груди колыхались.

Вторая часть фильма была о том, как те же самые герои варили самогон. Зал стонал от смеха. По широкому лицу тётки Таси катились слёзы. Она вся сотрясалась от хохота, когда незадачливые самогонщики гонялись за собакой, укрывшей у них змеевик.

Из клуба тётю Тасю увозили на «скорой помощи». В зрительном зале её уложили на носилки и понесли. Глаза тётки Таси сузились в щёлки. По лицу её блуждала счастливая улыбка, какая бывает разве что у ребёнка, на ладошку которому случайно села бабочка. Икая и время от времени похрюкивая, она одной рукой держалась за сердце, а другой – за живот.

Минула та эпоха, когда фронтовики играли роли балбесов, и как гениально играли! Светлая память Юрию Никулину, Алексею Смирнову и многим другим нашим великим актёрам.

Сейчас, зачастую, балбесы играют фронтовиков, и это – «две большие разницы».

По прошествии многих лет, я сижу перед телевизором и завидую тёте Тасе. Какое это всё-таки счастье, господа, – смеяться до упаду.

(Автор – **Андрей Баженов**, Пермь,
лауреат Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

Под сдержанным пермским небом 18
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

Баба Лида

Женщине из Очёрского р-на

Ей много лет, но старости не знает
Изведавшая многое душа.
Порой обиды горькие прощает,
Но подлость не проститься никогда.
Её много лет. Но сколько силы, воли
В натруженной за долгий век душе!
Она не требовала лучшей доли.
Что выпало, то выпало судьбе.
Ей много лет. Но чище и мудрее,
Как это поколение, не найти.
Не знаю я людей добрее,
Чем переживших лихолетия беды.
Ей много лет. И пережито много.
И старость ей покой не принесла.
Как хочется, чтоб у её порога
Ты, Молодость, одуматься смогла.
Ей много лет. Но молода, как прежде.
Я преклоняюсь перед силою твоей.
О, Молодость, какая ж ты невежда!
Вернись. Не мучь её, а пожалей!

(Автор – **Раиса Шаламова**, п. Керчевский, Чердынь,
лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

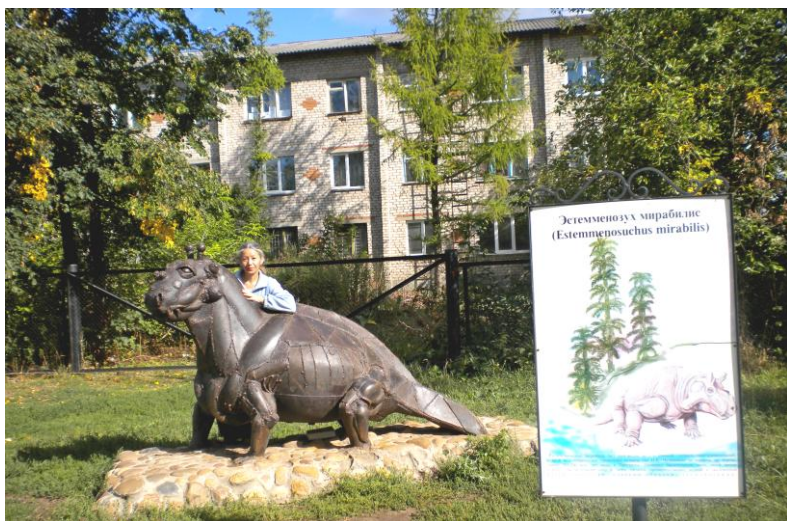
Солнечные часы Очёра

Нас ждёт уникальный памятник – чугунные солнечные часы.
Мимо них ни один турист не пройдёт.
Установлены они в 1885 г. инженером-механиком Николаем
Ивановичем Мальцевым. Автор проекта – горный инженер
Пётр Александрович Вологдин. Это единственные на Урале
солнечные часы чугунного литья. Показывают местное вре-
мя. Часы представляют собой треугольник-гномон на по-
верхности циферблата с 13 делениями римскими цифрами.
Циферблат прикрывает чугунную вазу. А ваза стоит на по-
стаменте-колонне. Находятся часы недалеко от Михайло-
Архангельской церкви, напротив дома, где когда-то жили из-
вестные на Урале учёные Вологдины.

Для Очёра солнечные часы – визитная карточка города. Этот уникальный прибор – объект культурного наследия федерального значения. Мы долго рассматривали часы, вертелись около них со всех сторон, пытались понять, как они работают, и определить время. Ничего не получалось – не умеем. Да и ветер мешал: открывал-закрывал тучами Солнце.

(Автор – **Татьяна Пермякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса;
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Эстемменозух и Марина Чжан в Очёрском парке
(28.08.2010, фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

Завод Павловский (28.08.2010, фото – *Ал. Тимшин*, Пермь)

Павловский пруд на р. Очёр (28.08.2010, фото – *Ал. Тимшин*, Пермь)

Река Очёр (28.08.2010, фото – *Ал. Тимшин*, Пермь)

Ежова гора. Места раскопок звероящеров
(14.09.2019, фото – *Марина Чжан*, Пермь)

Нытва

Под сдержанным пермским небом 19
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

С любовью к малой родине

Если б было дано в небеса полететь, словно птица,
Любоваться тобой с высоты, синеокая Русь,
Стал бы этот полёт бесконечно и радостно длиться,
И открылась бы взору любовь, и надежда, и грусть.

У предгорий Урала лежит городок величаво.
Бьются волны о берег, и радует глаз изумруд:
Отражает зеркально церковей купола златоглаво
Бесконечно любимый красавец и труженик пруд.
От седой старины и купеческих улиц приветы –
Изразцовые печи, наличников стареньких вязь –
Уступают дорогу, и ширятся в Нытве проспекты,
Но с корнями своими заметна незримая связь.

Деревушки вокруг обнимают наш маленький город
Наша тяга к земле сохранится в потомках и впредь.
Обелиск у пруда подтверждает, что если край дорог,
То не страшно в жестокой войне за него умереть.

Колосятся поля, от плодов тяжелеют деревья.
По заслугам труды земляков оценить не берусь.
Заводской городок и кормилица наша, деревня,
Мы лишь капля твоя, православная, вечная Русь.
(Автор – **Нина Заморина**, Нытва, гость и друг Конкурса)

Становление Учителя

*Учитель, перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени!*
(Н. Некрасов)

«Милая Таня...»

Татьяна Васильевна Одношова (Пепеляева) (8.01.1891 † 7.04.1941) родилась в уездном городе Оханск Пермской губернии в обеспеченной семье. Трёхлетней девочкой осталась без матери, Екатерины Леонтьевны. Дореволюционная жизнь Пепеляева Василия Петровича (1865 г. рожд.), отца Татьяны, была связана с уездным городом Оханском, а после 1901 г. – с сибирским губернским городом Омском.

Дело в том, что Василий Петрович имел ямщину, силами которой грузы перевозили от Оханска до Омска, путь от Оханска шёл сразу через паромную переправу через Каму. Эта переправа называлась Оханской, она действует и в наше время.

У Василия Петровича Пепеляева было две сестры, старшая, Евдокия Петровна, ставшая женой Иосифа Клементьевича Силина (о нём ниже), и младшая, Анна Петровна (1868 г. рожд.), выданная в 1886 г. замуж за Михаила Николаевича Висталина (1867 г. рожд.). Их сын, Аркадий Михайлович Висталин (1890 г. рожд.), уроженец Нытвенского завода, «русский, зам. директора Ново-Ильинского агентства «Камлесосплава», проживавший в г. Перми Уральской области. Арестован 17 марта 1933 г. сотрудниками ОГПУ Волжского транспортного отдела и препровождён в г. Горький. Осуждён коллегией ОГПУ в августе 1933 г. по статье

58-7 (контрреволюционная деятельность) УК РСФСР на 10 лет концлагеря, впоследствии – расстрелян».

Татьяна училась в Оханской женской гимназии, и после отъезда семьи в Омск жила в доме оханского купца Иосифа Клементьевича Силина и его жены, своей родной тёти, Евдокии Петровны. Этот дом – известный в Оханске дом-усадьба, состоящий из двух домов (второй из них – показан ниже).

Усадьба – памятник истории и культуры Пермского края к XIX – н. XX вв. (архитектор неизвестен). Дома входят в государственные списки администрации и министерства культуры Пермского края с 2001 г. Теперь этот архитектурный комплекс на долгие годы (или навсегда) – живая память о нашей бабушке Татьяне Васильевне, одной из первых учительниц Оханского уезда.

На этот адрес Татьяна получала корреспонденцию. Сохранилось, например, трогательное письмо-открытка от некоей Зои, которая спрашивает «милую Таню», ходит ли она на занятия в музей, и что наши инспекторы (видимо, школьные) говорили на собрании.

По данным метрической книги Успенской церкви г. Оханска, купец Иосиф Клементьевич Силин был поручителем по жениху Василию Петровичу Пепеляеву, отцу Татьяны. Иосиф Клементьевич служил в Оханской уездной земской управе, был: «членом раскладочного присутствия 1-го податного участка»

(1908), «членом Оханского по квартирному налогу присутствия» (1908, 1911, 1912), «членом раскладочного по промысловому налогу присутствия» (1909, 1912), «членом 1-го раскладочного по промысловому налогу присутствия» (1911, 1913, 1915, 1916), «членом Оханского городского по налогу с недвижимых имуществ присутствия» (1913, 1915, 1916). А позже восприемником одной из дочерей Татьяны Васильевны был мещанин г. Оханска Михаил Иосифович Силин, сын И.К. Силина (*Сведения из метрической книги Спасской церкви Нытвенского завода – прим. автора*).

В Оханской женской гимназии Татьяна получила хорошее образование. Гимназия была средним учебным заведением. Для получения среднего образования были обязательными семь классов, восьмой класс был дополнительным к аттестату. Татьяна закончила восемь классов. Лучшие ученицы – выпускницы восьмого класса – получали свидетельство, оно давало звание учителя. Гимназию Татьяна окончила в 1910 г.

Из истории Оханской женской гимназии

Первого сентября 1901 г. в Оханске была открыта трёхклассная женская гимназия. Её порог переступили 45 учениц. Находилась она в собственном доме, приобретённом и построенном на средства Земства. На верхнем этаже здания находилось пять классов, кабинет начальницы и библиотека, на нижнем этаже – три класса, физический кабинет, комната для занятий языками, комната врача и учительская.

Чтобы поступить на обучение в женскую гимназию, надо было предоставить на имя начальницы гимназии прошение, к которому приложить документы: свидетельство о возрасте и медицинское свидетельство. Прошение следовало подать за день до начала приёмных экзаменов. В программу для поступления в гимназию входили вопросы по Закону Божию, русскому языку, арифметике. Для поступления во вторые – седьмые классы обязательен был экзамен по рукоделию. Поступившие в гимназию ученицы изучали геометрию, естествознание, словесность. В расписании были также уроки рисования, рукоделия, пения. Основным предметом изучения был Закон Божий.

Ежедневно ученицы записывали задания в дневнике, где также выставались отметки преподавателей по предметам,

отметка за поведение ученицы в течение недели, роспись классной надзирательницы. Ученицы обязаны были носить форменную одежду.

В августе 1905 г. гимназия стала семиклассной, а в 1906 г. – восьмиклассной. На 1 января 1912 г. в гимназии было 289 учениц.

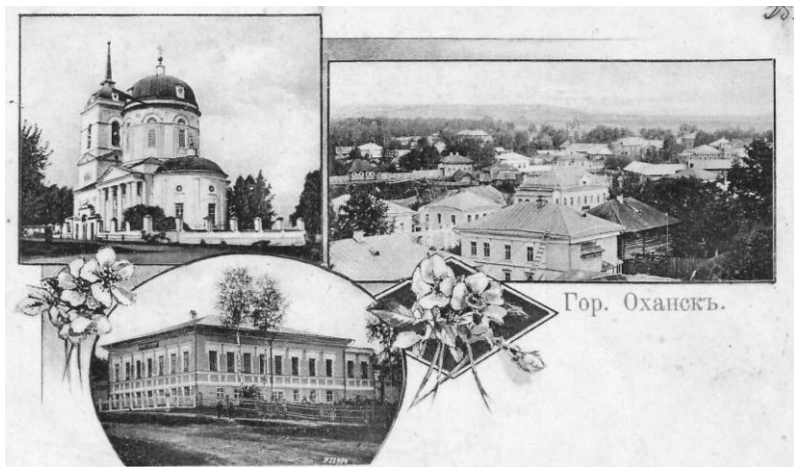
Выпускницы гимназии поступали на работу педагогами или заведующими школами. За период с 1906 по 1913 гг. из стен гимназии выпустили более двухсот девушек, возраст которых был от 18 до 20 лет.

В 1910 г. после окончания гимназии Татьяна Васильевна начала свою педагогическую деятельность – учительницей в Оханском уезде в селе Большие Корелы Клёновской волости. В селе жили русские, бывшие государственные крестьяне.

«Дорогая Таня!

Дабы и нам в своём глухом местечке Корелах не быть столь блаженными счастливыми, будем в деревне искать друзей – книги, а в городе будем искать живых умных людей и слушать их речи.

Ваша Зоя».

Открытка 1912 г. с видами г. Оханск Пермской губернии
(на врезке – здание женской гимназии)

Затем Татьяна Васильевна учительствовала в селе Острожка. Острожская школа была открыта в сентябре 1871 г. в церковном доме. Учителем был псаломщик, *«лицо случайное, без под-*

готовки». Позднее учителем был назначен Сабуров, выдержавший испытание на звание учителя. Учеников насчитывалось 53 человека.

4 октября 1887 г. в селе Острожское Оханского уезда в присутствии председателя земской Управы Жакова происходило торжественное освящение вновь построенного каменного здания для волостного правления и народного училища. На первом этаже находилось правление Острожской волости. До 1915 г. на втором этаже здания помещалась трёхклассная школа. Учились только мальчики. В школе было 130 учеников.

Педагогические курсы

В молодости Татьяна Васильевна неоднократно повышала свой профессиональный уровень. В 1912 г. училась в Оханске на педагогических курсах. В июне 1913 г. занималась на Пермских общеобразовательных курсах. В советские годы (1933 г.) повышала профессиональный уровень на третьих областных учительских курсах в городе Молотове.

Особенно хотелось бы выделить Оханские педагогические курсы, которые открылись 15 июня 1912 г. при большом стечении народных учителей в здании народных школ Оханского земства. Курсы по составу лекторов являлись почти прототипом столичных. Число слушателей – 400 человек, преобладали учительницы, составлявшие 76% от общего числа обучающихся в уезде. Кроме земских учителей, слушали лекции учителя церковно-приходских школ Оханского уезда.

Курсы, устроенные Оханским земством, были весьма удавшимися (по сравнению с таковыми, организованными Пермским уездным земством). Оханские учителя могут гордиться энергией, настойчивостью своего Земства, добившегося проведения курсов в городе Оханске, поскольку в столице и многих провинциальных городах они были запрещены.

Большинство лекторов прибыли из Петербурга, часть из них читали лекции на учительских курсах 1911 г. в Петербурге. Вот сохранившиеся имена лекторов: Мальцевский (химия), Бороздин (история литературы), Смирнов (педагогическое рисование), Золотарёв (история педагогики), Никонов (методика естествознания), Арженников (методика арифметики), Городцов (методика пения). Были лекции по психологии,

анатомии и физиологии. Лекции по методике Закона Божия читал священник Сосунцов (г. Казань). Инспектором народных училищ Южного района господином Меглицким были разосланы по училищам списки книг, подобранных применительно к содержанию лекций.

Это были дорогостоящие педагогические курсы, поскольку в качестве преподавателей были приглашены известные всей России педагоги. Польза для учителей была огромная.

Педагогические курсы в г. Оханске в 1912 г. Пепеляева Т.В. – в верхнем ряду, шестая справа

Задача Земства – увеличить число хороших учителей. Ежегодно при приглашении на службу новых преподавателей из всей массы желающих поступить в Оханский уезд выделяли кандидатов, получивших специальную учительскую подготовку.

Восьмой класс Оханской женской гимназии (исключительно педагогический) выпускал подготовленных преподавательниц, почти все они оставались в качестве учительниц начальных школ.

Очень приятная для меня встреча произошла в июле 2011 г. в городе Очёре в краеведческом музее им. А.В. Нецветаева: в отделе «Образование» висит большая общая фотография «Педагогические курсы учителей в городе Оханске в июне-июле 1912 г.». Такая фотография есть и в Государственном архиве города Оханска, где я была несколько раз, а также в Нытвенском историко-краеведческом музее.

И в нашем семейном архиве сохранились фотографии лекторов педагогических курсов из Петербурга, Казани и других городов России, а также фотография «Педагогические курсы учителей в городе Оханске в июне-июле 1912 г.», на ней слушатели курсов, в том числе и Татьяна Васильевна Пепеляева (первая слева, в первом ряду).

Школы, в которых работала Татьяна Васильевна

Учитель, воспитай ученика,

Чтоб было у кого потом учиться (Е. Винокуров)

В 1913 г. Татьяна Пепеляева вышла замуж за служащего Нытвенского завода Михаила Павловича Одношова. С этого времени Т.В. Одношова (Пепеляева) жила в Нытве.

В Государственном архиве Пермского края в делах по личному составу за 1923-1933 гг. под № 1755 записана Пепеляева (Одношова) Татьяна Васильевна, начало педдеятельности – 1910 г.

Из воспоминаний Елены Михайловны Демановой (Одношовой):

«Учительская династия нашей семьи начинается с Пепеляевой (Одношовой) Татьяны Васильевны, моей мамы. Она окончила Оханскую женскую гимназию, преподавала математику:

- в Филихинском начальном училище Нытвенского завода;*
- в Нытвенском мужском народном земском училище (сейчас это здание Нытвенского историко-краеведческого музея);*
- в Нытвенском (городском) высшем начальном четырёхклассном мужском училище;*
- в советский период обучала учеников в Единой трудовой школе второй ступени;*
- в мужской школе (ныне здание музея);*
- в Нытвенском педагогическом техникуме.*

Многие нытвенцы учились у неё. Знаю, например, что Ширинкина (Суслова) Нина Васильевна, учительница математики школы № 1, училась у мамы».

Училища, в которых работала Т.В. Одношова:

- 1915 г. – Филихинское начальное училище Нытвенского завода. Это училище было открыто в деревне Филихе в 1913 г. (в ней жили государственные крестьяне, русские).

Сведения директора народных училищ Пермской губернии:

«Список учителей начальных школ 2-го района Оханского уезда. Начато в 1915 г.: по списку под № 200 записана Одношова Татьяна Васильевна, Филихинское училище Нытвенской волости, русская, имеет звание учительницы начальных народных школ.

Инспектор народных училищ 2-го района Оханского уезда – подпись».

В здании Нытвенского историко-краеведческого музея находилось Нытвенское мужское народное земское училище. Годы деятельности: с января 1886 г. по 1919 г. Открыто Оханским земством.

«В 1885-86 учебном году число земских школ увеличилось с января 1886 г. открытием одной новой в Нытвенском заводе, потому что заводское князя Голицына училище, состоявшее в министерстве народного просвещения, не было в состоянии удовлетворить потребности крестьянского населения, наполняясь детьми одних заводских мастеровых. Почему Земство, прекратив отпуск пособия этому училищу, открыло для крестьян новое училище» (по документам НИКМ).

Для училища было построено собственное здание (Ныне – это здание музея). В училище принимали, в основном, крестьянских детей. Пятилетний срок обучения, полученные знания приравнялись к начальному образованию. В 1913 г. среди учеников числилось 200 мальчиков и 20 девочек.

Из архива Нытвенского историко-краеведческого музея:

Т.В. Одношова преподавала в земском училище математику в канун Октябрьской революции 1917 г. и некоторое время после революции.

В 20-е гг. XX в. в здании музея размещалась начальная школа мальчиков. Т.В. Одношова преподавала в ней математику.

(Автор – **Валентина Деменева**, Пермь, участник Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

Воткинское водохранилище у Нытвенского «полуострова»

(6.08.2011, фото – **Марина Чжан**, Пермь)

**«Дорога к храму» иконы Божией Матери «Одигитрия»
(8.08.2011, фото – *Марина Чжан*, Пермь)**

**Вид с колокольни храма в п. Уральский (22.07.2017,
фото – *Ал. Тимшин*, Пермь)**

Большая Соснова

Большая Соснова – родина Героя

Село Большая Соснова... Один из отдалённых уголков Пермского края, что находится на границе с Республикой Удмуртия. «Село на Сибирском тракте» – так назывался документальный фильм, снятый здесь в 1970-х гг. Действительно, Великий Сибирский тракт, тянувшийся через всю Россию, главная торговая артерия страны, не миновал и Большую Соснову. В далёкое село на Урале, от путников и путешественников, следующих по тракту, доходили известия о громких событиях в Российской империи.

Тракт заменял и радио, и телеграф, и телевидение, и газеты. Он будоражил новостями, новыми лицами. Нарушал сонное оцепенение и монотонность крестьянского быта. Ежедневная быстрая смена саней и повозок у почтовой станции, пролетавших по селу вихрем и таявших в снежной пыли... Медлительное передвижение пеших групп богомольцев, следовавших на поклонение православным святыням... Торговые обозы, с заботливо укутанным и перевязанным грузом и зоркими возчиками, с заткнутым за кушак топором, для остротки встречных незнакомцев на длинных ночных перегонах... Скрипучие телеги переселенцев в Сибирь, за вольной и сытой жизнью, которая скрывалась от них всё дальше и дальше за таёжные вёрсты, а истомлённые нуждой и путешествием люди шептали: «Ништо, авось да дойдём!»

Тракт манил за собой. Уводил прочь. Был наглядной картиной возможных жизненных перемен. Не зря поэт Валерий Клещев писал о нём:

*«Через Казанские дубравы,
Через уральские поля,
Сибирский тракт проложен славный,
Многострадальный, как земля.
Как кровь натруженною веной,
Пульсировала трактом жизнь.
Возница тройки незабвенной
Кричал в запале: «Берегись!».
То детский плач, то мат острожный
На нём звучали в дождь и в зной.*

*И был от взоров скрыт надёжно
Тот тракт берёзовой стеной...
Стремясь к земле обетованной,
Переселенцев шёл обоз,
Дымил костром привал желанный
В тени спасительной берёз»*

Дошедшие до наших дней большесосновские легенды почти все связаны с Трактом. О шайке разбойников, разграбивших на тракте повозку, что везла добычу с царских золотых приисков, и перебивших охрану... О гулявших в округе отрядах приспешников Емельяна Пугачёва, захвативших Воткинский завод и даже спланировавших настоящее сражение с регулярными войсками близ села Полозова... О кладах, зарытых уральскими кержаками, в надежде на наступление благодатных времён возврата старой веры... Об Александре Герцене, которого провезли через село в кандалах в сибирскую ссылку... И много других рассказов, ходивших в народе, которые делали ухабистую и скучную дорогу чем-то необыкновенным, почти сказочным.

Михаил Наумов, будущий Герой Советского Союза, родившийся в Большой Соснове в далёком 1908 г., юбилей рождения которого (115 лет) земляки будут отмечать в 2023-м, тоже слышал эти народные предания и впитывал романтику Сибирского тракта. Но в период его детства появились новые легенды, соответствующие реалиям 20 в. Детство и взросление Михаила Наумова пришлось на непростое для страны время. Менялся весь жизненный уклад. Революция и гражданская война. Гигантские и необратимые перемены в закостенелом крестьянском быте.

В своей первой книге «Хинельские походы», изданной в 1959 г. в Перми, он описывал своё босоное детство так: «Моё прошлое – это детство и юность советской эпохи, заполненное борьбой простых людей за обновление и лучшее будущее своей Родины. Вот весна и лето 1919 года. Колчак бежит... Моё родное село, наконец, свободно. По Московско-Сибирскому тракту, по Уральским отрогам, на восток, на Пермь, движутся колонны пропылённых, загорелых бойцов – красные полки Тридцатой дивизии... Я и моя мать стоим на обочине под вековой берёзой, а по тракту с утра до ночи всё идут и идут колонны. И вот пришёл мой отец. Он уже не тот, кем был раньше, – не батрак. Вместе со всеми шагает он по

тракту, и солдаты с большими алыми звёздами на шлемах-будёновках поют... Отец завоевал мне свободную жизнь и мир. В уральское село снова пришла Советская власть».

Родился Михаил Иванович Наумов в простой крестьянской семье. Из поколения в поколение Наумовы и Сальниковы (девичья фамилия его матери) жили в Большой Соснове и крестьянствовали, обрабатывая свои небогатые земельные наделы и кое-как перемогаясь от урожая до урожая. Семьи были, как правило, многодетными и нужно было затратить немало сил, чтобы обеспечить своих домашних хотя бы простецкой едой, кой-какой обувью и одеждой.

Повенчались его родители рано. Им было по 18 и 19 лет. А семья стала прибывать и прибывать... Через 3 года после свадьбы родился Михаил. Всего же у Ивана Афанасьевича и Анны Андреевны Наумовых родилось 8 детей (4 сына: Михаил, Иван, Николай и 4 дочери: Клавдия, Валентина, Екатерина и Мария). Михаил был самым старшим из сыновей, что не могло не отразиться на негласной детской «иерархии». Кому, как не ему, быть авторитетом для младших братьев, подражавших ему во всём? Кому, как не «старшенькому», быть первым помощником отцу в домашней работе и в поле, и на сенокосе, и в лесу на заготовке дров? И он старался оправдать надежды родителей.

Семье приходилось настолько туго в материальном отношении, что отец – Иван Афанасьевич – нанялся к зажиточному крестьянину И.П. Лебедеву, организовавшему кожевенный «заводик». Сапожное ремесло не было у крестьян в почёте (вспомнить хотя бы поговорку «пьян как сапожник»), но давало копейку в семью, и Михаил помогал отцу, получив первые трудовые навыки и проникнувшись неприязнью к тем, кто наживался на эксплуатации бедняков.

Первым из братьев его отдали на учёбу в местную школу, где мальчик показал хорошие способности: память, настойчивость, крестьянскую сметку и лидерские качества. Его сестра Клавдия Наумова вспоминала, что в детские годы брат, с ватагой сверстников, устраивал походы в уральские леса за ягодами и грибами, любил рыбалку, а став постарше – и охоту, добывая зайцев и тетеревов.

Название Большой Соснове дала река Сосновка, что причуд-

ливо петляя, протекает по низменной части села, именуемой Подгорицей. По берегам речки – вековые тополя, плакучие ивы. Всплеск в воде рыбы, стрекотание кузнечиков в траве, полёт стрекоз с блестящими крыльями и жаркое летнее солнце, припекавшее макушку светловолосому парнишке. Стоя неподвижно с удочкой на обрывистом берегу, Михаил мечтал. О чём? А о чём мечтают все дети? О прекрасном будущем, где будет вдоволь еды, одежды, где не будет бедняков, где он сам пробьёт себе дорогу в жизни, своим собственным умом и способностями и станет красным командиром. Новые легенды Сибирского тракта времён детства Михаила Наумова – это Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Рассказы отца об участии в гражданской войне, об отваге бойцов-красногвардейцев, биография Василия Константиновича Блюхера, штаб армии которого некоторое время размещался в Большой Соснове, будили воображение сына. Фигура доблестного и справедливого воина-богатыря, защитника Отечества, становилась тем образом, которому хотелось подражать. Не о том мечтал подросток, чтобы себе «нажить копеечку», но о перспективах, которые открыла перед ним Советская власть: в учёбе, в профессии, в жизни. Его мечта стать «красным командиром», офицером РККА, сбылась. Но сначала надо было учиться.

Юный Михаил Наумов не только получал в школе знания, но и активно включился в общественную работу. В той же книге он писал: «На мне алый галстук, я вожу пионерский отряд в лес и в поле, в сельском народном доме мы декламируем стихи и поём новые песни. Ещё год-два – и я секретарь комсомольской организации. На базарной площади митинг. Я на трибуне... призываю всех вступать в Осоaviaхим... Так, год за годом, увлечённый борьбой за новый уклад жизни, я рос и мужал вместе с советским строем».

Таким образом, Михаил Иванович Наумов признавал, что большесосновское детство и юность сыграли важную роль в становлении его характера, воспитании волевых качеств, инициативы, взаимовыручки и коллективизма, трудовой закалки. А во время срочной службы в РККА с октября 1930 г. он получил военную выправку, энергичную и чёткую манеру разговора, свойственную военным служащим. С этого момента М.И. Наумов надолго связал

свою жизнь с армией, стал кадровым военным, как говорится, «военной косточкой», повышая свой образовательный и профессиональный уровень при последующем обучении в Гомельской военно-химической школе, а затем в Высшей пограничной школе (г. Москва). Это помогло ему в дальнейшем при организации партизанской борьбы на Украине в годы Великой Отечественной войны, когда он был назначен командиром крупного партизанского соединения и совершил несколько длительных и успешных кавалерийских рейдов, по результатам которых был представлен в 1943 г. к званию Героя Советского Союза.

О военной биографии Михаила Ивановича Наумова есть достаточно много подробных научных и беллетристических работ, воспоминаний, документов. Его вклад в победу в Великой Отечественной войне общеизвестен. А вот период детства и юности изучен менее подробно. Между тем, отсюда, с берегов уральской реки Сосновки, шагнул он во взрослую жизнь. Далеко увёл его от Большой Сосновы Сибирский тракт. Но где бы он ни сражался, трудился и жил, он не забывал родное село. У него сохранялась крепкая эмоциональная связь с родителями. Он писал им подробные, уважительные, ласковые письма, а в послевоенное время регулярно приезжал из г. Киев, где жил с семьёй, в отпуск к родителям в Большую Соснову, навестить их и помочь.

Родители М.И. Наумова похоронены на кладбище в Большой Соснове. Иван Афанасьевич Наумов умер 13 марта 1969 г., в возрасте 83-х лет. Анна Андреевна Наумова скончалась 11 августа 1970 г., пережив мужа на год. «Большесосновские корни» М.И. Наумова остались в уральской земле. Сам он пережил мать всего на 4 года и умер в 1974 г., похоронен в Киеве.

Уйдя из родного села вслед за новыми легендами Сибирского тракта, Михаил Иванович Наумов сам стал одной из легенд и ныне у здания большесосновской школы находится памятник-бюст Героя, прославленного партизана, пограничника и гене-

рал-майора, а большесосновские мальчишки, проход мимо, под-
нимают голову и любуются на ладную фигуру человека в «ку-
банке» и с Золотой Звездой на груди, что прожил достойную и
яркую жизнь, став примером для подражания. 7.02.2023

(Автор – **Галина Двойнишникова**, лауреат Конкурса
в номинации 2 – Документальная проза)

Начало зимы

Тихо. Мило. Спокойно.
Снежок покрывает грязь.
Чисто. Бело. Привольно.
Так в декабре зима началась.
Осень слегка задержалась ныне.
Скучно, уныло тянулись дни.
Лишь иногда поутру подстынет,
И заблестают в лужах огни.
Безмолвно. Хрустко. Морозно.
Зима вступает в свои права.
Весело. Живо. Задорно.
Бежит детвора с утра.

Осень

Кружится листьев стая,	Остановись! Послушай!
Весёлая, живая.	По сторонам взгляни!
Но их не замечая,	Вдруг растревожит душу
Уткнувши взгляд под ноги,	Прощальный вздох листвы.
Спешим своей дорогой.	И медь её не вечна,
Не в силах удержаться	Увянет пестрота.
Листы ковром ложатся.	Всё покрывалом белым
И весело шурша,	Накроет пелена....
Цепляясь за подошвы,	Ах, как же мы беспечны!
Замедлить ход хотят.	Исчезла красота!..

Наши дети

Кто весело и яростно
 прыгает, кричит,
Кто в уголке тихонечко
 задумчиво сидит.
Кто песни современные
 вполголоса поёт,

Удачу ухватить легко
В её великолепном платье.
нам встречается везде:
В убогом сереньком домишке,
В крутом с крыльцом особняке
И на страницах старой книжки.
Кто в речке видит отраженье,
А кто заглянет в облака.
Счастливым стать – не преступленье,
Но удаётся не всегда.
(Автор – **Лариса Вилесова**, с. Кленовка, Бол. Соснова,
участник Конкурса в номинации 4 – Поэзия)

Под сдержанным пермским небом 20
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

«Кленовка – моя малая родина!» (экскурсионный маршрут)

Уважаемые гости Кленовской земли, я – Соломенников Ярослав, рад приветствовать вас и познакомить с одним из уголков Пермского края. На границе с Удмуртией (в 15 км) находится моё любимое место отдыха и силы, земля моих предков, мой маленький рай.

Старинное русское село Кленовка, что расположено в Большесосновском районе Пермского края, ныне совсем неболь-

шое. В нём всего 127 дворов и 277 коренных жителей от 419 проживающих, много дачников, которые приезжают сюда на летний отдых. Вот и я каждое лето приезжаю в гости к своей прабабушке Люде, чтобы отдохнуть, купаться, загорать, сходить в лес по грибы и ягоды или порыбачить на пруду. Весело и интересно пробегают летние деньки!

Нынешним летом мне посчастливилось первый летний месяц июнь отдыхать вместе с учениками местной школы на летней оздоровительной площадке. Каждый день работающие с нами педагоги знакомили нас с многообразием народов, населяющих Россию. Это было очень интересно и увлекательно! Они пробудили во мне интерес к изучению истории самого села и школы, так как в одном из кабинетов были расположены экспозиции школьного музея. Немаловажную роль в пробуждении интереса к этому вопросу моих исследований сыграл и тот факт, что при распашке огорода мы нашли гильзу и пули от винтовки трёхлинейки, как сказал мой дед-охотник. А ещё, чуть наискосок, в ста метрах от бабушкиного дома стоит старинное кирпичное полуразрушенное двухэтажное здание. Все эти факты и позволили мне заняться изучением истории села Кленовка и школы, как основного культурного и просветительского центра местного населения.

Примерно в сер. 18 в. при строительстве Сибирского тракта образуется новое поселение – почтовая станция. Здесь ямщики могли дать отдых себе и лошадям, переждать непогоду зимой, отремонтировать повозку. Оказывается, даже среди моих далёких предков были держатели постоялого двора, которые пускали на постой путешественников по тем небезопасным дорогам людей.

Позже, в 19 в., по этой же дороге стали гнать в Сибирь ссыльных каторжан. Село разрастается, потому что здесь организуют пересыльную тюрьму – этап.

На самом въезде в село, на правой стороне, стоит длинное белоснежное здание. Вот уже более 50 лет здесь находится местное образовательное учреждение. Название школы неоднократно менялось, что отражало изменения в обществе.

Сегодня школе 111 лет! Восемь педагогов обучают 41 учащегося на двух ступенях образования: начальной и основной.

Детский сад является структурным подразделением школы, и у них один директор – Дробинина В.Н.

В 1911 г. в богатом и большом селе Кленовка при церкви открывают церковно-приходскую школу, где могли учиться далеко не все желающие. В 1918 г. в молодой советской республике объявляют о борьбе с неграмотностью, и в Кленовке школа переходит на четырёхклассное образование для всех без исключения. После окончания гражданской войны и укрепления советской власти стране требуются всё более образованные люди, поэтому в 1933 г. школа переходит на семилетнее образование.

Наибольшее количество учащихся в школе приходится на 60-е годы прошлого века, когда подросло поколение послевоенных детей пятидесятников. С 1965 г. школа становится средней общеобразовательной. В это время школа переживает расцвет: коллектив педагогов насчитывает свыше 50 человек, учеников – свыше 350. Кстати, моя прабабушка Люда была в первом выпуске 1967 г. Наиболее запомнившимися для учеников стали два директора, которые длительное время руководили КСШ – это А.А. Мусихин и Т.А. Наговицына. С 2012 г. Кленовской школе присвоено имя А.А. Мусихина, почётного гражданина Большесосновского района и местного краеведа. Благодаря стараниям этого человека в 70-е гг. 20 в. в школе открывают музей, где основные экспозиции рассказывают о красногвардейском отряде, руководимом В.А. Лещевым.

В начале 21 в. резко сокращается число обучающихся, поэтому школу преобразуют в основную, каковой она является и сегодня. 2012 г. – Кленовская основная общеобразовательная школа им. А.А. Мусихина.

В архитектуре здания видны две части. Левая старинная часть с высокими потолками и арочными окнами была построена для администрации этапа и отдыха пересыльных каторжан в 19 в. Конвой из числа солдат, сопровождавших этапиремых, отдыхал в казармах, которые были построены чуть ниже и образовывали ещё одну, старейшую, улицу в селе, поэтому она до сих пор называется Солдатская.

Правая часть – пристрой – была сделана в 60-е гг. 20 в., когда резко возросла численность учащихся в школе, и прежние

площади не могли удовлетворять потребности. Здесь располагаются кабинеты и спортивный зал.

В годы гражданской войны в левой старинной части располагался госпиталь для раненых красноармейцев. Не всех раненых удавалось вылечить, поэтому умиравших от ран хоронили на сельском кладбище, по другую сторону от дороги. Но после кровопролитного сражения за Кленовку, которое красноармейцы проиграли, колчаковцы заняли село и всех раненых и работавших в госпитале врачей вывели в берёзовую рощу и расстреляли. На месте расстрела установлен памятник, за которым ухаживают школьники.

Командиров-красноармейцев колчаковцы разутыми и раздетыми гнали около 1,5 км по снегу и расстреляли в Поганом логу, запретив хоронить. На месте расстрела позже был установлен надгробный камень. В советское время при обустройстве центра села прах из лога перенесли и установили памятник с фамилиями героев-красногвардейцев.

Историю школы, села и военных действий красногвардейского отряда бережно хранит школьный музей. И пусть сегодня его экспозиции свёрнуты и учащимся доступны лишь часть экспонатов, я с большим интересом их посмотрел и узнал много интересного об этом месте.

Нашу экскурсию мы проводим по одной из старейших улиц – Октябрьская, а ещё есть Лесная, Панельная, Новая. Именно Октябрьская улица соответствует Казанскому тракту и на ней расположены основные достопримечательности Кленовки.

Двигаясь к историческому центру села, мы можем увидеть старинное двухэтажное здание из красного кирпича, сейчас пребывающее в полуразрушенном состоянии. В дореволюционное время это был купеческий дом с торговой лавкой. За ним когда-то размещались конюшни, завозни и склады – добротные, деревянные приземистые строения, которые были разобраны лишь в 80-90-е гг. прошлого века. В гражданскую войну здесь размещался штаб красногвардейского отряда, а в Великую Отечественную – детский дом. Организован он был для эвакуированных из Ленинграда детей, но и после войны, когда многие вернулись обратно, детский дом продолжал работать, так как многим сиротам было некуда по-

даться. Закрыт был в 50-е годы, когда уменьшилось количество обездоленных детей.

Селом было принято называть населенный пункт, где была церковь. Кленовка располагается на возвышенности и на самой её высокой точке предки построили в 18 в. церковь. Но ей так же, как многим на Руси, не суждено было сохраниться. Само здание простояло вплоть до 1978 г., но обезглавленным, без колоколов и служб. Чего только не устраивали здесь. Последнее, что помнит моя бабушка – кинотеатр и дом культуры. За пять копеек можно было сходить на детский киносеанс. А когда-то на площади перед церковью шумели богатые, шумные с балаганами ярмарки, которые длились неделями.

Ныне на этом месте находится Мемориальный комплекс. Он создан для увековечения памяти односельчан, погибших в разное время в военные годы. Стена с фамилиями и центральная скульптура солдата со склонённой головой и опущенным автоматом, посвящены памяти погибших в годы Великой Отечественной войны. В 2020 г. дополнительно на стене укреплена плита памяти героя-земляка, Опалева А.А., погибшего в 1945 г., которому посмертно присвоено звание Герой Советского Союза. Две плиты и пирамиды со звёздами по обе стороны от солдата выдвинуты чуть вперёд – это память о павших в гражданскую войну.

Кленовчане чтут память своих предков, не вернувшихся с войны. На 9 мая, 22 июня, в выпускные вечера стар и млад идут к «Алёше» (так они ласково называют свой мемориал) и проводят митинги с минутой молчания, стихами и песнями. Вот и я нынешним летом стал участником митинга и велопробега по улицам села 22 июня.

Здесь мы и закончим нашу экскурсию. Надеюсь, что вам было со мной интересно, и вы ещё не раз сможете сюда вернуться. Уверяю вас, что не пожалеете! Вы ещё не видели ближайшие леса и поля и не слышали истории о тех деревушках, что уже исчезли с лица земли, но пока ещё о них помнят мои прабабушка Люда и бабушка Лариса. Они так увлекательно рассказывают, что только остаётся внимательно слушать.

(Автор – **Ярослав Соломенников**, Пермь, с. Кленовка (Б. Соснова), номинант Конкурса в номинации 2 – Документальная проза)

Счастье

(Рассказ посвящён моей бабушке Анисье Дмитриевне, проживавшей в деревне Развилы Большесосновского района Пермского края)

Эх, вольготно в деревне у бабушки Анисьи. Клубничные узоры, горохи да черёмухи, малинники да ельники грибные. На речках заветные места рыбацкие. Куда сегодня играть? Айда на старый комбайн.

У восьми детей бабушки Анисьи полтора десятка внуков. И все мы летом в деревне. Босоногие, носимся, предоставленные сами себе. Огород большущий, а по краю – дерева. Черёмухи.

А на них мы, что тебе обезьяны. Сидим на ветках да объедаемся сладкой крупной ягодой.

До избы метров пятьдесят. И такой оттуда вдруг дух вкусный потянется. То бабушка печь протопила да курочку запекает. А другой раз – парёнки. Это конфетки такие деревенские, из репы да брюквы, кубиками нарезанные да в печи протомлённые. Наберёшь их полные карманы, без меры. Вот тебе и провизия.

А кончились – айда на горохи, что сочные да спелые, за деревней зеленеют. И от пуза натрескаешься, не спеша да безоглядно. Ребята уже убежали, а ты не торопишься.

И вот стоишь на косогоре, с ветром да солнышком наедине. Во все стороны – воля. И никто в сию минуту о тебе не помнит, не знает. Хоть стой, хоть беги, хоть ногами дрыгай. И совесть твоя перед Богом чиста. Это ли не свобода?!

А вона узоры солнышком припеклись да клубникой манят – отдельная вкусоптица.

А если в майку набрать и домой принести, бабушка молока парного в кружку нальёт, да с молоком ту клубнику и мякаешь.

А потом – спать. Хошь – на сеновал, хошь – на полати.

Ночью, с полатей, шёпот слышу. Бабушка молится. На стене ходики старинные тикают, лампадка чуть подсвечивает. Бабушка с Богом беседует. Мне, советскому дитяте, чудно.

Так и мужа своего, Илью Михайловича, от смерти вымолила, когда он под Курском в первой линии обороны врага встретил.

«Танки ихние, что отара овец, на тебя прут. Прут да лязгают.

Как их остановить, сперва даже не понятно», – сдерживая слезу, рассказывал дед. Позций не сдали, немцев остановили, а Илья Михайлович, весь израненный, остался жив. И – медаль «За боевые заслуги».

После войны деревня не сразу оклемалась. Мужиков мало, работы много. Выстояли. И деревню, и страну всем народом восстановили. И в космос первые полетели.

К 60-м годам в Развилах, так бабушкина деревня называлась, уже крепкое хозяйство было. Две молочные фермы, поля вокруг обработанные. Трактора, машины. Нам, тогдашним ребятишкам, горюшко уже и неведомо. Спасибо дедам да бабушкам.

Когда Иван, самый старший сын Анисьи Дмитриевны, целину в Казахстане осваивал, младший, Алексей, ещё совсем пацаном был.

Соседки бабушку на улице останавливают:

– Митревна, чего баню-то посередь недели затопила?

– Не топила я.

– А вон из её дым валит.

- Ах ты, господи, то Алёшка с друзьями надумали тайком покурить.

К соседям всегда по-доброму. В сенях у бабушки бочонок с квасом. Вкусный квасок, забористый. Кто мимо ни пройдёт, всяк желает угоститься. Да пожалуйста. Избы не запирались, и душа открыта.

Бабушка в горниле печном ухватом шурудит, а в открытое окно голова соседского мальчугана Вовки заглядывает:

– Митревна, конфетку дай.

– Да нету у меня.

– А ты на второй полке-то посмотри.

Так куда же сегодня? Ах, да, на старый комбайн. Он за фермой, ближе к речке, ржавеет.

Пацаны уже там, наверное. Срезая путь, бегу между двумя коровниками. И вдруг земля подо мной проваливается, и я погружаюсь всем телом во что-то вязкое и тёплое. Судорожно хватаюсь руками за поверхность, а она ломается на куски и не даёт опоры. Как немецкий рыцарь на Чудском озере. Только там вода, а здесь навоз. Это навозная яма оказалась. Большая, широкая.

В жару сверху корочкой толстой покрылась, от земли не отличишь. Туда и ухнул. Еле выбрался.

Стою, обтекаю. Из коровника вышла молодая доярка и, глядя на меня, засмеялась залиvistо.

Да-а, а мне-то не до смеха. Раскорячась, побрёл домой. А вокруг меня мухи летают, тоже радуются.

Подхожу к бабушкиной избе, открываю калитку и вижу: посреди двора в большом тазу стоит мой двоюродный брат Валерка, а моя мама отмывает его от навоза. Увидев меня, она всплеснула руками:

– Ба-атюшки. Ещё один!

Тут на крыльцо вышел дядя Миша – мамин брат и, оценив обстановку, изрёк:

– В говне тонул – счастливым будешь.

Было ли оно, счастье-то, будет ли? А может, купаемся мы в нём, сами того не замечая да на ерунду сетуя. Секрет счастья в том, что оно возможно только сейчас. Это и в самом слове «счастье» заложено: СЧАС.

(Автор – **Андрей Баженов**, Пермь, лауреат Конкурса в номинации 3 – Художественная проза)

Большая Соснова (4.08.2013, фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Оханск

Под сдержанным пермским небом 21
(художник – **Василий Поляков**, Пермь, друг Конкурса)

* * *

К нам горестная весть пришла на днях:
Смертью героя наш племянник пал в боях.
Он с честью нашей Родине служил –
На Украине «братской» буйну голову сложил.
Скорбим о нём все мы, – и ты и я,
Скорбит о нём российская земля.
Он добровольцем служить Родине пошёл,
В неполных 37 в бессмертие ушёл.
И будет безутешна в этом горе мать.
До дней последних ей о потере сына горевать.
Ей будет слышаться басок его родной:
«Мама, прости, что не вернулся я домой.
Ушёл от нечисти Россию-матушку спасать,
Ведь я не трус, просто не смог сидеть и ждать,
Что за меня мой долг исполнит кто-нибудь другой.
Мама, прости, что не вернулся я живой...»
Тебя мы будем помнить, наш герой!
Для нас всех будешь ты – всегда живой!

Ты честь свою в бою не запятнал.
За землю русскую ты ЖИЗНЬ свою отдал...

Милая Русь

Как люблю я тебя, моя милая Русь!
Приклонюсь я к тебе, будто к ласковой маме.
В поле чистое выйду и с тобой обнимусь.
Ты росую заплачешь. Я заплачу слезами.
Хорошо нам с тобою вдвоём.
И рассветы встречать и закаты.
Вместе речку по мостику мы перейдём,
Как в детстве бывало когда-то.
Как люб я тебя, моя матушка Русь!
Для меня стороны нет милее и краше.
Выйду в поле, я тебе до земли поклонюсь.
Ничего нет дороже, чем Родина наша!

Мы будем помнить

С конца войны прошло немало лет,
но до сих пор не затянулись раны.
В память погибших в горниле страшных бед
склонили головы седые ветераны.
Давно отгрохотала проклятая война,
но отголоски по сей день слышны.
Нет, не забудет павших спасённая страна
и больше не допустит безумия войны.
И над могилами бойцов мы поклянёмся,
что будем помнить их подвиги всегда.
В минуту скорби молча за руки возьмёмся.
Бессмертной славе не померкнуть никогда!
Мы вспомним всех вас! Поимённо!
И мёртвых вспомним, и живых!
Потомков благодарность вам – безмерна,
дни и года, даже столетья пережив!

* * *

Как надоели эти проклятые войны!
Как мы устали в беспределе этом жить!
Когда же будут матери за сыновей спокойны?
Какому ещё Богу молитвы нам творить??!

Россия наша всем народам помогала,
но доброту её никто не оценил...
Америка вражду лишь Разжигала
и рухнул в одночасье мнимый мир.
За что ж вы, страны, так на русских ополчились?
Иль зависть гложет, что Россия вам не по зубам?
Всю память о России разрушить вы решились,
А, заодно, и по своим прошлись безмозглым головам.
Что русские вам сделали плохого?
Что? Наступили на "любимый на мозоль"??
Россия ещё скажет своё крутое слово!
И в этой схватке будет НАША Главной Роль!
И сколько б вы Россию не гнобили,
Не обливали бессовестным враньём,
Россию любим мы, как и всегда любили
Мать-Родину мы никогда не предаём!!!

Не хочется стареть

А мне не хочется стареть!
Бегут года неумолимо,
А мне бы в детство улететь,
В тот светлый край неповторимый...
Где милой девочкой была,
В весёлом платьице в горошек,
А за окном весна цвела –
Мир детства был таким хорошим!
Вижу себя, как наяву,
С русой косичкою за спиной,
По тропке узенькой я бегу,
И тень моя бежит за мной.
Слышу гудение шмеля
И щебет птиц над головой,
И шум листвы на тополях,
И пахнет свежеею травой...
Как мне не хочется стареть.
Года бегут неумолимо.
А мне бы в юность улететь,
Где ты назвал меня любимой.
Любимой девушкой твоей,

С походкой лёгкою летящей.
Пел о любви нам соловей,
Пел о любви о настоящей.
И было лето за окном,
Пахло душистой земляникой.
По тропке узкой шли вдвоём
"Как мир прекрасен! Погляди-ка!"
Не будем о годах жалеть, –
Пусть чередой проходят мимо.
Хорошую бы песню спеть
О жизни нашей нерушимой!
А за окном осенний дождь,
Ветка в стекло стучит уныло.
Меня ты за руку берёшь,
Надёжно мне с тобой, мой милый.
Ах, рано нам ещё стареть,
Стучат часы неутомимо.
В твои глаза хочу смотреть,
В них видеть свет неугасимый...
А снег кружится за окном,
Птицы давно все улетели.
Мы у окна сидим вдвоём,
Виски от снега побелели...
Пусть время нам с тобой грозит,
Суля болезнь и неудачи,
Бог нас с тобой всегда хранит,
Мы стерпим всё и не заплачем!
И всё ж не хочется стареть,
Летят года неотвратимо!
Придёт пора всем улететь,
В небесный край невозвратимый...

Любимому селу

Ах, Остроженька, Острожка,	В небе жаворонок звонкий,
Для меня ты лучше всех!	Дарит песню соловей.
Похвалю тебя немножко,	Выйду в поле на рассвете,
Ведь хвалить совсем не грех.	В час когда поёт петух:
То низины, а то взгорки,	Запад, юг, восток и север –
Даль лесная, ширь полей,	Ширь, аж захватывает дух!!!

Пятый век ты разменяла,
Наше древнее село,
Беды, войны испытала
То, что было – всё прошло...
Нет нигде яснее неба,
Нету солнышка теплей.
Приезжайте, кто здесь не был,
Встретим ласково гостей.
Ты стоишь, как будто в чаше,
В окружении лесов,
Сила ты и гордость наша,
Земля русских праотцов.
Село наше, живи дольше!
Хорошей ты с каждым днём!
Дари радостей побольше –
Мы с тобой не пропадём!
Ехать никуда не мánит
В заграничные края,
Лишь Острожка не обманет –
Здесь судьба и жизнь моя.

Тишина

Люблю я слушать тишину
В лесу январском зимнем.
Дерева спят в густом снегу,
Им снится сумрак синий.
И никого со мною нет,
Здесь только я да лыжи
Скрипят полозьями... ан нет,
Вот звук какой-то слышу!

Прислушалась... вновь тишина,
Лишь снег чуть слышно вьётся.
А я стою совсем одна,
И сердце чаще бьётся...
Вот снова звук... Да это тишина
Со мной играет в прятки.
Всё хорошо, я не одна,
А, значит, всё в порядке!
Как здорово плыть по лыжне,
Вдыхая воздух сладкий.
Летят снежинки в лицо мне,
Щекочут нос украдкой...
Со мною даже ветерок
Заигрывать умеет!
Как будто невзначай, снежок
Он сыплет мне на шею.
А я в ответ смеюсь до слёз
Над ветерком игривым.
Мороз слегка щипает нос.
Бегу домой счастливой!
В лесу я вовсе не одна –
Плывут со мною рядом
Снежинок рой, и тишина,
И счастье, – мне в награду!
Плохое где-то далеко,
И мысли все в порядке.
В душе спокойно и легко.
А белизна кругом,
как чистый лист

в тетрадке...

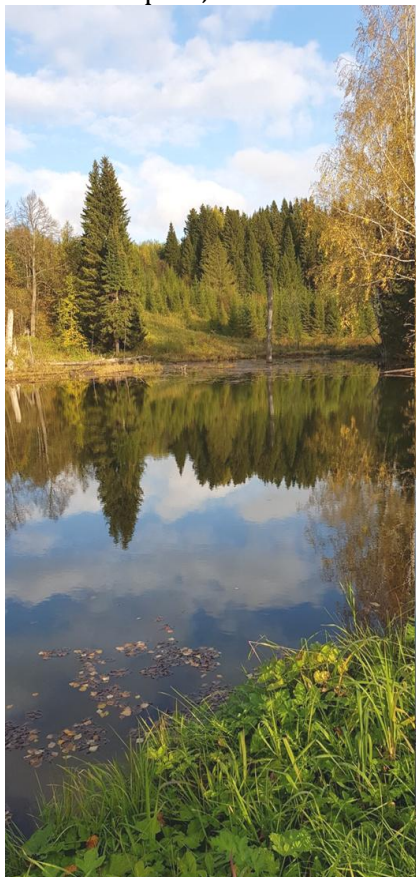
*Август 2022 (Автор – Надежда Малишевская, Острожка,
Лауреат Конкурса в номинации 4 – Поэзия)*

«Оханская изюминка»

Оханцы сохранили свою историю градостроения. Здания со-
держатся в порядке. Не разваливаются. Несколько из них по-
крашены в яркий вишнёвый цвет. Вроде бы вызов, но нет...
Нравится мне этот необычный цвет. Очень он вписывается в
рябиновую красавицу осень. А зимой! Что будет зимой!..

Празднично всё будет.

У многих старинных особняков Оханска свои истории и легенды. Например, в доме протоирея Знаменского бывал в гостях Сергей Дягилев. В женской гимназии, где было сто воспитанниц, обучались даже девочки-крестьянки. В бывшем здании мужского реального училища сейчас детский сад. Так вот по ночам сторожей пугает призрак, раздаются ребячьи голоса, кто-то разбрасывает игрушки. Говорят, что этот призрак однажды предупредил сторожа об аварии: вдруг в подвале в ночное время кто-то стал разговаривать, спустился сторож в подвал и увидел, что трубу прорвало. А самая интересная легенда такая: в городе Оханске существует таинственный город «Оханский рай», только никто его найти не может.

Езжу я по многим городам Пермского края. Везде своя изюминка. Где-то берёзовый край. Где-то, как, например, в Краснокамске, предпочтение жёлто-горчичному цвету в покраске зданий. В Очёре привлекает художественная ковка оград и ворот. А где-то вообще ничего не надо, только состарившийся от времени под ветрами, дождями, снегами серебристо-серый блеск бревна на избах. И везде хорошо, тактично.

Между тем подъехали к деревне Любимово. Автобус останавливается. Неспешно идём под горку к небольшому пруду.

Осень делает своё дело. Опять плачет скромным дождиком. Лиственные деревья, даже берёзы, здесь почему-то оголёны, а ели

празднично зеленеют, да и трава ярко-зелёная, густая, свежая. Солнца нет, но пруд играет красками: тёмный коричневый цвет взблёскивает зеркальными полосками. Облака, серые в нависшем небе, отражаются белыми пятнами в воде. Ряд елей – ломкое неровное изумрудное отражение у дальнего берега. Ворота в деревню (да-да, я не ошиблась!) распахнуты. Верх столбов по бокам – вырезанные лица бабушки и дедушки хозяина первой усадьбы. Они оберегают внука. Нас ждут.

Изба принадлежит Павлу Колчанову, художнику и резчику по дереву, а также плотнику, кузнецу, пчеловоду. Нет, наверное, такого дела, которым бы не владел Павел, интеллигентный человек, бывший учитель рисования. Он из этих мест. «Эта деревня наша, – говорит Павел. – Тут мои бабушка и дедушка

по отцовской линии жили».

Деревни как таковой я не вижу, но название есть, значит и деревня живёт. Павел начал её возрождать. Получил по наследству пай – восемь гектаров. Построил основательный дом по всем деревенским правилам. Окна в резных наличниках. На воротах в большой крытый двор тоже резьба – обереги. Но жить одному не захотелось. Стал приглашать на постоянное место жительства единомышленников, благо, современные технологии позволяют это делать на расстоянии, и каждому желающему дарил по гектару земли. Так в деревне появилось пять семей.

Говор у Павла уральский, на «О». Хозяин гостеприимен, прост в общении, готов ответить на все вопросы, обо всём рассказать и всё показать. Меня не покидает чувство, что современность куда-то отступила, и мы попали в другое, «ранешнее», время.

(К огромному сожалению, в начале 2023 г. Павла Колчанова не стало. Осталась лишь светлая память об этом светлом, творческом добром человеке).

Павел проводил нас к следующему дому, спрятанному за речкой-ручейком с детским названием Горюхалиха. По узенькому живописному мостику переходим на другой берег. Здесь новая встреча с пермским керамистом Еленой Синн.

Мастерская художника небольшая, и в ней только три стены. Четвёртой нет. Вместо неё выход в пространство, в закаты и рассветы деревни Любимово, в неограниченный мир природы, где виден каждый листик травы и деревьев, где слышен птичий щебет и шорох ветра. Пола тоже нет – земля. Посредине мастерской большой самодельный стол. По стенам на многочисленных полочках – банки с краской и глиняные изделия, влюбиться в которые просто обязательно.

Я разглядываю кувшины, тарелки, пиалы, кружки и чашки различных неповторяющихся форм, красок и рисунков. Это не классическая керамика, созданная на гончарном круге.

Это ручная произвольная фантазия с оттисками на глине листьев, цветов, ягод, веток. Изделия радужные, яркие, притягательные. Края их неровные, извилистые. Таков художественный почерк Елены Синн. Изделия лёгкие, кружевные.

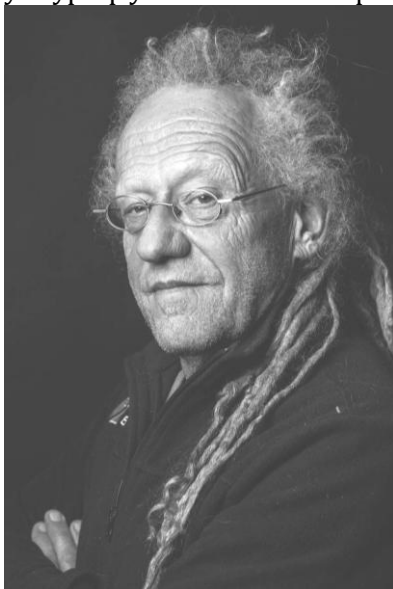
С удовольствием беру в руки – это позволяет – маленькую фигурку какого-то странного существа, напоминающего и птичку, и человека. Волшебство!

В мастерской гам, восклицания, удивление, праздничное возбуждение. Думаю, что некоторые из нас впервые в гостях у художника-керамиста.

Всем всё нравится.

Вдруг ещё неожиданность – в гости к Елене пришёл немец Клаус Бургер, известный в Европе музыкант и композитор. Жаль, я не встретила с ним и пишу о нём по рассказам. Кла-

ус Бургер уже известен в Пермском крае.

Первое, что бросилось в глаза тем, кто увидел Клауса, – ходит босиком. Об этом я знала из телеочерков. Дождь, непогода, лето, осень, весна, город, деревня – ему всё нипочём! Предпочитает «свободу ног». А зимой – голые ноги в русские валенки! Вот и сегодня он был в тёплой куртке и... босиком. На седой голове дреды. Прижился Клаус в Любимово. С трудом получает визы на три месяца и... в Россию, на Урал, к друзьям, принимающим и понимающим его. К истинной свободе и красоте, ко-

торую открыл на пермских просторах. Хочет построить свой дом и обживать на уральской земле. Кстати, немецким композитором Клаусом Бургером написана симфония «Чусовая».

(Автор – **Татьяна Пермякова**, Пермь, эксперт и друг Конкурса)

Село Дуброво (Сибирский тракт, раннее утро 5.08.2013,
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Итоги доморощенного «социализма» (с. Дуброво, 5.08.2013,
фото – **Марина Чжан**, Пермь)

Очёрский Острожек в нашей жействительности
(5.08.2013, фото – **Ал. Тимшин**, Пермь)

На пароме Оханск – Берёг Камы (5.08.2013, фото – *Марина Чжан*, Пермь)

**Панорама Оханска с Камского парома
(5.08.2013, фото – *Ал. Тимшин*, Пермь)**